

Александр Карпов

A man with short, dark hair and a light beard is shown from the waist up, wearing a bright orange suit jacket, a white dress shirt, and a dark tie. He is looking off to the right with a serious expression. The background is a warm, orange-red gradient.

**Приключения
капитана
Шпарина**

Никто не знает, что может случиться с ним в малознакомой местности. Свернув с лесной тропинки, бывший спецназовец Михаил Шпарин переносится в загадочный мир, где многое перевернуто с ног на голову, невозможное — возможно, и головокружительные приключения на каждом шагу. Сходство с другим человеком сыграло с героем коварную шутку, теперь его любят и ненавидят, жалеют и презирают, преследуют и хотят убить.

Глава 1. За поворотом

Шпарин оделся, повесил сумку с вещами на плечо, запер дверь и заглянул к соседям, семейной паре, доживающей век в деревне. Старики хлопотали по хозяйству, Тимофей Анатольевич красил забор, его жена, Евдокия Семёновна, в галошах на босу ногу обирала ягоду с кустов ежевики.

— Я уехал, Евдокия Семёновна, — сказал Шпарин, протягивая ключи. — Присмотрите за домом?

— Как всегда, Миша. Маршруток сегодня не будет, на магазине объявление, к обеду приедет Валера и тебя отвезёт.

— К обеду я буду в городе, — отказался Шпарин и потрогал пальцем синюю шпакетину забора соседей. — По прямой до трассы километра три, прогуляюсь, погода хорошая.

— Лес сырой, ночью был дождь, — предупредил Тимофей Анатольевич.

— Не сахарный, не размокну.

— В следующий раз книгу новую привези. Только обещаешь.

— Привезу. Счастливо оставаться.

Усыпанная иголками тропинка вильнула, обежала замшелый пенёк, семейку длинных мухоморов и раздвоилась под прямым углом. Левая лесная дорожка, залитая солнечным светом, запетляла в корабельных сосновых стволах, правая, во влажных испарениях, коряво нырнула в густые сумерки елей. Шпарин потоптался на развилке, любясь поразительной картиной, — разделёнными массивами елей и сосен, шагнул с тропинки и споткнулся о корень ели. Раздались тонкие звуки лопнувших гитарных струн, и шершавые стволы ёлок бросились на него, обступая со всех сторон. Шпарин вздрогнул, увернулся от летящих в лицо веток, протиснулся между деревьев и, сделав несколько шагов, скатился в кювет.

Серая лента идеальной бетонки, нестандартная разметка. Широкие разделительные линии, белые, красные, жёлтые. И белый щит на противоположной стороне дороги. В овале из остроконечных зелёных листьев — клыкастая морда медведя и два слова — «Соединённое Губернаторство».

Шпарин, оставляя мокрые следы на бетоне, выбрался на дорогу, потёр подошвой кроссовки жёлтую линию, красную, белую, покачал трубу, на которой был закреплён щит, махнул ногой по высокой траве у её основания и, держась за столб, огляделся. Слева бетонка уходила в поворот, справа вела к перекрёстку. За перекрёстком зеленели просторные поля, окаймлённые полосками леса. В центре перекрёстка, в травяном круге, торчал ещё один указатель. Шпарин бросил столб, повернул направо, на слабеющих ногах начал обходить травяной круг и читать надписи на стрелках-табличках: «Боровск 23... Губернаторск 106... Семихолмск 2754... Белогорск 482... Зеленодомск 3568... Красносельск... Белокаменск... Государственная граница Северная Конфедерация 27».

«Чёрным по-белому: государственная граница. Ни сумки, ни телефона, ни бумажника, ни носового платка, ни расчески в карманах. Михаил Иваныч, вы, часом, не сбрендили? Какие мысли: параллельный мир, другое измерение, Тмутаракань... Страшный сон?».

Небо странно пожелтело, воздух наэлектризовался, начал струиться, зашипел, с небес полезла грязная рыжая вата, превращаясь в стремительном движении в рыжий туман. Туман вскипел и распался мириадами оранжевых точек. В рыжем мареве выросла плоская гора. Склоны горы со срезанной верхушкой мгновенно покрылись растительностью. На

возвышенность полезли циклопические строения с куполами и тарелками параболических антенн на крышах. Выросли и устремились к небу пирамидальные решётчатые мачты потрясающей высоты, выросли зеркальные сверкающие конструкции, выросли, попрыгали с горы, побежали за горизонт, и над лесом возник блеклый купол света. Из купола полезли разноцветные нити и, хаотично двигаясь, сплели разноцветные шары. Шары, вращаясь, закружили вокруг сверкающего шара, большого и косматого, слепящего глаза. Бледно-голубая планета с ярко очерченными контурами земных материков, покачиваясь, прошла над головой и врезалась, разметав малышей, в косматый шар. Вспышка. Небо поделилось на квадраты. Квадраты обратились в кубики и заплясали по небосводу. Новая вспышка и кубики сплывались в оранжевое облако. В облаке беззвучно проплыл табун низкорослых черно-белых полосатых лошадок, важно прошествовало стадо маленьких мохнатых слонов, за ним в высоких жёлтых травах потянулись кучки смешных антилоп с кривыми и погнутыми рожками на головках. За антилопами не скрываясь, открыв пасти и тяжело дыша, протащился прайд львов. На африканский мираж обрушились, распугав зверей, отряды конников на лохматых лошадях, и бросились, открывая рты в крике, навстречу лавине всадников несущихся в облаке пыли. В жестокую сечу врезались мерно марширующие колонны людей в сверкающих доспехах, колонны перестроились в каре, воины обнажили мечи и ощетинились копьями.

Отчетливая достоверность событий, ощущаемая разумом и покрытой мурашками кожей, не давала повода думать, что он сошёл с ума и осознание ужасной катастрофы, которая произошла с ним, было близко.

От накатывающей истерики отвлёк шум мотора. Из-за поворота показался пятнистый джип без номеров, проехав мимо, автомобиль резко затормозил. Открылись двери, из машины выскочили военные в камуфляже и коричневых беретах — рыжеусый розовощёкий здоровяк с капитанскими погонами и конопатый, коренастый сержант с автоматом.

— Неужели это ты?!.. — воскликнул капитан, всматриваясь в лицо Шпарина. — Додоня, наручники!

— Вы чего, мужики? Обознались?!

Шпарин попятился к кювету. Но пистолет в руке капитана не оставлял шансов — до стены леса за спиной метров двадцать, до ствола, направленного в живот, не более трёх.

Конопатый сержант забросил автомат за спину, проверил карманы Шпарина, сковал запястья и затолкал в машину.

Между первым забором из колючей проволоки и вторым, дощатым, крашеным в зелёный цвет, лежали собаки. По верху третьего, самого высокого, бетонного, торчали длинные металлические усы, толстые стержни с круглыми набалдашниками и коробки видеокамер.

Серые раздвижные ворота, вышка с будкой и, судя по храпу, спящим часовым наверху. На воротах полуметровые буквы — «Военный клинический госпиталь» и синий ромб с чёрной змеей на ножке зелёного бокала.

На табуретке, подпирая спиной закрытую дверь щитового домика, опустив голову, дремал солдатик в жёлтых ботинках.

Не глуша мотор, капитан вылез из машины и подкрался к солдатiku. Раздался сочный звук оплеухи. На вышке проснулись и заржали.

— Бобков! Дрыхнешь!?! — рявкнул капитан. — Открывай ворота!

На территории госпиталя царил идеальный военный порядок — всё белено и крашено, вылизанный бетонный плац, прямые дорожки посыпаны гравием, ровные ряды тополей, разноэтажные строения из белого кирпича. Над одним из зданий частокол антенн и светлый шар на плоской крыше.

По плацу нарезали круги солдатики в намордниках-противогазах. В касках, с автоматами с примкнутыми штыками, сапёрными лопатками, брезентовыми ранцами за спиной.

— Ляхов в штабе? — спросил капитан у сержанта наблюдающего за бегунами с полной выкладкой.

— В штабе, господин капитан. Гуляют! — приложив ладонь к берету, ответил тот и кивнул на двухэтажное здание в кустах жасмина. Его нежно-дурманящий запах Шпарин почувствовал ещё у ворот.

В штабе напротив двери деревянный стол с табуреткой. Капитан выдвинул ящик стола, разворошил аккуратную стопку бланков и, полистав журнал с фотографиями голых женщин, скрутил его в трубку.

— Бардак! — сказал капитан, поворачивая голову.

В конце коридора в нише под аркой висел часовой. Шпарин прислонился к стене. Сержант с отвисшей челюстью попятился. Всё оказалось гораздо проще. Чтобы было удобнее охранять штаб, часовой воткнул в верхнюю часть деревянной арки штык-нож автомата и, повиснув на его ремне, дремал.

— Да-а!.. — протянул капитан, разглядывая многочисленные отметины вверху арки. — И куда только начальство смотрит, в том числе и я?

Часовой проснулся и ошалело захлопал глазами.

— Урмикин! Я смотрю это вошло у личного состава в привычку, но попался именно ты, — процедил капитан и врезал солдатику в челюсть.

— Мордобой, как основной метод воспитания подчинённых, — сказал Шпарин. — Замечательная статья бы получилась.

Злые глаза капитана повеселели, он растянул узкие губы в издевательской ухмылке и похлопал Шпарина по плечу.

— Отписался, дружок.

В кабинете плавали клубы дыма и стоял ядрёный запах перегара. За столом, уставленным пустыми бутылками с этикетками «Водка Глобарёвская», сидели три сержанта, офицер, и пели дурными голосами. Увидев входящих, белобрысый синеглазый офицерик вскочил, шатаясь, поднёс ладонь к виску и прокричал:

— Лейнант Лях-ов!

— Вы бы ещё проституток привезли! — бросая на стол журнал, сказал капитан. — Спаиваете личный состав. Сержанты, свободны!

— А-а... Особый отдел пожаловал, — буркнул лейтенант. — Прис-аживайтесь, Супонев. Прошу закусить.

Лейтенант упал на стул, закрыл левый глаз и, рассматривая Шпарина, спросил:

— Кта эта-а?

Не отвечая лейтенанту, капитан снял телефонную трубку и набрал трёхзначный номер.

— Супонев. Двоих из дневной смены ко мне в штаб. Стоп, не надо. Сами справитесь. Бобкова с КПП — на гауптвахту, Урмикина с 1-го поста — на гауптвахту. И найдите козла,

который должен дежурить по штабу. Найдёте — на губу!

— Рас-стрелять, — сказал лейтенант, поднимаясь и вытаскивая из кобуры пистолет. — Вас надобно, знаете ли, голубчик, эта... рас-стрелять, если не сознаетесь. Немедленно. И второй пусть тоже со-со-знаётся.

Лейтенанта качнуло. Раздался выстрел.

— Придурок!.. — охнул Шпарин, дрожа жилкой на виске. — Ну и придурок!

— Ляхов, идите отдыхать! — приказал капитан.

Лейтенант икнул, положил пистолет на стол, зевнул и по дуге направился к выходу. Капитан поднял пистолет, схватил стеклянную пепельницу полную окурков, бросил в мусорную корзину и окинул взглядом стол.

— Додоня, дербалызнуть хочешь?

— Кто ж не хочет, господин капитан. Не в наших правилах отказываться, если начальство настаивает. Пополнее наливайте, — глотая слюну, попросил сержант.

— Ты, Додоня, дипломат. В другой раз, — ухмыльнулся Супонев. — Я пошутил.

Шпарин оглянулся. Пуля попала в лоб лысому старикану на картине в золоченой раме за спиной. Рыхлое лицо в посеребрённой бороде, долгополый синий мундир, аксельбанты из золотой проволоки, золотые пуговицы, золотой пояс, на перевязи пурпурного цвета палаш в изумрудных ножнах.

— Его Превосходительство Генерал-Губернатор Глобарь Елифан Аристархович, — прочитал Шпарин надпись под портретом. — С мечом до колена, я так понимаю, ваш предводитель. Солидный мужчина.

Капитан распахнул окно, послонялся по кабинету, порылся в ящиках стола и потянул полуоткрытую дверцу стенного сейфа. На нижней полке поверх бумаг, папок и прочих канцелярских принадлежностей лежала бутылка водки.

— Спиваемся потихоньку, — сказал Шпарин. — Скоро вас можно будет брать голыми руками.

Капитан поглазел на дырку во лбу Генерал-Губернатора и перевёл взгляд под ноги. На полу валялась сплюснутая пуля. Супонев снял картину, прислонил к стене, достал из нарукавного кармана несколько зазубренных пластинок и, поколдовав над замком сейфа в стене, удовлетворённо потёр ладони.

— В моих краях вы бы пользовались бешеной популярностью в определённых кругах, — наблюдая за манипуляциями капитана, заметил Шпарин.

В кабинете стало заметно светлее, воздух зашипел, запорхали оранжевые точки, в тело вонзились тысячи иголок, звуки лопнувших гитарных струн, «мбум-бум-бум... — застучало в ушах, — мбум-мбум-бум... Зу-з-з-зу-з-зу-з...», — сменился стук визгом.

Предметы в кабинете и фигура капитана заколебались и приобрели размытые очертания. Кабинет раздвоился. Одинаковые капитаны в одинаковых кабинетах стояли у открытых сейфов в стене. В одном кабинете капитан положил в сейф толстую папку жёлтого цвета, в другом — заглядывая в сейф, пучил глаза и, держась руками за голову, морщился от боли.

Визг в ушах сменился стуком, голова прекратила распухать, боль, иголки и оранжевое мельтешение исчезли, предметы в кабинете и капитан вернулись в обычное состояние.

Супонев убрал руки от головы, достал из сейфа ту самую папку, толстую, жёлтого цвета, вытащил из папки лист и не спеша изучил.

— Ничего не понимаю, но лейтенанту конец. Оборотень! Грёбаный конфедерат! —

выругался капитан, бросая папку в сейф. — Разорваться, что-ли? Сержант, я за Ляховым. Присмотри за писакой.

Шпарин подождал, пока гулкие шаги в коридоре не стихли, и вытянул руки.

— Сними кандалы.

— Счаз-з вам... — буркнул сержант сдвигаясь к стене, подальше от «писаки». — Не балуйте.

Шпарин подошёл к окну и перегнулся через подоконник.

— Додоня, а твой капитан лежит на земле. Умер, наверно.

— Чего...

Шпарин ударил сержанта, шагнувшего к окну, ногой в пах и скованными руками добавил по затылку. Додоня рухнул на пол. Шпарин вытащил из кармана сержанта ключи, освободился от наручников, поднял автомат и снова выглянул в окно.

На плацу бегуны в противогазах разделились на группы и тыкали в манекены автоматами — отрабатывали штыковой бой, к штабу подъехал тентованный грузовик, из кузова высыпали солдаты, из кабины вышли два офицера, и вся группа военных уселась в курилке.

«Не уйти. Узнаю, хотя бы, из-за чего сыр-бор».

Шпарин положил автомат на стол, бросил наручники и достал из сейфа жёлтую папку. В правом верхнем углу: «Высшая степень секретности». Чуть ниже: «Департамент Закрытых Исследований». По центру: «Проект Сеть. Принципы моделирования пространства. Рабочая версия. Научный руководитель проекта профессор Гамкин». Рукописные листы, мелкий, стремительный почерк. Множество исправлений, зачёркиваний, дописок на полях. Шпарин, не вглядываясь в текст, выдёргивал из папки лист за листом, пробежал глазами и убирал назад. Формулы, схемы. Формулы, схемы...

Сержант пошевелился, сел и потрогал затылок.

— Ловко дерётесь. Офицер?

— Не только офицеры ловко дерутся.

— Офицер, по выправке видно. Какое у вас звание?

— Капитан, — ответил Шпарин, закрывая папку.

— Автомат отдайте, господин капитан. Он меня изобьёт, — сказал Додоня и, открыв рот, показал широкую щель в зубах. — Всё время колотит.

В коридоре послышался топот. Шпарин вернул папку в сейф, сел на стул и протянул руки к сержанту.

— Спасибо, — прошептал Додоня, хватая наручники со стола. — Я запомню.

Дверь открылась, в кабинет, тяжело дыша, вошёл Супонев, без берета, с лиловым синяком под левым глазом и ссадиной на подбородке.

— Как всё прошло, поймали оборотня? — спросил Шпарин, любуясь фингалом.

— Лежит твой оборотень под брезентом с дыркой в башке. Настигли. Ещё немного и ушёл бы, — ответил капитан, осторожно прикасаясь к повреждениям на лице. — Сопrotивлялся отчаянно, мерзавец.

— Куда бы он ушёл, датый впополам? С двух шагов в меня не попал, — сказал Шпарин.

Капитан подтянул стул от стола, уселся и, сложив ладони, похрустел пальцами.

— Что ты делал у режимного объекта? Советую больше не шутить, иначе проблемы на твоей смазливой морде возникнут сразу после того, как ты закроешь рот.

— Повежливее, повежливее! — предупредил Шпарин. — Иначе проблемы возникнут у

вас. Обратная связь, так сказать.

— Да ты что? — наотмашь хлопая Шпарина по щеке, удивился Супонев.

Шпарин поднял руки над головой и ударил капитана в лицо.

— Сволочь!.. — лёжа на полу и ощупывая физиономию, простонал капитан. — Нос...

Шпарина привели к зданию с шаром на крыше, опустили на лифте на третий подземный этаж и начали готовить к промыванию мозгов. Зал забит аппаратурой, в центре помещения массивное металлическое кресло, мощные слесарные тиски на углу металлического стола, хирургические инструменты на белой клеёнке. Люди в чёрных халатах содрали одежду, усадили Шпарина в кресло, вдели руки и ноги в широкие хомуты, намертво пристегнули к подлокотникам и ножкам, надели на голову ажурный сетчатый шлем и распахнули веки маленькими прищепками. На рукавах палачей в чёрных халатах краснели шевроны с чёрными цифрами от единицы до одиннадцати.

За прозрачной перегородкой в небольшом кабинете грузный полковник с пушистыми бакенбардами и Супонев в новом мундире. Полковник с бакенбардами и капитан сверлили друг друга глазами и беззвучно открывали рты. Капитан держался очень уверенно, выглядел похудевшим, распухший нос удлинился, ссадина на подбородке исчезла, синяк переместился на правый глаз. Разительные перемены насторожили, но сейчас Шпарина волновали действия людей в чёрных халатах толпящихся вокруг спецкресла.

— Геннадий Илларионович, включите микрофон в кабинете, послушаем, о чём Древака беседует с особистом, — крепя на теле Шпарина присоски с датчиками, попросил блондина в очках добрейшего вида седой толстячок с пронзительными голубыми глазами.

Добрый толстячок подёргал присоски, потёр ладошки и представился:

— Профессор Давкин, твой новый доктор. Люблю, знаешь ли, всё делать сам.

— Вижу, — сказал Шпарин, разглядывая человеческие органы в сосудах на стеллажах. — С энтузиазмом вытаскиваете внутренности. А халаты почему чёрные, чтобы не было видно крови?

Полковник за прозрачной перегородкой вытряс папиросу из пачки на столе, щёлкнул зажигалкой, вытянул из кармана кителя красное удостоверение и поднёс к распухшему носу капитана.

— Читай: «Шпарин Михаил Иванович. Капитан. Специальный агент». Это он тебе но подправил? Чуть более трёх лет назад Шпарин был переправлен к конфедератам для внедрения в тамошние оппозиционные круги под видом диссидента бегущего от насилия властей, запрещающих свободу слова, мысли, и так далее. Я сам его готовил и натаскивал. Один из лучших кадров. Завёл друзей и единомышленников в элитной журналистской и писательской среде. Благосклонно принят в структурах близких к власти. Приобрёл приятелей среди офицерского состава одного из главков Министерства обороны. Помимо постоянно публикуемых пасквилей в адрес бывшей родины, издал несколько тонких книжек той же направленности и два любовных авантюрных романа. Когда успел?.. Выезжал на конференции за границу, где читал лекции о современных реакционных и диктаторских режимах. Несколько раз арестовывался за зубодробительные скандалы в питейных заведениях высшей пробы, каждый раз уходя от ответственности благодаря связям на верхнем уровне. Любимец женщин. Множество вызывающих интрижек со светскими дамами. За три года два раза женился, первая жена — дочь начальника одного из управлений Министерства обороны, вторая — дочь замминистра Военной промышленности.

Использовал их на всю катушку для получения информации военного значения. Представляешь, как ему пришлось потрудиться?.. Агентурное имя — «Весельчак».

— Поразительная работоспособность, то есть дикое здоровье, — вздохнул Супонев. — Я помню все его гадкие статейки в центральной прессе. И ту последнюю, перед тем, как он исчез — «Повальная коррупция в Департаменте Безопасности».

— В статье, кажется, упоминалась и твоя фамилия. Как только тебя тогда не посадили? Ну да ладно, дело прошлое.

Полковник встал, походил по кабинету и резко повернулся на каблуках жёлтых ботинок.

— Имея здешние оппозиционные заслуги, Шпарину удалось достаточно легко стать своим там. Этому способствовало и то, что к конфедератам он перебежал отнюдь не с пустыми руками. Шпарин утащил с собой данные о наших секретных военных проектах. Конечно «дезу», но «дезу» отличного качества. Над ней не один месяц трудился целый коллектив специалистов. К успехам Шпарина, кроме литературных, необходимо отнести передачу информации особой важности о новейших разработках конфедератов касающихся «ХОЛМА»... И по данным других агентов работы в этом направлении ведутся в стане вероятного противника. Но возникает вопрос: как документы из опечатанного кабинета профессора Гамкина оказалась в сейфе у Ляхова? Причем в первоизданном виде, не на электронных носителях или, хотя бы, микрофильмированными. На территорию Центра доступ разрешён ограниченному кругу лиц. Кто-то подставил Ляхова и вместе с ним меня. Не верю, что он шпион. Кто-то орудует на Базе и в Центре, — оглаживая правую бакенбарду, сурово произнёс полковник. — Будут проблемы. У Ляхова дядя заместитель вашего Начальника Департамента Безопасности.

Супонев потёр вспотевший лоб.

— Не знал. Ошибочка вышла, господин полковник.

— Работаешь в Департаменте Безопасности и не знал? — удивился Древака. — Но нам простят лейтенанта, если мы выведем на чистую воду тех, кто за этим стоит. Вернёмся к Шпарину. Отпечатки пальцев совпадают, но есть неувязочка и, пожалуй, одна из самых важных.

Полковник вернулся к столу, уселся и постучал пальцем по клавишам монитора. По экрану поплыли кадры.

— Полюбуйся. Узнаёшь? Три месяца назад. Рапорт патрульной группы соседнего погранотряда о стычке на границе с патрулем потенциального противника в результате которой имелись жертвы с обеих сторон. На нашей территории обнаружен труп мужчины, переходившего границу, причём пули прилетели с той стороны. Это же подтвердили эксперты прибывшие на место происшествия и насчитавшие три ранения не совместимые с жизнью в спине перебежчика. При убитом нашли рукопись книги с вложенным в неё билетом на поезд Семихолмск-Губернаторск. Рукопись — этакое пособие для начинающих борцов с диктатурой власти. Его стиль. Ёрничает чересчур, но мне понравилось. В рукописи обнаружили страницы зашифрованного текста. Часть записей безвозвратно испорчена. Но то, что удалось расшифровать, приятно удивило. Шпарин возвращался с информацией на офицеров спецслужб, работающих на конфедератов, в том числе и в Департаменте Безопасности. Дальше ещё интереснее. Когда вернулись забрать труп, трупа на месте перестрелки не оказалось. Никаких следов.

— А вот это... — задумчиво произнёс полковник и пальцем покатавал по столу багровый цилиндр. — А вот это нашли в траве, в том месте, где лежал убитый Шпарин.

— Помада?

— Помада. Из женского подарочного набора. Такие производит известная парфюмерная фирма у конфедератов в Семихолмске.

Древака снял колпачок и понюхал багровый столбик.

— Внутри газовая субстанция. Спектральный анализ ничего не прояснил. Спецы из третьей лаборатории теряются в догадках. Светили и тем, и этим... В центре сосуда — кристалл, в кристалле капелька. Заметна лишь при тысячекратном увеличении. Учёные «головастики» уверяют, что это миниатюрнейший клон человека.

Капитан потерял интерес к цилиндрику.

— Куда же он девался, труп Шпарина?

— Самому не терпится узнать. Сейчас у него, у трупа, и выясним. А скажи-ка, капитан...

— Весельчак! — с издёвкой произнёс профессор. — Однако, ты загадочная личность. За работу, коллеги! Геннадий Илларионович, отключите микрофон в кабинете.

Профессор наклонился, положил ладони на подлокотники кресла и приблизил лицо к лицу Шпарина.

— Сейчас я расскажу, как мы будем работать. Я буду задавать вопросы, а ты отвечать. Не задумываясь. Это «Фаза 1». Оу!.. Ты боишься! Прекрасно. Если «Фаза 1» пройдёт гладко — все довольны, и ты возвращаешься в распоряжение полковника, если нет — «Фаза 2». Начинаем всё сначала. Будешь врать, а я это увижу, уверяю тебя, последует удар током небольшой силы. Вопрос — неверный ответ — удар. Напряжение с каждым плохим ответом будет увеличиваться. При отсутствии нужного мне результата — «Фаза 3». В вену вводится препарат, и ты выбалтываешь всё, что знаешь, при этом твои мозги вскипают. Не каждый после такой процедуры остается в своём уме. «Фаза 4» — жёсткое сканирование и по окончании ты растение, в лучшем случае. Это понятно? Но сразу я тебе умереть не дам, будешь в сознании. Ты у меня покорчишься. Понятно?

— Понятно, — кивнул Шпарин, — Вы профессионалы, только какой это профессионализм, если не сочли нужным закрепить голову, а я ведь наверняка начну трепыхаться, биться и поврежусь раньше времени. Могу шею сломать. Полковник за преждевременное умерщвление объекта по лысинке не погладит.

— Молчать! — заорал профессор.

— И подслушивать начальство нехорошо, и вообще, скажу я вам, допотопными методами работаете, по старинке.

Профессор, вытаращив голубые глазки, тяжело задышал, схватил с белой клеёнки скальпель и, прижав к животу Шпарина, повёл вниз.

— Ты, Давкин, больная сволочь, а не доктор, — сказал Шпарин, глядя на струйку крови бегущую к паху.

Глава 2. База. Неожиданный друг

Глава 2. База. Неожиданный друг.

Древака толкнул прозрачную дверь. Профессор подступал к Шпарину со шприцем в руке.

— Запись! «Фаза 3», дробь два, вторая инъекция, препарат «Альфа 05».

— Стоп! — сказал полковник, отводя профессорскую руку. — Стоп!

Шпарин полулежал, полусидел в кресле, удерживаемый хомутами. Разрезанные трусы в крови валялись на полу. Голова свесилась набок. Мужское достоинство Шпарина с металлической прищепкой и отходящим от неё проводом, багрово стремилось к потолку.

— Имея такое достояние можно всю жизнь не работать, — усмехнулся полковник, — а разъезжать по курортам и снимать богатеньких дамочек, то есть работать проституттом. Или «альфонсом». Капитан, ты мог бы продвинуться на этой стезе? А вот он смог, с пользой для государства. Однако, к делу. Насколько я знаю из практики, профессор, подобного состояния ваши пациенты достигают аккурат к своей кончине. Вы не перестарались, пока мы беседовали с капитаном? Почему у него живот в бинтах?

— Таким доставили, господин полковник! Всё время врёт. Врёт! Несёт околесицу. Приходя в сознание, издевается. Ещё тот экземплярчик. Вводим внутривенно препарат среднетяжёлой избирательной направленности «Альфа» 05», созданный в лаборатории по заданию Департамента.

— Статистика применения достаточно позитивна? — осведомился Древака.

— Препарат новый, использовался ограниченное количество раз. Методика применения отработана не до конца, но сдвиги есть. Из двадцати испытуемых макак, пять обезьян показали отрицательный результат. Допустимые незапланированные потери. Процент убыли сопоставим...

— Вы мне ещё лекцию прочитайте, — спокойно начал полковник. — Я просил вас, профессор, деликатно, можно даже сказать, бережно, отнестись к нашему гостю, а вы наплевательски отнеслись к моим пожеланиям и, опоздай я на некоторое время, я в этом совершенно уверен, своими экспериментами умертвили бы ценного агента.

Древака глубоко вдохнул и выдохнул, рот полковника исказился.

— Вы вредитель, профессор Давкин! Кто ваш заместитель?

Вперёд выдвинулся высокий блондин в очках.

— Я, господин полковник. Лейтенант медицинской службы Евпахов.

— Данные профессора Давкина верны? — вкрадчиво спросил Древака.

— Не совсем... наоборот... не верны, — запинаясь, ответил лейтенант в чёрном халате.

— Да или нет?

— Совсем не верны.

Вокруг профессора образовалась пустота. Чёрные халаты расступились, образовав круг внутри которого находились профессор и кресло с обмякшим Шпариним.

— Выведите его из этого состояния! — приказал полковник.

— Сейчас сделаем ещё укольчик и будем как огурчик. Вот так... Вот так... — приговаривал профессор, совершенно напрасно думая, что гроза миновала, и потёр ваткой место укола.

— Ну!.. — прорычал полковник. — Скоро? Какую ввели дозу?

— Пять кубиков, — промямлил профессор. — Сейчас, сейчас, антидот подействует, не беспокойтесь, господин полковник.

— Что стоим? Снимите с него оковы, этот дурацкий колпак и остальные прибабасы.

Чёрные халаты и профессор Давкин бросились сдирать навесное оборудование с тела Шпарина. Очкастый лейтенант медицинской службы оглянулся на профессора, приблизился к полковнику и начал шептать тому на ухо.

— Вот как?! — сказал Древака, округляя глаза. — Это меняет дело!

— Я убеждал профессора Давкина! — повысил голос Евпахов. — О необходимости изменить состав препарата, продолжить исследование сыворотки на приматах и только потом переходить к испытаниям на людях. Вот результат непонятого подбора составляющих и непродуманной методики: сорок семь обезьян протянули копыта, извиняюсь, лапы. Все десять заключенных, присланных для опытов, мертвы. Скажу больше: по твёрдому убеждению сотрудников лаборатории и моему, профессор Давкин — маньяк.

— Как сорок семь?! — воскликнул Древака. — Профессор доложил другие данные. Вот только одного не пойму, что можно выведать у макак, если они макаки?

— Не скажите, господин полковник, хотя «Альфа 05» и недостаточно отработан, у него большой потенциал. Подопытные делали попытки подражать человеческой речи, а некоторые особи довольно членораздельно выражали недовольство питанием, грубым отношением персонала питомника и, что особенно меня поразило, жаловались на профессора Давкина.

— Наглая ложь! — запротестовал профессор.

Супонев развалился на кожаном диване в пустующем углу лаборатории. Ему было хорошо. Медицинский спирт приятным теплом разливался по желудку. Пока полковник разбирался с персоналом, капитан побродил по лаборатории, заглядывая в стеклянные шкафчики, и обнаружив в одном из шкафчиков колбу с бумажной наклейкой «спирт», сходил в туалет, где из крана текла холодная вода.

Лейтенант медицинской службы размашисто показал на Шпарина.

— Далее — побочные эффекты. У всех испытуемых увеличились пенисы.

— Вот это здорово! — немедленно отреагировал Супонев.

— В том числе и у приматов. Но в процессе изысканий стали происходить совершенно непонятные вещи. Все подопытные лысели, волосяной покров исчезал от головы до ног, а у некоторых объектов лопнули глаза...

— Вот это плохо! — опечалился Супонев.

— ... лопнули глаза и треснули черепные коробки в районе затылка.

— А где наш маньяк? — озаботился полковник. — Что-то я его не вижу.

Профессор Давкин, предчувствуя неладное в судьбе, потихоньку, прячась за спинами сотрудников, двигался к выходу из лаборатории.

— Вот он! Хватайте его! — скомандовал Древака. — Свяжите и положите вон там, в углу у дивана. Заклейте рот, чтобы не тьякал и не мешал работать. Шпарина я ему не прощу.

— По времени: пора, — посмотрев на часы, сказал Евпахов. — Антидот проверенный.

— Не понимаю, как он остался в живых после вашей «Альфы»? — удивился Супонев. — Судя по твоим рассказам, клиент уже должен был превратиться в лысое, безглазое чудовище с лопнувшей черепушкой.

— Я подменил препарат, — скромно сообщил Евпахов. — Первую инъекцию делал я и ввёл клиенту комбинатуру состоящую из мощных синтетических доминантов

увеличивающих потенцию, строго дозированное количество препарата «Альфа 05», некоторые вспомогательные вещества... плюс... э-э... удары электротоком. Если он агент, для работы этот феноменальный результат не повредит. Даже, напротив.

— Даже напротив, — подтвердил Древака. — С этой минуты ты начальник лаборатории. Буду ходатайствовать о присвоении внеочередного звания. Но скажи, какими мотивами ты руководствовался, подменяя препараты?

— Простыми человеческими чувствами, господин полковник. Памятуя, конечно, в первую очередь, о вашем приказе об особом отношении к пациенту.

— Не завирайся, — хихикая, сказал Супонев, — подсел началничка, испытывая собственные наработки.

Шпарин сполз с кресла, покачиваясь, встал на ноги и посмотрел вниз.

— Это навсегда? Или пройдёт?

— А как бы тебе хотелось? — угрюмо спросил Супонев.

— Да, как бы вам хотелось? — в свою очередь спросил лейтенант медицинской службы. — Всё в наших руках, в моей формуле.

— Пусть остаётся как есть. Я согласен.

— Ещё бы!.. — с сарказмом сказал Супонев.

— На том и порешим, — сказал полковник. — Но в первую очередь необходимо прояснить некоторые моменты, связанные с твоим неожиданным появлением. И как бы ни устал, залазь-ка ты, Миша, обратно в кресло.

Забытый на время профессор Давкин каким-то образом сумел освободиться от пут и, дав знать о себе диким криком, схватил шприц с «Альфой 05» и бросился на Евпахова. Нового начальника лаборатории спас вездесущий Супонев. Подставив профессору ногу, капитан ловко подхватил Давкина, развернул и толкнул к спецкреслу, куда тот был моментально усажен и вдет в хомуты своими сотрудниками.

— Не ожидал я от вас такой прыти, профессор, — сказал полковник, подходя к креслу.

— Наговоры, — пряча глаза, выдавил Давкин. — Это просто смешно.

— Позвольте, позвольте! — сказал Евпахов. — У меня есть запись, где вы зажимаете в тисках голову гамадрила, одетого в мундир, боюсь произнести... Генерал-Губернатора. Представляете, что чувствовал бедняга, господин полковник? Хотите посмотреть?

— Кто чувствовал? Генерал-Губернатор?

— Гамадрил, господин полковник, конечно, гамадрил, — поспешил заверить новый начальник лаборатории.

— Ты говори, да не заговаривайся, Евпахов. Как-нибудь в другой раз. Будем действовать традиционными методами. Что там у тебя ещё, кроме твоей «Альфы»?

— Масса препаратов — пентонал натрия, аминазин, амитал натрия, скополамин. Последний не рекомендую, наряду с реальными воспоминаниями может вызвать ложные, а также амнезию. Я бы применил для достижения максимального эффекта мою сыворотку. Единственный минус — испытуемый всё-таки полностью потеряет память. Комбинация проверена и отработана. Если господин полковник прикажет, то мне потребуется минута для экспресс-теста физического состояния профессора.

— Страхуешься... — сказал Супонев, примеряя сетчатый шлем побывавший на голове Шпарина. — Страхуешься на случай, если начальник склеит ласты.

— Обижаете, господин капитан. Тест необходим для правильного подбора дозы.

— А я про что говорю, — согласился капитан. — Не налазит.

— Нажмите на регулятор сверху и панели раздвинутся, — подсказал Евпахов, прикладывая к телу профессора прибор с индикаторами и шкалами.

— Во... Теперь впору. На кого я похож? — спросил капитан у Древаки.

— На придурка, которому надо всё полапать, — ответил полковник.

— Я готов, — доложил новый начальник лаборатории, показывая Древаке шприц, наполненный мутной жидкостью.

— Итак! — сказал полковник. — Кого мы видим перед собой? Мы видим профессора Давкина. На самом деле это позор нашего Департамента Тайных Операций. Профессор запорол программу по созданию нового вида сыворотки, доверенную вашей лаборатории и, что особенно удручает, запятнал себя маниакальными издевательствами над подопытными животными. И мне кажется, что это не все преступления так называемого профессора Давкина. Мы узнаем, кто он на самом деле. Приступай, Евпахов.

С профессора сорвали халат, разорвали рукав белоснежной рубашки, новый начальник лаборатории с нескрываемым удовольствием помассировал завизжавшему профессору правую руку, пощупал вену и медленно ввёл препарат.

— Все вон! — приказал полковник, когда допрос профессора Давкина закончился. — Всё, что видели — забыть. Унесите труп. И ты, Евпахов, тоже иди.

— Позволю заметить: он ещё живой.

— Ты знаешь, что делать — «Альфа», удавка на шею... Только не здесь. Подашь рапорт о гибели профессора при неосторожном обращении с новым препаратом.

Чёрные халаты утащили профессора. Древака устало потёр лоб и промокнул лысину носовым платком.

— Вернись, Евпахов! Надо закончить дело.

— Шпарин! — сказал полковник Супоневу. — Забыли про Михаила Ивановича.

Шпарин спал в углу лаборатории на кожаном диване, свернувшись калачиком, спал спокойно, как в своей постели.

— Нервы, как канаты. Поразительно, — хмуро заметил Супонев, усаживаясь на стул рядом с диваном.

— Это может быть реакцией на перенесённые испытания, — сказал Евпахов. — Также такое поведение встречается у людей алертных, подготовленных и неординарных, с устойчивой психикой.

— Кстати, насчёт психики, Евпахов. У тебя есть специалисты по гипнозу?

— Так точно, господин полковник! Есть несколько спецов. Один спец очень хорош. Но неадекватен, пьёт. Днём, правда, ни грамма. Работает у Пригова в кабинете психоаналитики.

— Немедленно доставить, — приказал Древака. — Но какая сволочь, этот профессор... Серия смертей при невыясненных обстоятельствах среди пациентов Экспериментального Центра нейрохирургии и психологии, где профессор обретался в должности заведующим. Профессиональный убийца в медицинском халате. Матёрый шпионщик. На кого же он всё-таки работал? Так и не выдал. Может мы зря прикончили профессора? Поторопились? Надо выписать из Департамента другого профессора. У нас профессоров много. Супонев, это камень и в твой огород. Каменюга!..

— Медицина не по моей части.

— Не увиливай. По чьей протекции он у нас оказался? Вот где начало цепочки, разматываем, выйдем на всю группу. Слушай, Супонев, он тебе никого не напоминает?

— А кого он должен мне напоминать? — поинтересовался капитан.

— Профессора Гамкина. Профессор и его зам исчезли несколько месяцев назад. Удивительное сходство. Ежеле сбрить бороду, усы, надеть очки... А?.. Гамкин — Давкин, Давкин — Гамкин, может они родственники?

— Выкрали конфедераты, — предположил Супонев.

— Вряд ли, — сказал полковник. — Мы бы узнали.

— Посодействуйте в получении очередного звания, господин полковник. Вы с моим начальством водку пьёте, в банях паритесь. Перехаживаю в капитанах второй год. Посодействуете, Фёдор Максимович, или к себе возьмите.

— А ты шельме-ец, Супонев, шельмец. Подумаем.

Древака вернулся к мысли прерванной капитаном.

— Удивительное сходство. Сделай завтра запрос по своей линии. По Давкину и отдельно по Гамкину. Осторожненько сделай. Официальный запрос не вызывающий ненужного внимания: прошу уточнить некоторые данные... Ну, сам знаешь.

— Уже сегодня, — сказал Супонев, мучаясь от изжоги. — Десять минут первого.

— Значит, сегодня. Пора заняться тотальной проверкой Базы. Я носом чую, что не всё ладно в наших рядах.

Полковник понюхал воздух и потянулся к Супоневу.

— От тебя свежачком несёт. Ты что, выпил? Занимаемся серьёзным делом, а ты...

— Совсем немного, Фёдор Максимович, надоело всё до нельзя. Хочу в отпуск.

Древака кивнул на стеллаж, где на полке стояли банки с человеческими глазами.

— А ты выпей ещё, может перехочется. Заодно закусишь. Какой отпуск, сам видишь, что творится, шпион на шпионе.

— Господин полковник! Больше не повторится!.. — поклялся Супонев. — В рабочее время.

— Оставляешь путь для отступления, — смягчился Древака. — Ладно, проскочили.

Полковник, наконец, обратил внимание на приведённого Евпаховым черноволосого, носатого, полусонного мужчину лет шестидесяти, с кудрявой бородой и стеклянным взглядом.

— Миазмов Эфир Спиритович, — нечётко выговаривая слова, представился бородатый мужчина. — Специализация — экстрасенсапарапсихолог. Также медиум. Вижу человека насквозь. Выворачиваю мозги наизнанку. Влюбляю, разлюбляю. Навожу порчу. Двигаю предметы. Брею на расстоянии. Потомственный колдун в тридесятом колене.

В лаборатории усилился запах алкоголя.

— Что-о!?!.. — завопил полковник и лапнул кобуру. — Евпахов! Ты кого привел? Да он пьян! Что он несёт? Идиот! Расстреляю! Взбесились все? Сумасшедший дом!..

— Я давно догадался. Полагаю, что это прекрасно знаете и вы, — меланхолично произнёс Супонев, качая ногой.

— Есть сотрудники похуже, — сказал новый начальник лаборатории. — Как справедливо изволили отметить вы, господин полковник, и капитан Супонев, мощные электромагнитные поля и, как следствие этого, микро и макроклимат вокруг «ХОЛМА» не способствуют сохранению в должной мере нормального психофизиологического состояния персонала.

— Кстати, о психофизиологическом состоянии, — сказал Древака. — Недавно обнаружил в казарме роты охраны связки сушёных мухоморов в разных укромных местах, даже в оружейке. Больше всех, как всегда, отличился второй взвод. Ходят пьяные, а не пахнет.

Шпарин уже давно слушал разговоры палачей и как-то довольно спокойно раздумывал, что ещё такого эти гады могут с ним сделать? Но только до того момента пока не появился очередной мучитель.

— Ладно, — неожиданно просыпаясь, сказал Шпарин и опустил ноги на пол. — Расскажу всё, как на духу, только уберите бородатого психа.

— Не верю я всем этим гипнозам, наговорам, порчам и остальной ерунде, — заявил Супонев.

— Хотите, покажу, что умею? — спросил бородатый «псих», упираясь взглядом в ближайший стеклянный шкафчик.

Экстрасенс напрягся, морщины на лбу сошлись в извилистые линии. Миазмов театрально выбросил руки вперед. Стеклянные дверцы разлетелись вдребезги, на пол посыпались колбы, пробирки и прочая лабораторная утварь.

— Ого! — воскликнул полковник, отодвигаясь от экстрасенса.

— Вы меня удивляете, Эфир Спиритович! — поразился новый начлаб. — Раньше такой энергетики у вас не наблюдалось.

Экстрасенс повернулся к Супоневу, невнятно произнёс несколько фраз, потряс бородой и снова махнул руками.

— Прямо факир в цирке... — начал Супонев, но договорить не успел. На капитане лопнул ремень на форменных брюках, разлетелась молния, а сами штаны опустились до колен, обнажив розовые ляжки в розовых трусах.

— Всё в масть, — подытожил Шпарин. — А где у него пиписька?

— Охо-хо... — прикрывая рот рукой, сказал Евпахов. — И правда, не видно.

— Уху-ху... ху-у... — рассмеялся Древака, но быстро осёкся. — Верю, верю. Хватит, Миазмов. Беру свои слова обратно... насчёт идиота.

Супонев, затравленно озираясь, придерживая брюки руками, заметался по лаборатории.

— Возьмите, — сжалился над капитаном Евпахов и подал резиновый жгут для остановки крови.

— Мастерство — оно навсегда, не пропьёшь, — сказал экстрасенс, наблюдая, как капитан приводит форму в порядок.

Древака положил ладонь на плечо Шпарина.

— Миазмов, покопайся в мозгах у этого молодого человека, я хочу знать, кто он на самом деле.

— Я подданный Российской Федерации! — гордо сказал Шпарин. — Хочу видеть консула или, хотя бы, звонок в посольство.

Экстрасенс вздрогнул.

— Ты перепсиховал, вот и несёшь всякую чушь... — пробормотал полковник и погладил Шпарина по голове. — Посмотри вокруг, ты не на допросе в застенках у конфедератов, а у себя дома, в родном отечестве. Наверное...

Экстрасенс с нескрываемым любопытством разглядывал Шпарина.

— Сейчас я начну читать роман «Любовные связи». Знакомы с этой книгой? — подмигивая Шпарину, спросил Миазмов.

Шпарин поёрзал в спецкресле и кивнул.

«Интересно, интересно, «Любовные связи» мой первым роман, откуда он про него знает?».

— Вы будете внимать спокойной размерности предложений, их отточенной

законченности, расслабитесь, почувствуете гармонию с окружающим миром, уснете полным, глубоким сном, и ответите на все вопросы, которые я задам.

Первая страница, вторая, Шпарин не засыпал. Полковнику надоело слушать о хитросплетениях любовного многоугольника, и он махнул рукой.

— Хватит, Миазмов, — сказал Древака. — Твой метод не действует. Евпахов, почему наш гость не впадает в транс?

— Помните историю с нелегалом конфедератов, готовившим покушение на Генерал-Губернатора, господин полковник? Подвергнутый регрессивному гипнозу агент признался, что участвовал в нескольких удачных покушениях, каких именно, на кого и когда, выяснить не удалось. Был закодирован на нескольких уровнях, на каждом новом задании представлял себя совершенно другим человеком и вел себя образом, соответствующим новому сознанию. Память агента после каждого задания стиралась, установить удалось лишь то, о чём я сказал ранее.

— Я в курсе. Это не наш случай. Я тебя спросил: почему Шпарин не поддается гипнозу, а ты рассказываешь мне разные шпионские истории.

— Миазмов симулирует погружение агента в гипноз. Поверьте, я в этом кое-что понимаю. Разрешите попробовать мне.

— Да-а? — удивлённо произнёс полковник. — Что же ты раньше молчал? Ну, давай, пробуй.

Прошло несколько минут. Супонев рыскал по лаборатории в поисках спирта. Экстрасенс выпучив чёрные глаза стоял рядом с полковником. Евпахов стоял напротив Шпарина и делал пассы. Шпарин мечтал о гранате в руке.

— Не получается, — признался Евпахов. — Стена передо мной. Это Миазмов мешает. Как вам не стыдно, Эфир Спиритович?

— Зря я назначил тебя новым начлабом, — недовольно сказал Древака. — Иди с глаз долой.

— Куда идти, позвольте узнать?

— Спать иди!

— Слушаюсь, господин полковник!

Евпахов вытянулся и направился к выходу из лаборатории, двери с кодовым замком.

— Или вы меня кончаете, прямо сейчас, — сказал Шпарин, выбираясь из кресла, — или оставляете в покое. Всё! Больше не могу.

— Кон-чаем... — отрываясь от найденной новой колбы со спиртом, оторгнул Супонев. — Прямо сейчас.

— Зачем же так, Михаил Иванович? Кончаем... — сказал полковник, садясь в спецкресло. — Довольно удобно, если не принимать во внимание некоторые нюансы сидения в нём. Есть ещё один тестик. Повернись ко мне спинкой.

— Супонев!?! — оборачиваясь, крикнул он капитану. — Принеси-ка со стола в кабинете мою папочку. Опять спирт хлещет. Без закуски... Ну, что с ним делать? Миазмов, сними бинты с Михаила Ивановича.

Увидев на животе Шпарина сочащийся кровью свежий надрез, полковник помрачнел.

— Кто это сделал? Новый начлаб?

— Больная сволочь, которую вы недавно отправили на другой свет.

— Терпи, Миша, — сказал Древака, вынимая пачку фотографий из папки. — Терпи. Так, сличаем. Ага-а... Входные отверстия от пуль совпадают... Полностью. Одна дырка

прямоxonько под левой лопаткой, две других под правой. У тебя и у трупа. На одном расстоянии друг от друга, в тех же местах. И пупок глубокий. Это ты? — спросил Древака, показывая Шпарину одну из фотографий.

— Я... — ответил поражённый Шпарин. — Только мёртвый.

— Вот, — сказал полковник. — Вот! Самое главное! Так где ты находился целых три месяца после того, как тебя при переходе границы убили конфедераты?

Экстрасенс слегка покашлял и повращал глазами. В голове у Шпарина что-то щёлкнуло. Терять было нечего.

— Уполз обратно к конфедератам. Пришёл в себя и потихоньку уполз. Наткнулся на деревеньку, где одна добрая бабуля выходила. Местная знахарка. Заговоры, отвары всякие, примочки.

— А пули? Пули, кто вытащил? — сверля глазами Шпарина, спросил Супонев.

— Сами вылезли! — отрезал Шпарин. — Кто, кто? Бабулька и достала

— Пусть скажет, почему он попёрся обратно к конфедератам, когда уже находился на своей территории, — настаивал Супонев, заглядывая в пустую колбу. — Не верю я ему. Не верю и всё!

— Интересно, а куда бы попёрся ты, истекая кровью, с тремя дырками в обоих боках? В какую сторону?

— Подобные случаи зафиксированы, — тяжело дыша, подтвердил новый начальник лаборатории, появляясь на пороге лаборатории. — В чрезвычайно... стрессовых ситуациях... отдельные личности... проделывают... невероятные для человека... вещи.

— Какое мнение имеет на этот счёт представитель потусторонних сил? — спросил полковник, обращаясь к экстрасенсу. — Возможно ли, чтобы человек, получив ранения не совместимые с жизнью, прополз несколько километров и остался жив?

— Однозначно согласен. Я знаю историю погромче. В одной психушке случилась драка между страдальцами, с мордобитием и поножовщиной. Так вот, один придурок, получив несколько ударов заточкой, сиганул, чтобы не быть зарезанным до смерти, через трёхметровый забор, перебежал в потоке машин шестирядную магистраль, забрался без всяких приспособлений на фонарный столб, где сидел, поливая кровью прохожих, пока не приехали скорая и пожарная машина с лестницей. А ещё...

Супонев перестал разглядывать колбу.

— А ещё бы послать человечка на ту сторону, наведаться в ту деревеньку и расспросить бабульку о постояльце.

— Переход границы, прикрытие перехода, прикрытие возвращения... — морщась, сказал Древака. — Слишком долго и хлопотно. Евпахов, окажи помощь Михаилу Ивановичу, обезболить рану.

Евпахов сделал укол, быстро и аккуратно обработал порез, и наложил новую повязку. Древака поманил Шпарина к себе.

— Самый последний неоспоримейший тест. Помнишь прощальную баньку перед твоим уходом к конфедератам, с девчонками и прочими нехитрыми развлечениями?

— Помню... — осторожно соврал Шпарин.

— И я помню, — прищурился полковник. — А что у тебя на жопке? На левой половинке?

— Родинки... — растерянно ответил Шпарин. — Три родинки... С самого рождения.

— Три родинки, образующие равнобедренный треугольник, — утвердительно кивнул полковник и повернул Шпарина спиной к особисту.

Больше всех обрадовался Миазмов. Евпахов довольно дружелюбно улыбнулся. Супонев застыл с открытым ртом, но быстро пришёл в себя и попытался всё испортить.

— Треугольник не равнобедренный, — усомнился капитан. — И родинки на правой стороне.

Все четверо наклонились, рассматривая голый зад Шпарина.

— Я, наверно, тогда перепутал, — пробормотал Древака, водя по родинкам указательным пальцем. — В баньке... А в досье местоположение родинок почему-то не указано.

— Сколько времени прошло после баньки, — равнодушно сказал Шпарин. — Поправился на конфедерацских харчах и жопка увеличилась, естественно, и расстояние между родинок изменилось.

Древака выбрался из спецкресла, обнял Шпарина, пожал ему руку и торжественно объявил:

— Проверка закончена! Капитан Шпарин! Департамент Тайных Операций в моем лице поздравляет вас с возвращением на Родину. Господа, поприветствуем капитана!

Раздались жидкие аплодисменты. Супонев хлопал со всеми, но с такой кислой физиономией, что Шпарину страстно захотелось съесть шоколадную конфету и глотнуть сладкого чая.

Новоиспечённый капитан Департамента Тайных Операций, пока полковник не вспомнил про ещё какие-нибудь приметы у двойника на теле, поспешил одеться.

— Евпахов, ты почему вернулся? Я ведь велел тебе идти спать, — запоздало удивился Древака.

— Господин полковник! Профессор Давкин пропал, вернее его тело. Я перед уходом заглянул в морг. На столе, где лежал профессор — мокрое место. Мистика. Во всем здании кроме нас ни души. Я проверил. Связи тоже нет.

Раздался сильнейший удар сотрясший помещение. Завибрировал и заходил ходуном пол. Погас свет.

— Спокойно, — сказал Древака. — Сейчас включится аварийное освещение. «Умники» на «ХОЛМЕ» включили «машину» на полную мощность.

Глаза у всех во мраке стали светиться. Зелёным, красным, жёлтым, синим.

«Сборище вурдалаков», — подумал Шпарин, пятась от разноцветных глаз. Он потерял равновесие и свалился на пол.

Зажглись тускло-жёлтые аварийные светильники.

— На выход! К лифту!.. — крикнул Древака и бросился к двери с кодовым замком.

Задвигались и покосились стены. Летели стеллажи, падали шкафы, звенело бьющееся стекло. Потолочная плита над дверью, которую пытался открыть полковник, раскололась и рухнула вниз, накрыв полковника, особиста и нового начлаба. После очередного удара упала ещё одна, рядом, и в разгромленной лаборатории стало тихо.

Шпарин и экстрасенс забрались под металлический стол с тисками. Места под ним оказалось достаточно, чтобы усесться спиной к спине и вытянуть ноги. Шпарин потрогал крышку стола.

— Выдержит? Ты глаза их видел? У тебя были синие. А у меня?

— И у тебя. Как там Москва?

— А?.. — высовывая голову на разведку, переспросил Шпарин.

— Москва, говорю, как? Плохо слышишь?

— Москва? Стоит, наверное, в пробках, — ответил Шпарин, возвращая голову под стол.

— Давно не был.

— И я давно.

— Ты из наших... — недоверчиво произнёс Шпарин. — Наконец, до меня дошло. То-то, думаю, обороты речи знакомые, как у шарлатанов в рекламе. Потом книга, даже я не помню дословно написанного. Феноменальные способности. Откуда?

— До этого самого случая работал простым инженером. Работа, дом, семья. Поехал в деревню к родне. Гроза. Молнии! Прошла насквозь, вошла сзади в плечо, вышла из ступни. Очнулся, перед глазами трава, цветочки, жучки ползают. Мужики по старому поверью закопали в землю, до головы. С тех пор почувствовал дар, какую-то силу, не понятную самому. Первым экспериментом стал дворовый петух. Кукарекал громко спозаранку. В один из приездов я высунулся в окно и пожелал ему заткнуться. На время перестали нестись куры... Ушёл с завода, стал лечить людей. Давал представления, гастролировал. Хорошие были времена... Эфир Миазмов — мой сценический псевдоним. В нашем мире меня звали Сергей Николаевич Маралов. Что чернявый и кучерявый — в роду цыгане были.

— Вспомнил!.. — воскликнул Шпарин, выпрямляясь и больно стучаясь головой о крышку стола. — О-ё... Вспомнил, где тебя видел. ДК турбинного завода. Меня туда затащила одна подруга, любительница этих дел. «Эфир Миазмов. Практическая магия, телекинез и другие паранормальные явления». Даже афишу вспомнил.

— А я тебя видел на презентации «Любовных связей» в Доме Книги. Жена купила твой опус, и ты расписался на первой странице. Помнишь нас?

— Нет, было много народа. Как здесь оказался?

— Из-за проклятой рыбалки. Поехали с другом в мою деревню. Проехали пару кварталов и вспомнили о забытых снастях в гараже. Пришлось возвращаться. Вот и не верь после этого приметам.

— Как деревня называется? — быстро спросил Шпарин.

— Тростянка. Большое село. Семьдесят дворов.

— Знаю, — сказал Шпарин. — Тростянка недалеко от Авдеевки. У меня в деревне небольшой домик, отпуск убил на ремонт, памятник старикам поставил... Дед с бабулей жили. Я к ним пацаном на каникулы ездил. Похоронил весной.

— Ехали на моей «Ниве», за рулём приятель. Я после поддачи на дне рождения другого приятеля, дремал на переднем сиденье. Друг меня растолкал. Вижу полосу странного рыжего тумана, необычную разметку, красные, жёлтые, белые полосы. Приятель — бывший автогонщик, любитель давить на «газ», не вписался в поворот, мы слетели в кювет и перевернулись. Вылетел через лобовое стекло, смог даже в горячке встать на ноги, посмотреть на машину. «Нива» в хлам, горит, я потерял сознание и очнулся в госпитале. Прикинулся потерявшим память — ничего не помню, ничего не знаю. Залечил сломанные рёбра, показал способности, меня взяли на работу и теперь живу на Базе...

— А номера? — спросил Шпарин.

— Не поверишь, машина превратилась в ком спёкшегося железа. Я ездил туда ещё раз.

— База, База... — сказал Шпарин. — Странная База. Что у них тут?

— Разведцентр, замаскированный под госпиталь.

— А приятель?

— Сгорел в машине, наверно. Повезло, что жив остался, а может и зря остался. Часто об этом думаю. А ты, твоя жизнь?

— Отца не помню. Армия, военное училище, горячие точки. После ранения уволился,

были причины. Поездил по стране: грузчик, верхолаз, таксист, монтажник, техник, мастер... Нигде не осел, вернулся домой. Матушка рано умерла. Друг работает редактором отдела в «Городском Экспрессе». Предложил попробовать себя в журналистике. Получилось. Книжки пишу.

Они помолчали, прислушиваясь к тишине.

— Часто такое? — спросил Шпарин.

— Чудес хватает, — грустно ответил экстрасенс.

Шпарин выбрался из-под стола и нагнулся, пытаясь заглянуть под плиту накрывшую полковника.

— Вот это номер, не хуже твоих фокусов. Их тут нет. Пропали, исчезли, растворились. Давай выбирать. Составим уцелевшую мебель и вперёд, наверх, через этот пролом.

— Третий подземный этаж. Наверняка лестница завалена, лифт повреждён, а на поверхности вместо здания куча обломков. Не выбирать.

— Тогда спать. Раскопают. Перед сном поболтаем. Есть у меня вопросы. Но жрать хочется больше, чем спать. Вот ведь как человек устроен, вместо того, чтобы молиться о спасении души, он думает о том, как бы набить брюхо. Может я один такой?

— Не один, — утешил Миазмов. — Но сомневаюсь, что раскопают.

— Не нагнетай. Подвинем пару столов к этому, под которым сидели, там и ляжем. Хорошо бы найти чем укрыться.

Шпарин, кашляя, в воздухе всё ещё стояла густая пыль, обошёл помещение. На другом конце лаборатории сквозь пыльный туман пробивалась узкая полоска света.

— Ба-ба-ба... Тут что-то есть. Иди сюда, — позвал Шпарин. — Дверь. Если бы не катаклизм, я бы её не заметил. «Катаклизм» переводится с греческого как потоп, но мы же не греки.

Шпарин навалился на перекошенную дверь и вместе с ней упал на пол небольшой комнаты.

— Тайная пещера профессора. Меблированная в несколько разобранном виде. Диван, кресло и столик сохранились.

Шпарин открыл дверь лежащего на боку холодильника.

— Поужинать хватит. И выпить есть. Вино. Красное, столовое. Бутылка не разбилась. Видимо, спирт профессор не любил. Консервы и фрукты. Незнакомые фрукты мы кушать не будем.

— Зря, вот этот тёмно-синий хорош. Нечто невообразимое по вкусу, как если к сливе добавить апельсин и горький шоколад. Я пробовал.

— Не будем, не хватало проблем ещё и с желудком.

Шпарин отверг синий плод и достал из холодильника консервные банки.

— А это нам подойдет. «Консервы мясные с рисом». Две банки. «Консервы свиные с горохом». Две банки. И консервы овощные. Производитель «Военно-полевое хозяйство № 17 имени Генерал-Губернатора». На крышках кольца. Открывай. По одной. Остальное растянем, если про нас забудут.

Шпарин разбросал деревянные панели и извлёк из кучи битой посуды две вилки.

— Тарелки и бокалы разбиты. Вино будем употреблять из горлышка. Хорошо бы лапки помыть и личико сполоснуть.

Шпарин подошёл к умывальнику и покрутил вентили.

— Вода есть, стекает с верхних этажей, не все трубы полопались.

Шпарин разделся по пояс, потрогал живот, поморщился и протянул руки к тонкой струйке воды. Экстрасенс изучал спину Шпарина.

— Эти ранения...

— Одна из командировок в одну горную республику. Не люблю вспоминать.

— Извини.

— Двойник!.. — с тихой яростью произнёс Шпарин, сдёргивая полотенце с крючка над раковиной умывальника. — На фото — вылитый я! Совершенно невероятные совпадения вплоть до ранений и родинок.

— Мы классические попаданцы. В параллельном мире или в другом измерении, это ещё вопрос, где мы очутились, наши домашние пытливые исследователи непознанного вполне допускают существование двойников.

— Хочешь сказать, что где-то рядом болтается твой двойник?

— Может и не рядом, но скорее всего он есть. Хотелось бы с ним встретиться.

Шпарин взял бутылку вина и надавил вилкой на пробку, пытаясь протолкнуть её внутрь.

— Увидеться с женой, со своей, согласно теории о двойниках, посмотреть на своих детишек, сделанных двойником.

Миазмов бросил полотенце на диван, уселся в кресло и, осмысливая услышанное, заморгал.

— Так что в твоей теории изъян, дорогой ты наш колдун в тридесятom колене. Такой вот морально-этический временной конфликт. Но разрешимый. Можно убить двойника без всякой жалости. Они тут чокнутые, мочат всех подряд и ничего за это им не бывает, и тебе не будет. А можно жить всем вместе и давать представление: «Молочные Братья-Близнецы в паранормальном шоу».

— Сам ты ненормальный! — обиделся экстрасенс.

— Покажи фокус. Покажи, как это делаешь, вытащи пробку. После того, как ты развалил шкафчик, тебе это раз плюнуть. Может и остальное твоя работа?

— Не буду. У меня стрессовое состояние.

— У всех стрессовое.

Шпарин поднатужился, борясь с пробкой. Пробка подалась, но к его удивлению поднялась вверх и выскочила из бутылки.

— Передумал, — хихикнул экстрасенс. — У меня лучше получается, когда я злюсь, и вообще мои способности после переселения увеличились во много раз.

— Я запомню. Пробуй.

— Сначала ты.

Шпарин сделал несколько глотков.

— Хорошее вино.

— Хорошее, — пробуя, согласился экстрасенс и, употребив треть бутылки, прикрыл глаза.

— Ты, я вижу, опять того, на старые дрожжи. Я раньше и не подозревал, что колдуны лакают спиртное как обычные люди, — сказал Шпарин. — Жаль, хлебушка нет.

— Пищеварение не враг народного общения, — вдруг выдал захмелевший экстрасенс, вонзая вилку в банку с овощами. — Удивительный мы народ, русские люди, стрессоустойчивый. В любой непростой ситуации находим выход и не сдаёмся.

— То-то ты его нашёл. За ужин скажем спасибо пропавшему трупу профессора, хоть он меня чуть не замучил. Куда они подевались, Древака и сопровождающие его лица?

— Не волнуйся, ты опять их увидишь, полковника и всю камарилью. Но всё будет выглядеть несколько иначе. Может и меня увидишь, не удивляйся, если я тебя не узнаю. Ничему не удивляйся, для тебя же будет лучше.

— Реинкарнация, что ли? Как всё запутано. Расскажи ещё какую-нибудь сказку про это замечательное место, где мы так приятно проводим время, и пока ты ещё что-то соображаешь.

— Я в любом состоянии соображаю. А пью от тоски, незаслуженных страданий и безысходности. Твой оптимизм поражает. Помучаешься с моё, тоже запьёшь.

— Не собираюсь здесь оставаться.

— Останешься. Выхода нет. Не вижу.

— Если мы заблудились в тёмной комнате и потеряли входную дверь, нужно понять, где её искать. Можно наощупь, что очень долго, а можно попросить включить свет. Сразу нам его не включат, но если очень настойчиво попросить, свет мы, думаю, увидим.

— Ты разбередил мои душевные раны, — проворчал Миазмов. — Но есть проблемка, такая маленькая проблемка, что, если тёмная комната не комната, а лабиринт, где будешь ползать, пока не протянешь ноги.

— Выход из лабиринта виден сверху.

— Туда ещё надо забраться, на этот верх. Пропуск у тебя есть?

— Пропуск мой новый статус. Я капитан Вооружённых Сил Соединённого Губернаторства. Департамент Тайных Операций. Элита. Давай, делись информацией. Ты здесь достаточно давно, чтобы понять суть происходящего.

— Я знаю, что ты хочешь услышать. Кто в доме хозяин, кто заправляет этим сумасшествием? Что это за «Холм» на горе, постоянно всплывающий в разговорах, при упоминании которого Древака со своими подданными матерятся и морщатся, как при геморрое.

— В самую точку. Ну и...

— Моя версия такая: «Холм» — некий Научный Центр, он где-то тут, недалече. Я даже расшифровал аббревиатуру, не берусь утверждать на все сто, но в моём переводе это звучит как «Хроно-оптический линейный модулятор». Прорываются в другое время... Это факт. Как они это делают, какие технологии задействованы, не понимаю. Судя по постоянным сбоям и частым авариям технологии совершенно сырые. Определённо сырые, но работают.

— Пресловутая машина времени? Плохо верится.

— Но ты здесь?

— Вообще-то здесь, — неохотно согласился Шпарин и посмотрел через проём двери во тьму разгромленной лаборатории.

— А мне по большому счёту и тут хорошо, — сказал экстрасенс.

— Кормят, поят, тепло, светло и мухи не жужжат. Иногда, правда, что-то стучит по башке, глазёнки вылазят на пузо, но это детали. Зато никто не запрещает жрать водяру. А среднерусская действительность, щемящая причастность к бескрайними родными просторам, полям и лесам? Сдался?

— Лесов тут тоже хватает. И как бы самых ни на есть среднерусских, — насмешливо сказал экстрасенс. — И все говорят по-русски, и имена наши. Подобный Мир.

— Подобный Мир... — повторил Шпарин, вспоминая фантазмагорическое зрелище над лесом. — Нелепицы, нестыковки и нескладушки. Два кабинета, два сейфа, два особиста. Две жёлтые папки. В одном кабинете он её достаёт, в другом бросает в сейф. Я схожу с ума?

Экстрасенс с жалостью посмотрел на Шпарина, поднял руки и быстро, сближая, подвигал.

— До сих пор не понял? Фрагментарно меняется реальность. Что-то у них на этом «Холме» идёт не так. Вот тут особист укладывает папку в сейф, а вот тут достаёт... Сложение-наложение и необъяснимые, невообразимые сопутствующие явления и эффекты.

— Можно сколько угодно упражняться в создании околонуучных теорий, но мы и на шаг не приблизимся к разгадке, — сказал Шпарин. — А этот... рыжий туман?

— При изменении частот несущего сигнала на «Холме», думается мне, воздушная среда меняет цвет.

— Скажи честно, как ты это делаешь? Помнится, в ДК турбинного завода на такие трюки ты способен не был. Передвинуть стакан с водой, отыскать в зале с помощью подсадного какой-нибудь предмет, распилить женщину в ящике, это я понимаю. Но битьё стёкол и сдёргивание штанов — высший класс. Как?

Аварийные светильники, помигав, погасли. Далее события, о которых Шпарин вспоминал только с использованием нехороших слов, приобрели совершенно невероятный характер даже в контексте виденного за день. Звуки бьющегося стекла, лопнувших гитарных струн, стук в ушах, визг, засветились стены комнаты, завибрировали, заволновались, скривились, воздух зашипел и, вскипая, пошёл слоями. Фигура Миазмова обозначилась оранжевым цветом, вспыхнула и стала прозрачной.

— Готовься к новым чудесам и потрясениям... — пробормотал экстрасенс, теряя очертания. Его тело дрогнуло, поблекло и исчезло.

— Фильм ужасов, — с тоской сказал Шпарин. — Кончайте дурить, гады!

«Решили меня растворить, как кусок рафинада. Разложат на атомы и поминай как звали. Никто и не вспомнит... Кроме, пожалуй, Светки, Маринки, Светланы Андреевны. Н. Милка Звирник. Может Татьяна вспомнит, Бушина, целый год любовь крутили. Чуть не женился. Или из последних подруг... Анна из турагентства. А из мужиков кто? Кому денег одолжил — обрадуются. А из настоящих? Кое-кто вспомнит... Эх, завещание не написал. Нужно было в детский дом какой всё завещать...».

Неиспытанная раньше боль раздирала тело, каждая клеточка молила о пощаде, просила не дать потерять себя, не соскользнуть с той грани, где ломается, стирается и выворачивается представление о бытие. Мутные оранжевые волны заполнили помещение светящимся туманом. Туман сожрал окружающие предметы, разверзлась бездна, сознание Шпарина растеклось густой сверкающей жижей, померцало, померцало, разлетелось брызгами и медленно потухло.

Глава 3. Побег

Глава 3. Побег.

Шпарин очнулся в белой комнате, голый, свежий, чистый, как младенец.

«Ничего не хочу вспоминать, ни о чём не буду думать, ничего не хочу знать, ничему не буду удивляться. Буду плыть по течению. Гребок, переворот на спину, отдых, гребок, переворот на пузо. Куда-нибудь приплывём...».

— Давление в норме, пульс в норме, сердце в норме. Практически здоров. С возвращением, капитан!

— Закройте окно! Сквозит! — раздражённо сказал Шпарин двум мужчинам в длинных белых халатах у кровати и натянул одеяло на подбородок.

Распахнулась дверь. Держа на вытянутых руках белый поднос, в палату вошла медсестра в розовом халатике и розовой шапочке.

— Завтрак господина капитана, — сообщила длинноногая медсестра чарующим голосом.

— До свидания, капитан. Мы удаляемся. Ровно в двенадцать полковник Древака ждёт вас в штабе, — сказал один из мужчин. — А вы, Екатерина Игоревна, одевались бы поскромнее. Из-за вас весь госпиталь на ушах стоит.

— Пусть стоит, ничего с ним не сделается, — скосив тёмно-синие глаза на Шпарина, сдержала девушка.

Дверь за мужчинами захлопнулась. Медсестра поставила поднос на прикроватную тумбочку, наклонилась и подняла полотенце, упавшее со спинки кровати. Низ халатика поднялся. Шпарин увидел то, что было под халатом, поймал взгляд медсестры и перевернулся на живот.

Девушка расстегнула халат и открыла стенную нишу.

— Вот ваша форма, бельё, повернитесь и посмотрите, господин капитан.

Синеглазая медсестра достала из карманчика ключ, заперла дверь и, раскачиваясь как модель на подиуме, пошла к Шпарину.

— Лежать! — приказала девушка, заметив попытку Шпарина привстать на кровати.

Медсестра сбросила халат, шапочку и распустила узел блестящих чёрных волос. Шпарин никогда не видел воочию, как прыгает пантера на жертву, но, кажется, девушка проделала именно это. Несколько минут дикой скачки и несдерживаемых воплей. Задёргалась ручка двери.

— Катя, у тебя всё в порядке? — послышался возмущённый мужской голос. — Катя!? Капитан!..

— Я в душе! — отозвался Шпарин, сжимая талию медсестры. — Безобразие, горячая вода — кипяток!.. Ошпарился!

— Не хочется, но надо, — выскальзывая из объятий Шпарина, прошептала девушка. — Если не выйду, начнётся переполох. Заканчиваю ровно в пять. Встреть меня. Если не сможешь, мой домик номер шестнадцать на Виноградской. Три года не так много, чтобы забыть. До встречи, милый.

Девушка быстро оделась и выбежала из палаты. Шпарин ожесточённо поскрёб пальцами лицо и волосы.

«Три года... Милый... Теория о двойниках в действии».

Шпарин пощупал живот и, не увидев раны, недоверчиво хмыкнул, съел кашку из

маленькой тарелочки на подносе, схватил булочку с маслом и сыром, проглотил в два укуса, выпил кофе из белой чашки и голяком пошёл к окну.

Над лесом в небо поднимался плотный столб дыма. В центре плаца находились два вертолёта, возле которых стояла группа военных. Офицеры забрались в вертолёт поменьше, лопасти начали движение, превратились в бликующий круг, воздушная машина медленно поднялась и взяла курс на столб дыма над лесом.

«Ночка прошла весело, утро началось очень неожиданно, денёк, кажется, будет не хуже. Осталось примерить новую одежду и можно на сцену».

Форма сидела, как влитая. Жёлтые кожаные ботинки по ноге. Шпарин похлопал ладонями по мундиру и достал из кармана красное удостоверение со скрещёнными мечами.

«У нас с ним одно лицо, но у «дубликата» глаза наглые. Наглющие, просто хамские».

Шпарин затянул потуже ремень с пустой кобурой, потрогал овальный золотистый знак с медвежьей мордой на груди, провёл пальцем по орденской планке из четырёх квадратиков, поправил берет, повернулся через левое плечо и выскочил из палаты.

В коридоре новый сюрприз. Очкастый лейтенант медицинской службы Евпахов, поменяв чёрный халат на белый, с висящим на шее фонендоскопом, беседуя с лысым и очень худым врачом, неторопливо шествовал навстречу.

— Капитан... — останавливаясь, вежливо кивнул лысый врач. — Я доктор Лихоркин. Хотелось бы переговорить с вами касательно нашей знакомой, с которой вы провели непозволительно долгое время наедине. Видите ли, капитан, я питаю чувства к упомянутой особе и, надеюсь, она тоже. И я не понимаю, как она оказалась не на своём этаже, в вашей палате, и чем вы там могли заниматься, как я уже упомянул, так долго?

— О чувствах и непозволительно долгом времени наедине вам расскажет сама Катя! Если захочет! — отодвигая доктора Лихоркина, сказал Шпарин. — А мне хотелось бы узнать о самочувствии вашего коллеги. Не сказало ли лежание под потолочной плитой на его здоровье?

— Простите, не имею чести знать. Вы кто? — испуганно отреагировал Евпахов и, увлекая за собой доктора Лихоркина, побежал по коридору.

— Витязь без пальто! — рывкнул Шпарин. — Быстро по рабочим местам, пока я вас не порвал, как... Как одна собака резиновое приспособление для согревания тела в холодное время.

Врачи торопливо скрылись в ближайшей палате.

— Дуэль! Категорически заявляю! — приоткрывая дверь, пропищал доктор Лихоркин. — Вечером, после работы.

— Непременно, — сказал Шпарин, проходя мимо. — На скальпелях.

База встретила летящим тополиным пухом и казалась вымершей.

«Театр абсурда. Вчера август, сегодня июнь. А память стала подводить, собаку ту звали Тузиком».

Помахивая грязным ведром, из боковой двери офицерской столовой вышел толстяк в забрызганном кровью переднике, белом поварском колпаке, белых штанах и куртке.

— Жучка, Дуська, Машка, Дамка!.. — позвал толстяк и, сунув два пальца в рот, оглушительно свистнул. На зов примчалась поименованная свора собак и, усердно виляя хвостами, уселась полукругом у ног кормильца.

— Профессор Давкин собственной персоной. Ещё один оживший мертвец, — громко сказал Шпарин, подходя к толстяку.

— Да как вы такое говорите, господин капитан?

— Переквалифицировался в работники кухни, перешёл с обезьян на ближайших друзей человека. Чем кормим? Хвостами гамадрилов?

Шпарин схватил толстяка за руку. Толстяк уронил ведро, вырвался и спрятался в столовой.

Шпарин саданул ногой по запертой двери и быстрым шагом направился к плацу.

«Второй вертолёт! Куда угодно, лишь бы убраться с Базы. Там посмотрим...».

У тяжёлой машины, понуро опустившей лопасти, у штабеля зелёных ящиков, в чёрной кожаной форме с сине-золотыми погонами стояли три офицера. Пилоты переговаривались и посматривали на часы.

— Полётное задание? — спросил Шпарин, показывая лётчикам удостоверение.

— Лейтенант Дрёмов. Погрузимся и в Боровск, — ответил один из пилотов, отдавая честь. — Из комиссии?

— Нет, — ответил Шпарин, пряча удостоверение в карман. — Отпуск.

Лейтенант улыбнулся.

— А-а!.. Отпуск дело хорошее. Давай поживее!.. — крикнул лётчик солдатам, переносящим в вертолёт ящики из штабеля. — Из Боровска улетите быстро. Из Боровска каждый час идёт борт на Губернаторск. А если к вам попадёшь, бывало и по двое суток сидели. Поганые места. Как ни прилетишь — всегда что-нибудь происходит.

— Это точно, — сказал Шпарин, посматривая в небо. Левая нога начала выбивать дробь по бетону.

«Иду в разнос. Не хватало появиться Древаке и конец путешествию».

База медленно уходила из-под ног. Шпарин выдернул наушники из зажима над откидным сиденьем, надел и прислонил нос к иллюминатору, рассматривая ленточки дорог внизу.

«Никаких запросов, никаких переговоров с наземными службами. На Базе их может и нет, но в этом... Боровске, они обязаны быть, он рядом. Полное радиомолчание. Флуктуация, кавитация, турбуленция. Хотя кавитация не из этой оперы... Возможно, тот перекрёсток с указателем путь домой. Когда-нибудь я доберусь до него...».

Дым от пожара уже не поднимался вверх, потерял силу и стелился понизу. Появился комплекс, окружённый антенными полями, — ряды гигантских овальных зеркал и проволочных катушек на треногах уходили за горизонт. Прямоугольники пожарных машин под зеркалами казались букашками. В антенных полях к небу стремились белые башни. В центре круга из высотных башен пульсировал стекловидный прозрачный кокон. Внутри кокона бесновалась оранжевая масса, кипела и набрасывалась на стенки. Верх одной из башен развален. Из пролома выглядывал кусок раскалённой спирали и сыпал жёлтыми искрами.

Шпарин опустил голову, под невесёлые мысли незаметно задремал и очнулся, когда вертолёт дёрнулся, провалился вниз, начал делать разворот и пошёл на снижение. Шпарин заглянул в иллюминатор. Мимо, параллельным курсом, навстречу, проскочил вертолёт с таким же бортовым номером.

— «Проклятье! — послышался в наушниках голос лейтенанта. — Едва не столкнулись! Над этими гиблыми местами может случиться самое невероятное. Можно увидеть свою прабабушку, сидящую на облаке или, что ещё хуже, самих себя, летящих рядом. Возвращаемся, хочю сделать доброе дело».

— Капитан... — сказал пилот, открывая дверь. — Хочу вам кое-что сказать... Никто не знает сколько у него жизней. Сегодня показалось — у меня последняя, а у вас теперь есть кое-что в запасе. Понимаете, о чем я? Надеюсь, вы выпутаетесь.

Шпарин поднял голову и, обхватив затылок руками, наблюдал за вертолётom, пока тот не превратился в маленькую стрекозу. Навстречу этой стрекозе неслась другая, несколько секунд, и они слились, превратились в пылающий ком и растворились в пожелтевшем небе.

Он пересёк плац и замедлил шаги. Навстречу, огибая штаб, шла Катя, распущенные волосы, белая блузка, белые брюки.

— Привет! — сказал Шпарин синеглазой девушке.

— Здравствуйте, молодой человек! Мы встречались?

У Шпарина вытянулось лицо. Катя улыбнулась, чмокнула в щёку и подхватила под руку. Девушка привела Шпарина в квартал однотипных одноэтажных домиков утопающих в деревьях. Прямые улочки, невысокие заборчики, кое-где цветы во двориках у домов. Они прошли по «Виноградной» и остановились у дома номер шестнадцать. Девушка открыла калитку и вошла в палисадник.

— Не забыл?

В прихожей Катя бросилась ему на грудь и, обнимая, впиалась в губы.

— Соскучился? Я так тебя ждала, — прерывисто дыша, сказала девушка и спросила, заглядывая в глаза:

— Помнишь Красносельск, наши шесть дней в той пустой гостинице? Повторим? У меня двухнедельный отпуск, потом снова командировка.

Шпарин снял руки девушки с плеч.

— Помню. Конечно, помню. Поел бы чего-нибудь. А куда командировка?

— Ты изменился, Шпарин! У тебя всегда на уме сначала была любовь, а уж потом вопросы. Сдаешь? Иди в душ, потом я. Легкий ужин и постель до утра, как в старые времена. Халат можешь взять мой, тебе подойдет, ты похудел, похоже, заграничные девки выжали из тебя все соки. Но я тебя быстро восстановлю, понял?!

«Что-то тут не так, — соображал Шпарин под тугими струями воды. — То она говорила про три года, теперь выплывает какая-то гостиница, командировка. И ещё резвее стала. Притворялась в госпитале? Кто их, женщин, поймёт».

Шпарин обернул вокруг пояса полотенце и вышел из ванной комнаты. Катя в белом лифчике и белых трусиках накрывала стол. Ветчина, колбаса, нарезанный батон, ваза с виноградом и яблоками. Бутылка вина и два узких бокала.

— Пять минут и я твоя, — сказала девушка и скрылась в ванной.

Шпарин схватил с тарелки кусок ветчины и, не прожевав, проглотил. Сунул в рот другой кусок и принялся за обыск.

Первым делом он повыдёргивал ящики комода. Бегло осмотрел и задвинул, порылся в ящиках серванта, открыл дверь спальни комнаты, полистал записную книжку, найденную в тумбочке, постоял у кровати, застеленной розовым покрывалом с чёрной пантерой, и, повинаясь внезапному импульсу, поднял одну из подушек. В изголовье кровати лежал пистолет.

Он вернул подушку на место, прошёл к гардеробному шкафу и откатил зеркальную дверь. Между платьев на плечиках висела военная форма с лейтенантскими погонами.

Шпарин проверил карманы мундира и, нащупав что-то в верхнем левом, вытянул

красный прямоугольник со скрещёнными мечами. Махнул рукой и удостоверение развернулось на две половинки.

«Департамент Тайных Операций. Инеева Татьяна Игоревна. Лейтенант. Специальный агент».

Шпарин вернулся в большую комнату и уселся в кресло. Машинально взял кусочек колбасы и незаметно опустошил тарелку.

«Они не сёстры. Невероятно похожи, но не сёстры. Обе спали с двойником. Одна давно, любила и ждала три года, другая не ждала и делала это, когда случалось встретиться. Татьяна Игоревна работала с «дубликатом» за кордоном. Я влип по самую макушку».

Вода перестала шуметь. Из ванной комнаты, блестя капельками воды на коже, вышла нагая девушка, поднесла палец ко рту: «Шш... Ни слова» и, обняв Шпарина за талию, увлекла в спальню.

Солнечное утро, щебетанье птиц, запах жасмина из открытого окна и записка на тумбочке у кровати: «Меня выдернули в Губернаторск. Завтрак на столе. Приедешь домой, позвони. До встречи. Таня».

— Ещё бы узнать, где я живу... — пробормотал Шпарин, открывая тумбочку.— Так, на букву «м»... На страничке только один Миша. «Синельникого, 24-9». Телефон... Это, наверное, я и есть».

Окраина жилого квартала, узкая бетонная дорога, бетонная стена, лай собак за серой стеной. Шпарин, поглядывая вверх, брёл вдоль стены и думал, как выбраться с Базы, минуя КПП.

— Михал Иванович! — услышал он знакомый голос. — Миша, не проходите мимо.

Во двореке ближайшего дома у грубо сколоченного стола и двух кривых табуретов стоял Миазмов в форме без погон и махал ему рукой.

— А вот и Сергей Николаевич Маралов! — сказал Шпарин, вспомнив настоящее имя экстрасенса. — Здравсте! Рад лицезреть вас живьём, а не в виде прозрачной субстанции. Где борода?

— Просыпаюсь — хватать за бороду, а её и нет, — простодушно ответил экстрасенс. — Так, лёгкая небритость. У тебя, я наблюдаю, изменения в лучшую сторону. Рад, что жив и здоров, в полной памяти и уме.

Сергей Николаевич засуетился.

— Присаживайся. Вот водочка, закусочка, вот стаканчик. Какой-то ты бледный. Что случилось? Выкладывай, здесь у тебя один друг, это я.

Прежде чем сесть Шпарин попробовал табуретку на устойчивость.

— Сам делал?

— Присаживайся, проверено. До тебя на ней восседал Древака. Он частенько по округе ходит. Осматривает вверенную территорию. Но ко мне в первый раз. О тебе задавал вопросы, это насторожило. Но, в общем, ничего страшного.

— Что может быть общего у капитана Шпарина с экстрасенсом-алкоголиком? А с другой стороны: почему бы мне и не зайти, просто так?

— Ты прав. Он интересовался, почему мы так часто встречаемся, о чём беседуем. Я сказал, что я голубой, и ты ко мне подкатываешь.

— Мы часто встречаемся? — удивился Шпарин. — Не припомню частых встреч.

— Часто, — уверил Сергей Николаевич. — Часто. Чуть не каждый день, весь последний

месяц. Иногда, правда, ты куда-то пропадаешь и не говоришь где был. Последний раз появился с огнестрельным ранением левого плеча. Касательным... Ну-ка, покажи плечо!

— На, смотри, — сказал Шпарин, расстёгнув мундир и оголив плечо.

— Ничего нет... — удивлённо пробормотал Сергей Николаевич. — А было! Точно говорю: они меняют реальность! Куда мы тогда пропадем? Ты сам догадываешься, но боишься поверить.

Сергей Николаевич ухмыльнулся и произнёс баритоном полковника:

— Шпарин? Никогда не поверю, что он голубой. У него неистребимая тяга к женщинам, он и помрёт, наверно, занимаясь любимым делом.

— Ты талант, дружище! Лестно, конечно, но немного не про меня.

— Про тебя, Миша, про тебя. Кушай, кушай, вот колбаска, вот огурчики, помидорчики из моего огорода.

— Хорошо устроился, огород, понимаешь, собственный дом.

— Ну не собственный, но жить можно, а огород от нечего делать. У них тут в пределах этого «заповедника» круглый год лето. Но и зима есть, подальше, на других территориях. Приезжают иногда офицеры в теплых куртках. По ним и узнаю о смене времени года.

Шпарин рассказал Сергею Николаевичу о вертолёте-двойнике, профессоре-поваре, Евпахове, сменившем чёрных халат на белый и двух одинаковых девушках с разными именами.

— Представляешь, Николаич? Совершенно одинаковые, фигуры, голоса, глаза... Всё!

— Близняшки.

— Нет, не близняшки, — сказал Шпарин. — Похожи как две капли, но они не сестры.

— И ты воспользовался. Ая-яй, Миша!

— А что было делать, играть с ними в шахматы? Ты бы не воспользовался?

— Мы все похожи на кукол, которых переставляют с места на место, — вздохнул Сергей Николаевич, — чужие жизни листаются, как книги, вырываются страницы и вклеиваются в жизни других людей. Вот так, Миша.

Шпарин кивнул на бетонную стену.

— Перемахнуть не пробовал через забор?

— Смеёшься? За этим ещё два. Видишь стержни с болвашками? Птица не пролетит. Стоит появиться голубю или вороне, сразу начинает дрожать воздух, вырастает стена невидимого пламени, и птичка сгорает, не долетев до земли. Достает даже ласточек, а они летают иногда очень высоко.

Шпарин схватил стакан, вышел на дорогу, размахнулся и бросил стакан через бетонную стену. Низкий гул, вспышка, и стакан разлетелся в пыль.

— Посудой разбрасываться не нужно, кинул бы лучше помидор, — рассудительно заметил Сергей Николаевич.

Через несколько минут на дороге идущей вдоль бетонной стены появился зелёный джип. Автомобиль остановился, из машины выскочил лейтенант и рванул калитку.

— Начальник караула лейтенант Осинкин, — заскакывая во дворик, представился вошедший. — Сработала сигнализация, нарушение охраняемого периметра Базы.

— Птичка, — сказал Шпарин.

— Никак нет, господин капитан. На мониторах наблюдался блестящий предмет, — лейтенант осмотрел стол. — А-а!.. Господин Миазмов изволили пошалить. Как выпьют, начинают швырять закуску через систему обнаружения. Не первый раз. Будем писать рапорт

и запись приложим. Хватит нас дёргать по пустякам.

— К нам идёт полковник! Офицеры, смирно! — вскакивая, воскликнул Шпарин и поднёс к берету прямую ладонь, отдавая честь.

Лейтенант повернул голову. Шпарин обнял начальника караула за шею, сдавил, и обмякшее тело упало на траву.

— Вот машина, пока хватятся, пока сообразят, что к чему, будем далеко. Решайся! Ну!

— Эх!.. — крикнул Сергей Николаевич. — С тобой!

Лейтенанта отнесли в дом, замотали рот полотенцем и привязали к стулу.

КПП, серые ворота с ромбом и змеёй на бокале, часовой на вышке. Шпарин посигналил. Дверь КПП распахнулась, солдатик в жёлтых ботинках подбежал к машине и заглянул в окно.

— Пропуск!

— А это тебе, Бобков, не пропуск? — спросил Шпарин, показывая красное удостоверение.

— Я вас не знаю. Пропуск на выезд! — упёрся солдатик.

Из домика вышел сержант, подошёл к автомобилю и, увидев Шпарина, хлопнул солдатика по затылку.

— Открывай, Бобков!

— И тебе спасибо, сержант Додоня! — сказал Шпарин, включая передачу.

Ворота раздвинулись, и серая бетонка бросилась под капот джипа.

— За нами хвост! Забыл о камерах, когда душил лейтенанта! — сердито сказал Сергей Николаевич.

— Вижу!

Пятнистый джип, мигая фарами, нагонял машину. Шпарин увеличил скорость, джип пошёл на обгон, стекло двери поехало вниз, и они увидели в окне автомобиля особиста с пистолетом в руке. Супонев целился в колесо машины.

— Держись, волшебник!.. — крикнул Шпарин, выкручивая руль.

Зелёный джип с беглецами ударил пятнистый джип в переднее крыло, скрежет металла, второй удар в водительскую дверь, машина с особистом улетела в кювет, перевернулась и, бешено вращая колёсами, поехала на крыше по зелёной траве.

— Быстро они спохватились!

— Уже жалею, что сбежал с тобой, — оглядываясь, нервно сказал Сергей Николаевич. — Авантюра всё это!

— Доберёмся до большого города и затеряемся среди населения. Хорошо было бы попасть в столицу, до Губернаторска сто вёрст с небольшим, он на юге, «стрелка» на указателе показывала на юг.

— Перекроют все дороги, — сказал Сергей Николаевич.

— Кроме просёлочных, на это у них людей не хватит.

— Сворачивай в лес!

Зелёный джип съехал на первую же грунтовку и, переваливаясь на ухабах, разбрызгивая лужи, поехал в сумерках деревьев. Шпарин остановил машину, вылез и, выглядывая солнце в облаках, дотронулся до ствола сосны, обтянутого серым, наощупь липким мхом, и наклонился к муравейнику.

— Пологий склон с южной стороны, — сказал Шпарин и махнул рукой. — Юг там.

До темноты зелёный джип блуждал по полям и просёлкам, объезжая деревни и

небольшие городки. Ночью на лесной дороге из-за поворота вылетел колесный трактор, врезался им в лоб, отбросил в кусты и, не останавливаясь, скрылся в темноте. Фары джипа погасли, мотор заглох и из-под капота повалил белый дым.

— Вот же пидо... — выругался Сергей Николаевич. — Пьяный, наверно.

— Приехали, — сказал Шпарин, сделав несколько попыток завести двигатель.

— Ну и куда теперь? — устало спросил Сергей Николаевич.

— Трактор наводит на мысль о близости деревни. Она где-то рядом. Вылезай.

Через пару километров лесная дорога привела беглецов на поляну. В низких облаках образовалась прореха, осторожно выглянул серп голубой луны и осветил стог сена.

— Вон стог, сделаем норки, переночуем, утром определимся. Ты храпишь?

Не спалось. В стогу храпел Сергей Николаевич, облака ушли, гудел ночной лес, и Шпарин до утра, пока не забрезжило на востоке, разглядывал звёздное небо.

«Большая Медведица, вот она... Вот, кажется, Вега... И Сириус на месте... Где же я мать вашу, нахожусь...».

С рассветом вновь принеслись облака, сыпанул мелкий дождик, Шпарин натянул берет на уши и полез в нору.

Сергей Николаевич выполз из стога и зевнул.

— Господин капитан, вставайте, солнце в зените! Подъём!.. — крикнул экстрасенс, заглядывая в пещерку, куда ночью заполз Шпарин.

— Миша!.. Михал Иваныч, отзовись! Неужели бросил?..

На краю поляны затрещали ветки и колыхнулась верхушка высокого дуба.

— Вот ты где! Большой обезьян в форме. Смотри не рухни, с дуба-то.

Шпарин, не решаясь разжать ладони, завис на нижнем суку.

— Не ори. Иди сюда, я на тебя прыгну.

— Совсем ты, Миша, обнаглел, — обиделся Сергей Николаевич, — прыгать на старого человека, лучше сенца подстелить.

— У тебя нет выбора, упаду, прикушу язык, не узнаешь, что я видел.

— Ладно, прыгай, ловлю.

Маралов расставил руки и оба покатались по траве.

— И как ты туда забрался? — удивился Сергей Николаевич, измеряя взглядом расстояние от земли до первых ветвей.

— Детство вспомнил. Там, наверху, хорошо. Птички поют и никаких уродов рядом. К присутствующим не относится. Встаём, приключения продолжаются.

— Не томи, Михал Иваныч!

— Мы на холме. Не бойся, на другом. Километрах в двух лес кончается, там деревня. На западе небольшой городишко. На юге, в таинственной мгле, огромный город, скорее всего Губернаторск. В деревню не пойдём, нечего светиться, лишние вопросы ни к чему. Так что нам туда, в ихнюю столицу.

— «Ихнюю»? Словечко употребляете, Михал Иваныч, несуразное, не литературное, стыдно.

— Зато точное. Что ты к нему прицепился?

— Не прицепился, — отряхиваясь, проворчал Сергей Николаевич. — После ночёвки в сене похожи на огородных пугал и ближайшее будущее в беспросветном тумане, в таинственной мгле. Есть хочу!

— И я хочу. Так и быть, заглянем в деревню, добрые селяне сжалятся и накормят двух измученных военных, но пока туда доберёмся, перемажемся как свиньи. Под утро прошёл дождь.

— Что забыли эти грязные небритые военные в лесу?

— Военные ловят дезертиров или у них танк сломался.

Шпарин обернулся на тяжёлый, рыкающий звук за спиной. На поляну, ломая молодой дубняк, лязгая гусеницами, с повернутой назад башней, выполз танк в камуфляже.

— Вот, кстати, и он. Это попутка до ближайшего населённого пункта. Осталось выяснить, зачем он здесь.

Танк остановился. Открылся башенный люк, из башни, один за другим, вылезли три танкиста в тёмно-коричневых комбинезонах и попрыгали вниз. Два танкиста, разминаясь, принялись ходить вокруг танка, третий, коротышка с лейтенантскими погонами, сорвал шлем и бегом направился к ним.

— Таких случайных совпадений не бывает! — запсиховал Сергей Николаевич. — Это погоня! Они послали за нами танки.

— Теперь наша жизнь состоит из сплошных совпадений и событий не поддающихся формальной логике. Не мною доказано — случай приходит на помощь тому, кто его ищет. Скажи спасибо, что это не «тигр» с немцами из одна тысяча девятьсот сорок какого-нибудь года.

Немного не добежав до них, танкист споткнулся о кочку и упал.

— Вот чего не надо никогда делать — спешить. Это верно подмечено нашими мудрыми предками. Спешка приводит к нежелательным последствиям, на лице...

Танкист уселся на траву и, морщась, пощупал колено.

— ... и других частях тела, — договорил Шпарин, протягивая лейтенанту руку.

— Капитан! Спасибо! Вы первые люди за трое суток, — поднимаясь и припадая на левую ногу, простонал танкист. — Невероятная история!

— Сильно расшиблись? — участливо спросил Шпарин. — Давненько вас поджидаем. Представьтесь.

— Лейтенант Федотов. Командир четвёртого взвода. Четвёртая рота, второй батальон, пятая танковая бригада, — зачастил лейтенант. — Совершенно невероятная история! Шли на ночные стрельбы в колонне. Я замыкающим. Вдруг туман, всё завертелось, думали перевернёмся, и мы в чаще, мы в дебрях, трое суток, связь отрубилась, навигация не работает, чуть не угодили в болото...

— Туман рыжий был, густой?

— Да-а... — удивлённо протянул лейтенант. — А откуда вы знаете?

Шпарин достал из кармана красное удостоверение со скрещёнными мечами и, не раскрывая, помахал им у носа танкиста.

— Капитан Пургахосовов. Комиссия Генерального Штаба. А этот господин в форме без погон — Сьюбаритобов, наблюдатель из Департамента Закрытых Исследований. Позвольте вашу карту.

Лейтенант полез в планшет.

— Вот. Наш полигон.

— Теперь вы здесь. Деревня Будиловка, — тыкая в карту пальцем, сказал Шпарин. Он увидел всё, что ему было нужно.

— Ого!.. Как же это... почти семьдесят километров. А эту деревню я знаю. Надо же! Тут

живёт моя тётка, по отцу. Что с нами случилось, капитан?

— Испытания секретного оружия. Вы случайно попали под раздачу, но распространяться о произошедшем не советую. Нас вы тоже не видели. Понимаете, лейтенант Федотов?!

— Так точно, господин капитан! Наши действия?

— Двигаемся к деревне. Вон по той дороге. Там вы с экипажем можете некоторое время отдохнуть, после отдыха отправитесь в свою часть. А я убуду в Штаб и позабочусь, чтобы последствия вашего исчезновения не имели никаких последствий. Тетушка ваша, приветливая женщина? А то свалимся, как снег на голову.

— Не извольте беспокоиться, капитан, примет по-первому классу, родной племянник, в кои-то годы.

— Талант в тебе пропадает, Миша, не пойму только, актера или мошенника, — сказал Сергей Николаевич, когда друзья погрузились на танк и, держась за скобы на башне, поехали в деревню.

— Таких актеров полна вся наша бывшая родина, до самых верхних этажей. Классика жанра. Разводят народ, как хотят. Уже много, много лет. Залезут наверх и разводят.

— Не кипятись, Миша. Нервы, они ещё пригодятся.

Оставляя глубокие колеи, танк полз по петляющей лесной дороге. Шпарин, уворачиваясь от веток, наклонил голову и похлопал по обрешеченной башне. Из каждого сегмента решетки выглядывала короткая труба с линзой.

— Защита, активная.

Танк выехал на небольшую полянку и остановился. Из люка выглянула голова лейтенанта.

— Разрешите вопрос, господин капитан?

— Валяйте.

— Как нас нашли? Откуда вы знали, что мы окажемся именно здесь?

— Информация совершенно секретна, но вам, как участнику эксперимента, пусть не совсем удачного, скажу, — Шпарин строго посмотрел на танкиста. — Мы следили за вашими передвижениями из «Центра» и прибыли встретить точно зная, что вы выползете из леса именно в этом месте. Хочу добавить: экипаж ждёт медицинское обследование и в завершение ваших испытаний, заслуженный длительный отпуск и, возможно, награды. Нет, не возможно, совершенно определённо: награды, — сказал Шпарин и помахал вертолёту, пролетающему над поляной. Вертолёт сделал круг и скрылся за верхушками деревьев.

— Видите? Ещё вопросы?

— Разрешите продолжать движение?

— Двигайтесь.

Лейтенант скрылся в башне.

— Брехун ты, Миша, какой же ты брехун! Так складно получается, как по-писанному.

— Профессия такая теперь, придумывать сказки для взрослых. А насчёт разводов... Моя совесть в этом мире девственно чиста. Я здесь не по своей воле, просто выживаю, как и ты, — раздражённо сказал Шпарин. — Но идея насчёт променада на танке по деревне что-то мне разонравилась.

Лес расступился и танк выехал на убранное поле, мокрое после дождя. Деревня была рядом.

— Сейчас врежет напрямки, поближе к обеду. К борщу и котлеткам, — сказал Сергей

Николаевич, делая глотательные движения.

— Не врежет. Я передумал. Танкист, кажется, нам не очень поверил. Лучше перестраховаться. Вдруг у него связь заработала. Нельзя переигрывать. Важно соблюсти пропорции между вымыслом и неправдой. В твоём возрасте пора бы это уже понять. Эй, там, в коробке!..

Шпарин постучал кулаком по люку.

— Не слышат. Вот если кувалдой...

Шпарин перебрался вперед и, держась рукой за ствол танка, другой закрыл беретом триплекс механика-водителя. Танк, набирающий скорость, остановился.

— Разворачивайтесь! — приказал Шпарин голове лейтенанта, показавшейся из люка. — Зелёная машина на обочине! Давай к ней. Это за нами. Стоит на дороге, водитель побоялся завязнуть в грязи. А вы двигайтесь в деревню, отдохайте. С вами скоро свяжутся.

«Ничего не понял. Ни карты, ни раций. Грязные. А с другой стороны: вертолёт, машина ждёт, — думал танкист, наблюдая, как загадочный капитан и наблюдатель из Департамента Закрытых Исследований карабкаются по высокому откосу к дороге. — Доложу начальству. Послезавтра... Или не доложу, ну их к чёрту, пусть катятся, и так неприятностей выше башни».

Глава 4. Губернаторск

Глава 4. Губернаторск.

— Свобода! Ветер!.. — закричал Шпарин, выбираясь на изумительно ровное четырёхполосное шоссе. — Нам бы такие дороги. Дышите полной грудью, господин Сюбаритобов.

— Какая свобода? Где? Стой, дай отдышусь! Про возраст ты правильно сказал. Тяжеловато в мои годы вести такую жизнь, на танках кататься, не есть, не пить...

— Вы разве не чувствуете запах свободы? Дышите, дышите, сейчас полегчает.

Шпарин похлопал Сергея Николаевича по спине и, пропустив несколько машин, перебежал дорогу.

— Автомобильчик военный, какого-то босса. Спецсигналы. Номера — ДБ0404ДБ, судя по ним, тутошнему начальству присущи все пороки свойственные нашему. Где водила?

— Этого водилу будет трудно уболтать. Поехали, быстрее, ключи в замке! — присоединяясь к Шпарину, сказал Сергей Николаевич и открыл водительскую дверь. — Поехали, пока никого нет. Садись!

— Я вам сейчас поеду! — крикнули из кустов. — Отойди от машины!

— Николаич, твой выход, пора бы и тебе применить способности, не всё мне отдуваться.

Из кустов выскочил разъярённый мужчина с пиджаком подмышкой и, застегивая на бегу брючный ремень, ринулся к автомобилю.

— Я вам сейчас поеду! Я вам покажу водилу!

Мужчина надел пиджак и, открыв правую дверь автомобиля, достал из бардачка пистолет и пластиковые наручники.

— Одевайте, голубчики! — протягивая наручники, приказал мужчина и, взглянув на лицо Шпарина, изумлённо открыл рот.

— Внимание! — сказал Сергей Николаевич. — Посмотрите на шоссе. Вы видите поток машин? Они двигаются быстро, обгоняют друг друга, мелькают перед глазами. Их движение непрерывно, завораживающе красиво. Поток сливается у вас в глазах в одну непрерывную ленту, вы смотрите на эту пёструю ленту и расслабляетесь. Расслабляетесь... У вас всё хорошо. Всё хорошо. Вы расслабляетесь. Вам хочется сесть в машину и влиться в этот прекрасный поток. Вы расслабляетесь, садитесь в машину, спокойно и медленно. Что вы делаете?

— Сажусь в машину, — ответил мужчина. — Спокойно и медленно.

— Садитесь в машину полностью расслабленным. Продолжаете смотреть на движение. Вам хочется отвезти нас куда я попрошу и ответить на мои вопросы. В пути вы будете осторожны и внимательны. Вы чувствуете себя хорошо, у вас всё прекрасно. Как вы себя чувствуете?

— У меня всё хорошо, всё прекрасно.

— Что вы будете делать?

— Отвезу вас куда попросите и отвечу на ваши вопросы.

— Потом вы забудете о нас и никогда не будете вспоминать. У вас по-прежнему всё хорошо. Что вы сделаете?

— Я забуду о вас и не буду вспоминать.

— У вас всё будет хорошо. У нас у всех всё будет хорошо. Просто прекрасно. Отдайте

пистолет и наручники. Отвезите нас в город.

Мужчина протянул экстрасенсу пистолет, наручники, завёл двигатель и влился в поток машин. Шпарин забрал у Сергея Николаевича пистолет, вынул обойму, проверил и вставил обратно.

— Вы будете двигаться уверенно и внимательно. Вы будете отвечать на мои вопросы и не будете слушать наши разговоры. Понимаете?

— Да.

— Это очень хорошо, у вас всё будет хорошо. Вы военный?

— Да.

— Звание, место службы?

— Полковник Инеев. Департамент Безопасности. Начальник Четвертого Управления.

— Зовут вас, как? — спросил Шпарин, перегибаясь через спинку сиденья и заглядывая полковнику в лицо.

— Игорь Андреевич.

Шпарин побледнел и откинулся назад.

— Замечательно. Это папа.

— У всех есть папы, — сказал Сергей Николаевич. — Но я не удивлюсь, если у тебя его вообще не было, и ты появился на свет сам по себе.

— Этот папа особенный. Папа тех одинаковых красоток с Базы.

— Из всех машин на дороге тебе обязательно надо было выбрать именно эту.

— Кто знал? Фатум.

Показались многоэтажные дома. Потоки автомобилей уплотнились. Машина въехала в город.

— Слушай, Николаич, а почему ты не сбежал с Базы таким же способом?

— Куда? — погрузился Маралов. — Куда?.. Кто меня, где ждёт? А тут почти как у нас. Дома, деревья, автобусы, троллейбусы, машины, такси... Женщины ходят в откровенных нарядах... Минимум одежды. Рекламный щит видел? «Дом Свиданий «Мужские Мурашки». Я в шоке.

Шпарин достал из кобуры пистолет.

— У них военное положение. Патрули на улицах. Полковника надо куда-то девать.

— Миша, а ты это чего задумал? — испугано спросил Сергей Николаевич, глядя на искажённое лицо Шпарина. — Миша, ты что, не в себе?..

— Я давно не в себе и совсем не там, где должен быть.

Широкие улицы сменились узкими. Несколько поворотов и автомобиль остановился на засаженной кленами, тихой прямой улочке, у ворот двухэтажного особняка.

— Улица Генерала Липаря, дом 154, — сказал полковник. Инеев сидел прямо, смотрел на дорогу за капотом и обеими руками держал рулевое колесо.

Металлическая дверь в решётчатом заборе рядом с воротами открылась, из калитки вышла черноволосая девушка в сером брючном костюме и, помахивая сумочкой, стуча каблучками, потряхивая копной длинных волос, прошла мимо машины.

— Папа?! — воскликнула девушка, останавливаясь, и сделала шаг назад. Глаза её округлились и стали ещё больше. — Шпарин!?!..

— Ба-бах!.. Да, это судьба, Миша! — сказал Сергей Николаевич. — Он привёз нас к себе домой!

— Гони!.. — закрывая лицо ладонью, заорал Шпарин и приставил к затылку Инеева

ствол пистолета.

Полковник нажал на «газ». На перекрёстке, поворачивая налево, автомобиль врезался во встречный фургон, который поворачивал на ту же улицу.

— Миша, ты цел? — спросил Сергей Николаевич, вываливаясь из машины.

— Местами, — ответил Шпарин, вываливаясь на дорогу с другой стороны.

— Надо же, хотел пристрелить будущего тестя.

Шпарин, прихрамывая, обошёл изувеченный автомобиль. Из-под покорёженного капота валил дым. Полковник лежал грудью на руле и не подавал признаков жизни. Вдоль улицы уносился водитель грузовика.

— Вытаскиваем «папу», сейчас полыхнет, — сказал Шпарин. — Помогай!

— Нужно было постараться, встретить на пустой улице единственный грузовик и в него врезаться. Это ты виноват. Ты погнал его.

— Девчонка меня узнала. Посмотри, где она.

Сергей Николаевич выглянул из-за разбитой машины.

— Метров четыреста. Бросила сумочку, сняла туфли и бежит сюда. Что будем делать? Останешься хоронить тестя?

Лежащий на газоне полковник открыл глаза и сел.

— Адъютант! — хватая Шпарина за грудь, прохрипел Инеев. — Где это мы? Попали в аварию? Принеси серебряную фляжку из сумки в багажнике.

— Переклинило, — поставил диагноз Шпарин, отдирая руки полковника от формы.

Полковник толкнул Шпарина и мотнул головой.

— Отстань! Где адъютант, пусть принесёт фляжку.

— Опять повезло, — пробормотал Сергей Николаевич. — С Базы сбежали, из леса выбрались, до города добрались, в аварии побывали...

— Принеси, — попросил Шпарин, — и наручники заberi с сиденья, пригодятся.

Сергей Николаевич открыл багажник, достал фляжку и протянул полковнику.

— Уходим, сейчас народ соберётся. Перестань оглядываться, переходим на шаг и дворами, дворами... Начинается новая жизнь.

Добежав до разбитого автомобиля, девушка склонилась к отцу.

— Где болит? Грудь болит, голова?.. Наверное, сотрясение. Не вставай! Да ты пьян!

— А, дочка! — сказал полковник, бросил опустевшую фляжку на траву и облизал губы. — Ты была за рулем? Не расстраивайся, у нас у всех всё будет хорошо, просто прекрасно. Па-анимаешь?..

До темноты беглецы просидели в каком-то сквере. Перебирали варианты.

— Ограбим банк? — предложил Сергей Николаевич. — Оружие есть. Без денег никуда, совсем люди очерствели. Никто ничего не делает бесплатно.

— Да... Ужасные у вас наклонности, господин Маралов.

— А полковники с миллиардами в квартирах? Им можно?

— Так то у нас, — сказал Шпарин.

— И тут так. Везде одно и то же. Нам нужны деньги, чтобы начать с начала.

— Нагрянем в банк и сразу засветимся. Кстати, какие деньги у них тут в ходу?

— Рубли и доллары, как у нас. Курс — рубль за бакс, паритет. Рубли с портретом Генерал-Губернатора. Баксы с чёрной бабой на месте президента, ещё анекдоты ходили по этому поводу. Что будем делать? Умирать с голоду? Я же говорил: авантюра!

— Мы перешли на нелегальное положение, — буркнул Шпарин, — необходимо время, чтобы освоиться. Пожрать мы достанем. Выберем продуктовый магазинчик попроще, и ты покажешь фокусы.

— А ночевать где?

— Что-нибудь придумаем. Поднимайся.

По тротуарам передвигались хорошо одетые люди, из открытых окон ресторанов звучала музыка, было достаточно темно и прохожие не обращали внимания на потрёпанный вид и заросшие щетиной лица беглецов.

— Или сегодня выходной, или они веселятся каждый день, — озадаченно сказал Шпарин. — Ты знаешь какой сегодня день недели?

— Не знаю, я все дни перепутал. У нас тоже веселятся, сплошные праздники, — слабым голосом ответил Сергей Николаевич. — У меня на улице кабаки, кафешки. Каждый день что-то празднуют, фейерверки, петарды пускают. Я скоро упаду от голода.

— Постоим. Оценим обстановку. Прислонись к дереву. Здесь нет патрулей. Может они на зарплате у местных заведений? Зона свободная от полиции.

— И от транспорта. Ни одного автомобиля.

На противоположной стороне улицы, слева, метрах в тридцати от входа в ресторан под названием «Три осины», шла игра на деньги. Длинноносый скользкий тип с бегающими глазами двигал по небольшому столу три карты, предлагал сделать ставку и угадать, где находится карта с портретом Генерал-Губернатора. Справа от входа играли на гитарах и пели три длинноволосых молодца. В раскрытом гитарном футляре пучилась куча бумажных денег. Вокруг музыкантов, подпевая и пританцовывая, толпились люди. Один из музыкантов подмигнул Шарину и улыбнулся.

— Ещё чуть-чуть и мне покажется что мы дома, — сказал Шпарин. — Сколько людей жизнь не учит, они всё равно наступают на те же грабли.

— Если ты себя понюхаешь, то не покажется.

— С какого перепуга я буду себя нюхать?

— Не чувствуешь запах? Дома, наверно, ты так не вонял, как, впрочем, и я.

— Теперь понятно, почему от нас шарахаются прохожие. Жаль гармошки нет, а то можно было влиться в уличный ансамбль и спеть квинтетом, но из-за нашего амбре отпадает и эта возможность заработать денег. Как низко мы пали, стоим, как два бомжа и раздумываем как бы срубить немного монет на пропитание. Где же я видел эту физиономию? Где-то видел. Но где?

— Представляю! — расхохотался Сергей Николаевич. — Не обижайся. Представил тебя скачущим по мостовой, дерущим гармошку и вопящим наши частушки. В нашей капитанской форме. Даже силы появились. Можно сказать, воспрял духом.

— Ты не потерял чувство юмора. Но оно только продлит агонию!

— Какую агонию, Миша? Решил пристрелить, чтобы не мучился? От тебя всего можно ожидать, я теперь знаю.

— Очень может быть, если сейчас же не приступишь к делу.

— Какому делу, Миша?

— Видишь рекламу: «Клуб Любителей Денег»? Не там. Вон там. У входа здоровущие мраморные львы с зелёными глазами. Сверкают в ночи, как изумруды. Это казино. Нам туда.

У входа в «Клуб» в поддержку каменным львам, охраняющим заведение, дежурили два мордоворота с удивительно интеллигентным выражением лиц и фильтровали посетителей.

— Не пустят в таком виде. А через дорогу я бы сыграл, но нет денег на начальную ставку.

Шпарин вспомнил, где видел «эту физиономию». Он узнал в музыканте пьяного штабного лейтенанта, вспомнил пистолет, пляшущий в его руке, и отверстие от пули в портрете за спиной.

«Менестрели» прекратили музицировать и устроили перерыв. Шпарин перешёл улицу, схватил убитого лейтенанта под руку и повёл за угол ресторана в тёмный проулок, подальше от толпы.

— Молодой человек, мы где-то встречались?

— Здравствуйте, капитан, — улыбаясь, сказал Ляхов и снял парик. — Проигрались?

— Э-э... Да... — растерянно сказал Шпарин, удивляясь необъяснимой радости на лице Ляхова. — Воротилы игорного дела вытрясли все сбережения. Хотелось бы отыграться. Если возможно, ссудите денег сколько не жалко.

— Поделится, как не помочь?

Теперь Ляхов увлек Шпарина к свету, к толпе, нагнулся и схватил раскрытой ладонью из футляра охапку купюр.

— Мелочь, конечно, но на начало хватит. Разрешите, я с вами? Всё равно скоро заканчиваем, ребята доиграют. Ну и видок у вас, капитан!

— Ободрали как липку, спустил всё, пришлось даже заложить только что пошитую новую форму. Подрабатываете?

— Какая подработка?.. После драки с особистом выкинули со службы, дядя постарался, а любимый папа выгнал из дома. Сейчас одумался и зовёт обратно. Но я не спешу. Если честно — в средствах не стеснён, накопилось кое-что за время службы, а здесь назло родственникам.

— Не знаю, лейтенант, позавидовать вам или посочувствовать.

— Просто Лёша, капитан. Забыли?

— Хорошо, Лёша. Широкой ты души человек, таких сейчас мало.

— Сегодня богато наиграли. Может остальные забрать? Ребята не обидятся. Последнее время хорошо дают.

— Этого хватит. Николаич, иди сюда! — позвал Шпарин и протянул деньги подошедшему экстрасенсу. — Приступай!

Сергей Николаевич растолкал людей и как хищная птица навис над столиком.

— Фу-фу-фу... — сказали люди, отходя подальше. — А ещё в форме.

— Прошу простить, — извинился Шпарин. — Только-только с учений.

— Ставка? — спросил Сергей Николаевич.

— Десять рублей, — ответил носатый, окидывая экстрасенса взглядом. — Потянешь?

— Зря, — сказал Ляхов. — Он «кидала».

— Кручу-верчу, губернатора хочу.

Носатый перемешал карты и выстроил их в одну линию.

— Эта, — показал Маралов.

— Нет, не эта. Проиграл. Ещё?

Сергей Николаевич бросил на стол десятку и в течении минуты проиграл сотню.

— Он что, с ума сошёл? — занервничал Ляхов. — Это же цена отличного костюма, плюс куртка и туфли и из крокодильей шкуры. Пойдёмте лучше в ресторан, отметим встречу.

— Тихо... — прошептал Шпарин на ухо «мёртвому» лейтенанту. — Он его разводит.

— На все, — вкрадчиво сказал Сергей Николаевич, выкладывая на стол деньги. — Слабо?

— На кону две сотни, — кивнул носатый. — Говори.

— Эта, — показал Сергей Николаевич.

— Повезло тебе. Играем дальше?

— На все.

Кучка денег на столе непрерывно росла и скоро превратилась в небольшой стожок.

— Опять повезло!

— На все, — сказал Сергей Николаевич.

— Мальчишки! — позвал кидала, поняв кто перед ним. — Нас грабят!

Из группы зевак, наблюдающих за игрой, выдвинулись два крепких парня. Шпарин приблизился к столу и расстегнул кобуру. Кидала нехотя кивнул.

— Забирай.

— Алексей, где можно прилично одеться? — спросил Шпарин, пряча деньги в карман. — Этот район мне почти незнаком. В столице бываю редко, всё время по командировкам.

— Я знаю. Вот не могу вашего друга вспомнить. Одет не лучше вас.

Шпарин посмотрел в глаза лейтенанту и усмехнулся.

— А ты вообще мало чего помнишь. Это Сергей Николаевич, тоже с нашей Базы Специалист высокого класса, в своей сфере. Полчаса назад встретил.

Раздвигая прохожих, медленно проехал пятнистый джип без номеров.

— Отличный джипяра! — завистливо сказал Сергей Николаевич, провожая машину взглядом. — Когда-то, примерно такой, я хотел себе прикупить.

Автомобиль остановился у входа в «Клуб Любителей Денег». Из машины вылезли два человека в тёмных костюмах и, не торопясь, поднялись по ступенькам. Мордовороты предупредительно распахнули двери. Мужчины с военной выправкой скрылись в «Клубе» и через несколько минут вернулись, держа в каждой руке по тяжелому кейсу.

— Так-так-так... — сказал Шпарин, наблюдая за мужчинами. — Всё понятно.

Пятнистый джип уехал. Сергей Николаевич глотнул слюну и неровными шагами приблизился к роскошной витрине магазина «Деликатесы».

— Яства! Буженина, балык, окорок... — постукивая ладонью по стеклу, забубнил Сергей Николаевич. — Рубец, холодец, ветчина... Накормите меня! Больше не могу!

— Что с ним? — вздрагивая, спросил Ляхов.

— Болезнь у него. Всё время хочет есть, пить, в основном водку, и с женским полом у него напряжка.

— С этим поможем. Тут недалеко ресторанчик, кормят неплохо, публика приличная и девочки на выбор. Не чета этим «Трём осинам».

— Не надо, — сказал Шпарин. — Видел на соседней улице трактир «Простая еда». Перекусим на скорую руку. У нас ещё много дел. Приоденемся и в «Клуб Любителей Денег». Растребушим денежный вертеп! Сергей Николаевич поможет. Ты наблюдал его способности. Карты видит насквозь.

— Я с вами. Я вам пригожусь, капитан.

— Пригодишься, — согласился Шпарин. — Деньги поможешь нести.

— Может и ноги, — сказал Сергей Николаевич. — Их нам могут оторвать.

— И вот ещё что, Алексей... Эти твои ребята, музыканты, кто они?

— Армейские. Лейтенанты. Ну вы, капитан, даёте! Я же рассказывал.

— Да? — озадачился Шпарин. — Может быть... Не помню. Столько воды утекло.

— Длинный — Вова. Тот, с добрым лицом, Степан. Вместе начинали. Служили в комендантском полку, здесь, в Губернаторске. Потом меня дядя перевёл на Базу в роту охраны. Их тоже недавно вышибли. Набили морду сослуживцу за кляузы, стучал в Департамент Безопасности. В париках. Как-то стыдно — военные и бряцают на гитарах. Не привыкли ещё.

— Переговори, Лёша, с парнями, пусть подежурят поблизости, пока будем играть. Мы вас не обидим. Парички прихвати. О нас не распространяйся — просто хорошие знакомые. Наймите пару машин, ждите недалеко от входа в казино, за углом здания. Встречаемся в забегаловке, потом ведёшь нас одеваться.

В занюханном трактире на соседней улице Сергей Николаевич порывался заказать выпивку, но Шпарин запретил, по понятным причинам. Из посетителей в трактире они были одни.

— Любезный... — сказал Шпарин, разглядывая грязное полотенце, обернутое вокруг бедер официанта. Другое полотенце, не чище, сложенное треугольником, мордатый официант держал в руках. — Водки не надо. Нам бы поесть. Что можете предложить?

— Кура жареная с чесноком, кура варёная, кура запечённая. Мясо жареное, мясо вареное с кореньями, — изучая грязную форму посетителей, презрительно оттарабанил официант с табличкой на груди «Половой Игнат».

— Жареное мясо, — заказал Шпарин. — И салатик какой.

— Куру жареную с чесноком. Чеснок подавить, — глотая слюни, заказал Сергей Николаевич. — У тебя на бейджике — «Половой Гигант»! Ты что же, ещё и сексуальные услуги оказываешь?

— Читать не умеешь, дядя? Игнат я! Игнат! Чему вас в армии учат?

— Помой руки и принеси салфетки, — сказал Сергей Николаевич.

Официант хмыкнул и гордо удалился.

— Обидел человека. Плохо со зрением?

— От голода в глазах мельтешит.

— У тебя в другом месте мельтешит.

Официант принес заказ, аккуратно снял с подноса и поставил перед Шпариним тарелки с дымящимся куском мяса и салатом из помидоров. Блюдо с курицей, обсыпанной чесноком, бухнул Маралову под нос и, окинув экстрасенса негодующим взглядом, скрылся на кухне.

— Ты как полководец перед сражением, — польстил Шпарину Сергей Николаевич, разрывая руками тушку жареной курицы на куски.

— Сражение будет. Жестоким и, возможно, кровавым. Ты сыграешь в нём главную роль. Готовься! — сказал Шпарин, втыкая нож в отбивную.

— На сражение не согласен, снимем номерок в гостинице. Поживём, посмотрим, что к чему. Денег на первое время хватит.

— Дальше что? Просить милостыню? Рискнём. Не паникуй, я намеренно сгустил краски, чтобы после сытного ужина мозги у тебя заработали в нужном направлении. Не расслабляйся. Главное ухватить за хвост госпожу удачу, а как выйти из «Клуба», об этом позабочусь я. Понял, «экстрасенсапарасихолог»?

— Понял, понял... — похрустывая куриными косточками, закивал Сергей Николаевич.

— Жуть берёт, будто мы дома. Хотелось бы взглянуть на политическую карту этого мира, как тут всё устроено. Здесь земная история завинтилась в другую спираль. Если мы на Земле.

— Не знаю куда она завинтилась, а мы в Соединённом Губернаторстве. Граничит с Северной Конфедерацией. Когда-то они были одной большой страной, потом случилась кровопролитная драка, гражданская война, и Губернии, которым несть числа, стали врагами и разбежались по разным квартирам.

— Америка существует?

— Существует. Раз есть баксы, то и Америка есть.

— А Европа?

— И Европа есть. Подробностей не знаю, — сказал Сергей Николаевич, вытирая руки краем скатерти. — Салфеток нет, к тому же их покрывало не первой свежести.

В трактир с бумажным пакетом в руке вбежал возбуждённый Ляхов.

— Машины за углом «Клуба». Ребята согласны, ждут. Вот парики, в пакете.

— Рассчитайся за ужин, — попросил Шпарин, принимая пакет.

В туалете у зеркала примерили парики.

— Небритые нерегулярные части авантюристов, — разглядывая себя в зеркало, сказал Шпарин.

— Не нравится мне этот пегий, — недовольно проворчал Сергей Николаевич. — Дай чёрный.

— Теперь ты похож на демона в отставке. Чёрные волосы, чёрные глаза, чёрная с проседью борода, носюра с раздутыми ноздрями, глубокие морщины. Зловеще. Исчадь ада. Перепугаешь охрану, не говоря о персонале, те сами отдадут деньги, лишь бы тебя не видеть. И запаха серы не надо, и так прёт, как из преисподней. Ещё курицы с чесноком нажрался. Кто идёт на такое дело и жрёт чеснок? Может предки у тебя не цыгане?

— Да? — обиделся Сергей Николаевич, стягивая парик. — Тогда так и сделаем — не будем играть, зайдём в казино и просто заберём деньги. И вообще, раз так, я выхожу из дела.

— Ну-ну-ну... — сказал Шпарин, обнимая друга за плечи. — Прости. Нервы, нервы, нервы. Ты хороший. Не демон. Неудачно пошутил. Прости. План надо менять. Хотелось сделать всё побыстрее, пока фарт прёт. Ну, ты меня понял. Нападение на остров сокровищ отложим на другой раз.

Шпарин уложил парики в пакет, и друзья вернулись в зал, где Ляхов скрученной в жгут скатертью со стола душил официанта. На полу валялась битая посуда. Из дальней двери выглядывал испуганный хозяин трактира.

— Немедленно прекратить! — скомандовал Шпарин.

— Хотел обсчитать бедных военных, — Ляхов ослабил хватку. — Семнадцать рублей? Стоит маленькая курочка и кусочек мяса таких денег? Стоит? Ряшку наел...

— Не стои-ит, — захрипел официант, багровея толстой ряшкой. — За счёт заведения... Отпусти-и-и!..

— Вот тебе двадцатка и вы про нас забыли. Хозяину передай: будете болтать, вернёмся и спалим харчевню, — сказал Шпарин, протягивая официанту деньги, и похвалил Ляхова:

— Теперь, лейтенант, я вижу: ты действительно годишься.

На улице Сергей Николаевич поковырял пальцем в зубах, сплюнул и меланхолично произнёс:

— Миша, где твой литературный язык? Вот уже и заговорил, как урка.

— Не обращай внимания, Алексей, — сказал Шпарин. — Заговаривается. Болезнь сразу не отступит. Возможны рецидивы. Предстоит долгое и обильное лечение. Операция по изъятию денег откладывается. Парней и машины отпустить.

— Не понял, капитан? — расстроился Ляхов. — Как откладывается? Передумали?

— Необходима корректировка плана, иначе спектакль не сыграть. Отшлифуем детали и только потом на штурм.

— Теперь понял.

— И ещё одна маленькая проблемка, Алексей. Перед убытием в командировку отдал квартиру брату с семьёй. Куча ребятишек. Хотелось бы привести себя в порядок, пожить в тихом укромном месте без лишних глаз. Привычка, издержки профессии. Какая-нибудь гостиница на отшибе? Можешь посоветовать?

— Зачем гостиница? Загородный дом папаши! — загорелся Ляхов. — Там никто не живет. В пяти км от черты города. Я туда девушек вожу.

— Едем! — решил Шпарин. — Только на чём? На такси?

— У меня машина, папашин подарок на день рождения, оформлена на меня. Папик не решился отобрать. Всю жизнь с ним собачился. С самого детства. Самодур. Засунул меня в военное училище...

— Остальное по дороге, Алексей. Будет достаточно времени рассказать о трудном детстве. И заедем в магазин, купим вкусенького на ужин. Больного нужно лечить. Да, Сергей Николаевич?

Гладкокожая, длиннохвостая лиловая собака на цепи, заливаясь ненавистью, морщилась складками шкуры на загривке, дыбилась и злобно лаяла на чужаков.

— Не беспокойтесь, капитан, сюда никто не зайвится, — сказал Ляхов, открывая дверь двухэтажного особняка. — Отдыхайте. Папаша про «замок» давно забыл.

— Деньги, Лёша! В «Клубе» надо появиться с приличной суммой. Да, и вот ещё что.. Все вещи остались на Базе. Купи нам пару спортивных костюмов. И не забудь план города.

— Всё сделаем, капитан. До завтра, — попрощался Ляхов, протягивая ключи от входной двери.

— А лейтенант вроде тебя, тоже ищет приключений на одно место, — сказал Сергей Николаевич. — И доверчивый. Я бы ни за что на его месте нас сюда не привёз.

Шпарин направился к зеркально-стеклянному буфету и вытащил ключ из дверцы.

— Осмотри хоромы.

— А слегка накатить?

— Обойдётся! После дела, хоть залейся. Покормлю лысую псину, не даст спать.

Шпарин достал из объёмистого пакета батон варёной колбасы, снял с крючка у двери намордник и вышел из дома. Собака рванулась, захрипела, засипела и повисла на ошейнике. Шпарин, махая намордником, приблизился к будке.

— У тебя есть выбор: успокоиться и пожрать или не успокоиться и не пожрать. Ну!?!..

Пес звякнул цепью и улёгся перед конурой. Шпарин бросил колбасу на землю, катнул батон ногой, вернулся в особняк, прошёл в зал, соседствующий с гостиной, уселся на край пустого бассейна и свесил ноги.

— Как там лысая псина? Заткнулась?.. Во дворе есть что-то типа гриля, беседка и еще один бассейн, — сообщил Сергей Николаевич, усаживаясь рядом. — Из окна видел. Хорошо люди живут!.. Жируют, шикают, золотые унитазы. Холодильник жратвой забит. Мне такая и не снилась. Зря на еду тратились. Одних спален четыре, не говоря о других помещениях. Бильярд, библиотека огромная. Камин здоровый, можно бычка зажарить.

— Всё, как у наших новых буржуев. Где можно смыть грязь?

— Везде. Хозяева любят поддерживать чистоту тела. Две большие туалетных комнаты наверху. С ваннами типа «джакузи». В каждой спальне по ванной комнатке с душевой кабинкой и туалетом. Живут же люди. Кто у него папаша?

— Как-то не спросил, — поднимаясь, ответил Шпарин. — Ты идёшь?

За стол после долгого отмокания в огромных ваннах беглецы уселись в чужих халатах. Сергей Николаевич — в багровом, в золотистых лилиях, Шпарин в синем, тесном, не сходящимся на груди.

— Выпей, Николаич, иначе не уснешь, — сказал Шпарин, протягивая ключ от буфета. — Выпей, перекуси и спать. Твоя норма какая? Сколько за день осиливаешь? Чтобы совсем хорошо стало?

— Две полулитры.

— Я так и думал. А не три?

— Две в самый раз, дальше начинаются закидоны, могу натворить безобразий. Тебя хотел усмирить, но ты почему-то не поддаёшься.

— Страшный ты человек. Но я вот о чём: мы вроде только что удрали с Базы. Так?

— Удрали.

— Вчера.

— Ну...

— Уже что-то не сходится. Унесли ноги вчера, а убитого лейтенанта успели выгнать со службы, разругался с отцом и подвизается в уличной музбригаде, по всему видно — не первый день, даже не первую неделю. Обрадовался мне, как родному. С чего бы? И где мы были всё это время?

— Ты сидел на верхушке дуба, а я спал в стогу.

— Очень смешно.

Сергей Николаевич почти ничего не ел, быстро набрался и начал зевать.

— Загадочная цепочка: танкисты, полковник, девушка, Ляхов. Кто-то ведёт нас по неизвестной дорожке.

— Судьба нас ведёт, Николаич. Проникаюсь этой мыслью всё больше и больше. Слышал о «Книге Судеб»?

— Сказки всё это. Но в неё лучше не заглядывать, если попадётся. Зачем нам лейтенанты? Без них справимся, товарищ Штирлиц, — зевая, сказал Сергей Николаевич и клюнул носом.

— Пойдём, я тебя отведу. Но сдаётся мне — проклятый «Холм» и сюда протянул невидимые щупальца.

Сергей Николаевич засыпал на ходу и, спотыкаясь, хватался за резные перила.

— С утра — водные процедуры, брошу в бассейн для оздоровления, — пригрозил Шпарин.

— Воды не забудь... Налить... В бассейн. Кинешь в пустой, кто тогда мухлевать будет, без меня тебе не обойтись.

— Налью, налью, — пообещал Шпарин, поднимая экстрасенса на руки.

«Вот колдун, навязался на мою голову, причём сильно пьющий. Жалкий какой-то, маленький. Так и не удосужился спросить сколько ему лет. Устал, бедный, совсем я тебя замотал».

— Ваша опочивальня, Сергей Николаич. Будешь нежиться, как падишах, а я пойду, подумаю над нашей нелёгкой судьбой.

Шпарин свалил экстрасенса на кровать под голубым балдахином, накрыл голубым атласным одеялом, задернул шелковые завесы и спустился вниз.

На стенах охотничьи трофеи — головы медведя, кабана, лося и волка. Картины в золотых рамах — сцены сражений, портреты, натюрморты, пейзажи, на полках вазы, бюсты людей. Антиквариат. Половина одной из стен зала была совершенно пуста. Матовая, в крупных квадратах.

«Телевизор. От пола до потолка. Неплохо. Хотелось бы узнать губернские новости и, в конце концов, мать вашу, сегодняшнее число, и какой стоит на дворе год...».

Хлопнула входная дверь. Шпарина выхватил из кармана халата пистолет и повернулся. У двери стоял невысокий человек в мокром плаще до пят.

— Двери надо запирать, а то украдут, — сказал человек в плаще и чихнул.

— Напугал, — сказал Шпарин, поднимая стволом верх капюшона. — Появляешься, как приведение.

— Вас напугаешь, — сказал Ляхов, освобождая голову. — Тут такое дело, капитан... Вечно у меня неприятности. Какой-то гад на светлом авто нёсся мне навстречу, прямо в лоб. Слепил. Я не вписался в поворот и слетел перед мостом в речку. Хорошо, мелко. Стою на дороге, дождь хлещет, трясусь, голосую, а тут она едет... Мы с ней последнее время плохо общаемся. А тут такой случай. Спросила: не знаю ли случайно, где вы? Ну я и сказал где. Обрадовалась и очень настойчиво просила предварить, так сказать, её появление. Сказала, что разругались, что вы состоите в больших обидах и можете не пустить. Или вот это.

Ляхов кивнул на пистолет в руке Шпарина.

— Сгущает краски. Не верь женщинам, они всё время врут, природа у них такая, — сказал Шпарин, опуская оружие в карман. — Но в женщин стрелять нельзя, разве в совсем стервозных. Женщины, утверждает наука, неиссякаемый источник человеческих ресурсов, а также основные объекты удовлетворения мужских сексуальных желаний. Это я тебе совершенно точно говорю. Всё вокруг них вертится.

— Ваша правда, капитан. Вокруг них. Заводить? Она там совсем вымокла, плащ то её на мне. Страшно переживается вашу размолвку. Не успели вернуться и сразу рассорились... — сказал Ляхов и тут же был сбит с ног резко открывшейся дверью.

— Чтобы у тебя, Лёша, язык отвалился! — переступая через лейтенанта, буркнула черноволосая синеглазая девушка в мокром платье и с сумочкой наперевес помчалась по лестнице вверх. На первых ступеньках споткнулась и упала.

— Сестрёнка, я возьму машину? — крикнул Ляхов, снимая плащ.

Девушка кивнула, не стесняясь, задрала подол, обнажив белые бедра, и принялась его рассматривать.

— Бери. Утром пригонишь. Платье порвала из-за вас... Хорошо, по шву.

— Приятного вечера.

Лейтенант подмигнул Шпарину и выбежал из дома.

«Катя или Таня? Назовёшь Катей, а она Таня. Назовёшь Таней, а она... Вот неутомимый «двойничок» подставил, не знаю, как зовут «любимую» девушку, к тому же сестру убитого лейтенанта Ляхова».

Шпарин открыл буфет, взял первую попавшуюся бутылку, не глядя на этикетку, отвинтил пробку, налил полный бокал и залпом выпил.

— Мишка, Мишка... — поднимаясь со ступенек, сказала девушка. — Давай уже помиримся, оба не правы. Ну, ладно, ладно, я была не права. Всё, простил?

Синеглазая девушка сбросила туфли, сняла мокрое платье и забрала у Шпарина пустой бокал.

— Возьми меня на ручки и отнеси наверх.

Шпарин нехотя вылез из-под одеяла, поглазел из окна во двор и пошёл умываться. Почистил пальцем зубы, побрился чужой бритвой, опёрся руками о раковину и всмотрелся в зеркало.

«Объективности ради... Брюнет, серые глаза. Симпатяга. Седеем. На висках белые волоски. Недавно их не было. Поседеешь... При моей теперешней захватывающей жизни недалеко и до инфаркта. Волевой подбородок. Высок. Мышцы. Всегда готов поддержать друга. Характер хороший, но стал портиться. Стоит из-за такого парня терять голову? Не знаю... Если сделать поправку на двойника, то может быть...».

— О!.. Капитан! Выглядите отлично! Как отдохнули? — воскликнул Ляхов, вскакивая с кресла, и поднял крышку с глубокого белого блюда.

— Завтрак. Яичница с ветчиной и помидорами. Сергей Николаевич давно хотели приступить, но я не разрешил. Субординацию необходимо соблюдать везде, даже на отдыхе.

— Совершенно верно. Кто готовил?

— Лёша готовил, Лёша у нас на все руки мастер — на гитаре играть, завтраки готовить и официантов душить, — сказал Сергей Николаевич.

— Простите, не удержусь... — промычал Шпарин, откусывая угол горбушки у тёмного кирпичика хлеба. — Пахнет душераздирающе...

Ляхов вытряс из пакетов на диване ворох одежды.

— Привез спортивные костюмы, кроссовки, бельё там, носки. Только зачем, почему не поехать в форме?

— Строжайшая конспирация, лейтенант. Переполох случится невероятный, когда мы оставим «Клуб» без наличности.

— Ясно, капитан!

— Заканчиваем завтрак и приступаем к совещанию, — сказал Шпарин. — Сергей Николаевич, приберите со стола! Помойте посуду. Побыстрее, мы вас ждём.

Маралов нехотя собрал посуду и побрёл на кухню. Зашипела вода.

— Командир... Загонял, дрессирует, рефлексy прививает, — послышался голос экстрасенса прерываемый звоном тарелок. — Осталось провода подсоединить и током жалить, как собаку Павлова.

— Капитан!.. Давайте в открытую, — помолчав, сказал Ляхов. — Предполагаете заполучить крупную сумму. Зарабатываете хорошо. Награды имеете...

Шпарин поиграл желваками, поднял руку и ударил кулаком по столу.

— Рискуешь, понимаешь, жизнью, а получаешь шиш с небольшим кусочком масла. Попросить у Генерал-Губернатора пару миллионов за заслуги перед отечеством? Увольняюсь!.. Обижен!.. Сам видишь, лейтенант, какие дворцы вокруг. Каждому владельцу таких хором лет по пятьсот работать надо без отпусков и кушать перловку в завтрак, обед и ужин.

— Ваша правда, капитан. Справедливый вы человек. Я, можно сказать, горжусь знакомством с вами.

— Мафиозники, — сказал Сергей Николаевич, выходя из кухни. — И я, примкнувший к ним, бедный фокусник. Тебе бы, Миша, в думу или секту какую организовать, ловец душ.

— Степан, — представился здоровяк с добрым лицом. — Березкин.

Шпарин указал на стул.

— Прошу.

— Владимир, — представился худощавый молодой человек. — Рябинин.

— Прошу.

— Значит, решили уйти со службы, капитан, хлопнув, так сказать, на прощанье дверью?

— С деньжатами плоховато. Охранником или вышибалой с души воротит. Стёпа попробовал в ресторане, чуть не посадили. Не сдержался, избил пьяного козла, пристававшего к девушке, а тот оказался сыном Белогорского Губернатора.

— Но то, что вы предлагаете не лучший выбор. Не совсем законно. Но если обещаете, что всё пройдёт без крови и трупов, мы согласны.

— Ты, Стёпа, не прав, — сказал бывший лейтенант Владимир. — Не существует в юриспруденции понятия «не совсем законно». Или законно, или нет. Но это меньшее зло, которое мы можем причинит нашему несправедливому обществу. А если рассматривать заведение, куда мы нанесём визит, как это самое зло, совесть нас вообще мучить не должна.

— Меня будет, — сказал Сергей Николаевич. — А мы преступная группа.

Шпарин поднял руку. Лейтенанты притихли.

— Мы здесь собрались, чтобы решить наши проблемы. Проблема — деньги. Их количество для достойной жизни, которое ваши... наши правители не дают заработать честным трудом.

— Выйти мы оттуда выйдем, непонятно как можно обыграть «Клуб». Они же профессионалы, — сказал Владимир. — У них там примочки всякие. «Вертушки» с секретами. Кости с магнитами. Карты краплёные. На моей памяти никто из «Клуба» с деньгами не выходил. Клиентов выкидывают, выводят, некоторых выносят и увозят на «скорой».

— Я похож на человека, который затевает заведомо провальное мероприятие? — спросил Шпарин, прохаживаясь вдоль стола.

Бывшие лейтенанты дружно замотали головами.

— Видите этого импозантного человека? — показал Шпарин на экстрасенса. — Он обладает способностями, которые заставят клубных воротил поделиться отобранными у народа деньгами. Покажите, Сергей Николаевич, разомнитесь.

— Вольдемар, — сказал Маралов. — Вы тренируете кисти. Постоянно жмёте резиновый кружок в ладонях. Положите его на середину стола.

Резиновый кружок дрогнул и медленно переехал к экстрасенсу.

— У вас, Степан, в левом верхнем кармане двадцатка баксов, сложенная пополам, — продолжил Сергей Николаевич. — А у тебя, Алексей, в правом упаковочка фиолетовых презервативчиков.

— А если банк? В «Клубе» может не получиться, — задумался Степан, — банк вернее. Ворвёмся, хапнем денег и...

— Не, Степа, трудно с тобой, — сказал Владимир. — Возьмём банк — за нами будет гоняться вся полиция города и не только полиция. Большие люди в погонах. В банках у них интересы побольше, много больше.

Шпарин оглядел «преступную группу» и развернул план города.

— За дело! Внимание, парни! Операция под кодовым названием «Большая Игра».

Подготовить машины, форму, средства связи. Изучить маршруты отхода. Представляю кодовые имена в эфире: Алексей — «Сокол-2»; Степан — «Сокол-3»; Володя — «Сокол-4». Я — «Сокол-1». Степан, Володя, можете ехать. А мы с Алексеем обсудим детали. Прощаемся до следующей субботы. В выходные наплыв посетителей, желающих разбогатеть, соответственно и выручка заведения несравненно больше, чем в будний день. Нас это очень устроит.

— Они каждый день деньги чемоданами увозят, — поделился наблюдениями Ляхов. — Богатеет развелось, со всех Губерний едут.

Шпарин проводил гостей и, выглянув из двери во двор, подслушал разговор уходящих лейтенантов.

— Знаешь, кто он?

— Ну кто? Капитан.

— Капитан из ДТО. Работал под прикрытием у конфедератов.

— Если уж его жизнь заставила взяться за такое дело, что о нас говорить. Допекли видно.

— Лёха говорит — будущий родственник. С сестрой амуры. И порядочный, статьи в газетах писал, поносил власти.

— Припоминаю. Когда-то мелькал в телевизоре.

— Позвони Василию...

— Да, а ты съезди...

Лейтенанты скрылись за стеной шиповника. Лязгнула калитка. Шпарин закрыл дверь и вернулся в зал.

— Что обсуждать будем? — спросил Ляхов. — Может по чуть-чуть, раз мероприятие переносится на субботу?

— Да, — сказал Сергей Николаевич. — Раз переносится. По чуть-чуть и обсудим.

— Нет, — отрезал Шпарин. — Едем одеваться и приобретать инвентарь для набега на ожиревшую деньгобазу. Лёша, лопата в хозяйстве есть?

— Садовый инструмент в гараже.

— Зачем лопата? — спросил Сергей Николаевич.

— Деньги закопать. Закопать лучше всего, пока не утихнет шум. И не здесь. Есть одно местечко в одной сказочной стране на поле чудес. Не в банк же их везти. Закопаем, Лёша, у тебя дома, в доме твоего отца.

— А?.. — сказал Лёша.

— Деньгам необходимо вылежаться, поделим, когда шумиха утихнет. Теперь пройдемся по списку, который прячется у меня в уме.

Шпарину надоело бродить вокруг стола, и он уселся напротив Ляхова.

— Стартовый капитал?

— В кейсе у камина. Позаимствовал у папаши из сейфа. Пришлось вернуться домой. Хотел прикинуться послушным сыном, но оказалось не надо. Отец не в себе. Приболел. Сам ключи отдал: «Сынок, делай, что хочешь. У нас у всех всё будет хорошо, просто прекрасно». Прикольный стал папа.

— Парики?

— Заедем в драмтеатр, у меня там девушка работает гримером. Подберём, что требуется.

— Средства связи?

— Ребята купят. Всё продаётся.

— Документы. Гражданские, чистые.

— Будут стоить денег, — сказал Ляхов. — Какие желаете вписать данные, я имею в виду новые имена и фамилии?

— Напомни, лейтенант, как зовут Белогорского Губернатора?

— Василий Лисярский, кажется. Отчества не знаю.

— Имя нашему волшебнику теперь будет Лисярский Серж Николаевич. Сделаешь два паспорта, на Лисярского С.Н. и Погонялова Михаила Ивановича, — сказал Шпарин. — Собираемся! И едем в самый шикарный магазин, где есть всё. Есть такой?

— Есть такой, где есть всё. Салон «Шикарные вещи для состоятельных дам и господ».

Туда ходят очень богатые люди.

— Извините, капитан! — прокричал Ляхов, выскакивая из дома. — Припрятал кейс, пока будем отсутствовать.

— Напомни мне, лейтенант, купить сумки не впитывающие влагу, — попросил Шпарин, забираясь на заднее сиденье.

— Лучше мешки, больше влезет, — ехидно сказал Сергей Николаевич, влезая в машину следом.

— На чём уехала сестра? — спросил Шпарин. — Это ведь её машина?

— Сестра уехала на другой. Кого-то вызвала. А эту Ника мне оставила, пользуйся. говорит, пока я добрая.

— Ника? Я что-то недопонимаю, лейтенант?

— Ох, капитан! Вероника, сестра моя! Вы же ночь с ней провели.

«Ну всё... мозги сейчас лопнут».

— Да, капитан!.. Сочувствую, замотались. Заботы одолели. Ну ничего, скоро поженитесь, детишек заведёте.

— Что!?! — сказал Шпарин, бледнея. — Ну да, детишек... Останови у реки.

— Искупаться решили? Правильно, надо освежиться, голова сразу перестанет болеть.

Ляхов заехал на стоянку и остановил машину у чёрного джипа. Пляж был оборудован палатками, торгующими прохладительными напитками, лежаками, пляжными зонтиками и кабинками для переодевания. В реке на мелководье, визжа, плескалась детвора. Ляхов показал на автомобиль в воде.

— Вон моя машина. На крыше сидит пацан. Быстро убрался! — крикнул Ляхов. — Я тебе уши пообрываю, только поцарапай!

— Как бы тебе уши не оторвали! — крикнул в ответ мальчишка. — У меня есть кому за меня заступиться. Понял, урод белобрысый?!

— Ладно, загорай. Поосторожней... — разрешил Ляхов. — Хрен его знает чьи это детки. Вокруг живут одни шишки. Не будем нарываться на скандал перед операцией. Капитан, я же не урод?

— Не урод. Даже напротив, симпатичный, только маленького роста и блондин. А так очень похож на сестру. Очень.

— Ага! Я и сам знаю, что похож. На всякий случай спросил.

Ляхов довольно заулыбался. Шпарин взметнул ногой песок, посмотрел в голубое небо, по сторонам.

— Лейтенант, а твоя сестра когда-нибудь называла себя другим именем? Не было у неё такой невероятно идиотской привычки?

— Никогда! — ответил Ляхов, глядя на Шпарина изумлёнными синими глазами. — Разве уменьшительными. Ника, ну ещё Ика. Мы её так называем. Все так делают. Хотите сказать: моя сестра дура?

— Оговорился... Уменьшительными, ласковыми, нежными именами. Именно это я и хотел выяснить. Скрывает от меня свои маленькие тайны.

— А-а... — озадаченно сказал Ляхов. — А я уже невесть чего подумал.

— Пора нырять в речку. Для оздоровления. Давление, мечтаешь много и психуешь, — авторитетно заявил Сергей Николаевич. — Не блевани, случается при высоком давлении. Зря отказался коньячку принять.

— Почему бы не искупаться, Миша? — раздался чарующий женский голос. — Вода такая приятная. Тёплая и нежная, как твои руки.

Троица повернулась на голос. Из воды, провожаемая восхищенными мужскими взглядами, выходила длинноногая черноволосая красавица в жёлтом бикини.

— Здравствуйте, — сказал Шпарин. — Купаемся? Какой у тебя усталый вид! Круги под глазами. Не спалось ночью?

— Сестрёнка? — удивился Ляхов. — Ты не уехала?

— Не уехала, за мостом авария, полиция перекрыла движение. Решила переждать и искупаться. Миша! Вытри мне спинку, промокни ножки и повыше промокни. Поухаживай.

Синеглазая девушка подняла с лежака махровое полотенце и протянула Шпарину.

— Где твоя машина? — спросил Шпарин, вытирая девушке спину.

— Ай!.. Понежнее. Кожу сдерёшь.

Девушка уложила полотенце в сумку и показала на чёрный джип.

— Вон машина. Милый, я поехала. До вечера!

Девушка прижалась к Шпарину, обняла за шею, поцеловала в губы и, подхватив с лежака сумку, побежала к машине. Хромированный гигант рванул с места, выбрался на шоссе и полетел в сторону города. Сергей Николаевич зажмурил глаза.

— Даже не переделась. Умчалась в купальнике. Купальничек что есть, что его нет. Всё видно.

— Она такая, — с гордостью сказал Ляхов. — Непредсказуемая. Красивая и загадочная.

— И неизвестно ещё какая, — с надрывом в голосе добавил Шпарин. — Поедемте и мы.

— Ох, капитан! Тяжеловато с ней будет, но она того стоит.

— Уже!.. — сказал Шпарин. — Уже тяжеловато.

— Ндын-дын-дын... — напевал Ляхов, накручивая рулём. — Дын-ндын-ндын... Дын-дын-дын... Люблю скорость.

— Поэтому и машину утопил.

Ляхов нажал педаль до пола.

— Нам её не догнать, носится, как сумасшедшая. Но попробуем.

— Не гони, — сказал Шпарин. — Где авария? Мост давно проехали. Никаких следов.

— Полиция! — сказал Сергей Николаевич, сползая на пол.

Полицейские редкой цепью стояли вдоль дороги, на съездах.

— Что случилось, сержант? — притормаживая у полицейского, молодого блондина, спросил блондин Ляхов.

— Катастрофа, — буркнул полицейский блондин и, оттопырив большой палец, кулаком показал на поле за кустами, по которому среди дымящихся обломков самолёта передвигались люди в масках и белых защитных костюмах.

— Есть живые? — спросил Ляхов.

— Нет, — нехотя ответил полицейский. — Проезжайте.

— Ты должен выглядеть капризным господином, пресыщенным жизнью, — перебирая костюмы на вешалках, сказал Шпарин. — Любитель молоденьких девчонок. Клифт розового цвета подойдёт. Примерь...

— Откуда ты этих бластных слов нахватался?

— Книжки читаю, Николаич. Отлично! Развратник. Сделай игривое лицо. С трудом, но верю. Теперь коричневый. Примеряй. Неплохо. Скабрезно улыбнись. Уже лучше. Снимай. Теперь — голубой с красной искрой. Голубые брючки с жёлтыми лампасами. Наряжайся.

— Этот не хочу!

— Надевай, Николаич! Радикальная смена имиджа. Красавец!.. Лёша наденет чёрный костюм. Ну и светло-синий возьмем. Кремовый. Я, пожалуй, возьму этот, этот и вот этот... Идём в другой отдел и меряем боты, тьфу ты, туфли...

— Михаил Иванович? Мишенька!?! — позвала седая дама в платье до пола. — Сколько лет! Так и вижу вас в военной форме выпускника Академии. Мы как раз вас вспоминали, давеча, намедни пятого дня. Леночка даже всплакнула. Какая бы была пара? Кстати, Лена здесь, выбирает шляпку. Вот же она. Что с вами, Мишенька, не узнали?

— Контузия... После ранения упало зрение... — сказал Шпарин, морща нос и щурясь на девушек, меряющих шляпки.

«Их тут пять... Какая?».

— Леночка, смотри, кого я встретила!

Высокая блондинка в зелёном платье обернулась и всплеснула руками.

— Мишка! Куда ты пропал!?! — воскликнула девушка, подбегая к Шпарину. — Что молчишь?.. Не рад?

— Ещё как рад! — с чувством сказал Шпарин. — Я и не надеялся тебя снова увидеть.

— Я развелась, детей нет. Одна... На старом месте. В своём доме. Мне нужно тебе столько сказать... Приезжай сегодня вечером. Я жду!

Девушка поднялась на мысках туфелек, прижалась губами к щеке Шпарина и подхватила седую даму под руку.

— Идём, мама. Миша, до вечера!

— Обязательно приезжайте, Мишенька, мы вас ждём, — сказала седая дама и улыбнулась.

— Кто это? — провожая женщин взглядом, спросил Ляхов.

— Одна... Старая подруга.

— Ох, капитан, не видит вас сестрёнка. Поедете?

— Как я могу, Лёша? Всё в прошлом. У меня есть Ника.

— Миша! — прошептал Сергей Николаевич на ухо бледному Шпарину. — Я тебе уже не завидую. Весь красно-белый, в пятнах. Поехали домой, тьфу, к лейтенанту. Ну их, эти дела.

— Да, капитан, поехали, — сказал Ляхов. — Неважнецки выглядите, весь день с вами что-то творится.

— Красивые места. Лес, речка. Природа. Сонная Горка...

— Местные из соседней деревни называют Нищяя Горка или Горка Нищих, — сказал Ляхов, загоня машину во двор. — Здесь живут большие люди. Чиновники, судьи, прокуроры,

генералы.

Шпарин вылез из машины и открыл багажник.

— Разгружаемся, гангстеры.

В пакетах и коробках, привезённых из города, находились парики, костюмы, рубашки, галстуки, обувь, пара очков со стеклами без диоптрий и две трости — с золотым шаром и чёрным черепом на месте рукоятей.

— Я поехал, капитан, — сказал Ляхов, укладывая узкие коробки с тростями на стол. — Обедайте, отдыхайте. Вы уж больше не ругайтесь с сестрёнкой. Она добрая, только дёрганая в последнее время, нервная.

— Лёша, а что за сражения изображены на тех двух полотнах? — спросил Шпарин.

— Здесь штурм Семихолмска. Первая Гражданская. В той битве мой прадед по материнской линии командовал артиллерийским полком, — показал Ляхов, подходя к картинам. — А здесь Вторая Гражданская. Штурм Губернаторска конфедератами. Мой дед по отцовской линии оборонял крепость в звании полковника. Вот его портрет, — сказал Ляхов, сдвигаясь к картине с черноволосым красавцем в старинной военной форме. — Я поехал. До завтра, капитан.

Дверь за Ляховым закрылась.

— Подобный Мир. Со своими революциями и войнами, — сказал Сергей Николаевич. — Стыдно, господин капитан. Не знаете историю страны.

Шпарин разделся, взял пульт от телевизора и улёгся на диван.

— Что бы ты делал дома? А сейчас живешь жизнью, насыщенной интересными событиями, — ехидно сказал Сергей Николаевич. — Капитана «дали». Гарем завёл. Делаешь, что хочешь. Совесть у тебя чиста. Никаких моральных проблем. Огр... операцию задумал. Потом, чувствую, на большее тебя потянет.

— Даже злиться на тебя нет сил, — сказал Шпарин и направил пульт на телевизионную стену.

Стена ожила и превратилась в огромный экран.

— ... это были «Международные Новости», — сказал диктор, опрятный мужчина в очках. — У нас в студии эксперт Министерства Обороны господин Тростников. Что вы можете рассказать зрителям о ночном инциденте в воздушном пространстве над столицей?

— Пока немного. Расследование продолжается, — сообщил пухлый мужчина в военной форме без погон и знаков различия. — По предварительным данным в пригороде Губернаторска недалеко от поселка под названием «Сонная Горка» вчера около двадцати двух часов потерпел катастрофу неизвестный транспортный самолёт с ядерным ректором на борту. На месте крушения работают наши специалисты. Рассматриваются несколько версий происшествия. По одной из них, авария произошла из-за отказа навигационного оборудования и самолёт оказался над столицей на очень низкой высоте. Очевидцы утверждают: перед падением в транспорт попала молния, в это время шёл дождь. Но кое-кто из свидетелей видел, как самолёт столкнулся с неопознанным летающим объектом.

— То есть с НЛО? — улыбаясь, спросил опрятный диктор в очках.

— Этого просто не может быть.

— Как Силы ПВО допустили полёт неизвестного самолёта над нашей территорией позволив ему добраться до столицы?

— По выводам специалистов, изучающих обломки, летательный аппарат представлял прорыв в авиастроении. Новые технологии позволили добиться исключительной

малозаметности. Наши радары не увидели его. Командованием Сил ПВО делаются необходимые выводы и виновные будут строго наказаны.

— Спасибо, эксперт, — сказал опрятный диктор в очках. — А сейчас реклама, наша любимая реклама, короткий двадцатиминутный блок, и мы перейдём к «Городским Новостям». О них вам расскажет наша несравненная Марина Сенокос.

— Хватит на сегодня, — сказал Шпарин и выключил телевизор. — У них ещё достаточно сюрпризов. Заработаем деньжат, поедешь с Алексеем в бордель, оттянешься на полную катушку. Тебе там помогут.

— Я и сам могу, — обиделся Сергей Николаевич.

— Тем более. Топайте на кухню, господин Бутылкин, будете сегодня за повара. Начальство себе кушать не готовит, если только припрёт.

Сергей Николаевич побрёл на кухню.

— Или слуг нет. Дай ключ от буфета.

— Горячительные напитки выдаются в зависимости от вкусовых качеств приготовленных блюд.

— Блюд?

— Первое и второе. Можно из консервов, так быстрее. Ну и нарежь что-нибудь на закуску, так и быть.

— Миша? — сказал Сергей Николаевич, прислушиваясь. — Машина! Кто-то приехал.

— Что-то забыл, Алексей? — спросил Шпарин у вбежавшего в дом Ляхова.

— Как, вы ещё не готовы? Ну даёте!.. Ребята на исходной, оружие в машине. Ох, забыл ваши новые документы! Сейчас принесу.

— А куда мы должны быть готовы? — озадаченно спросил Сергей Николаевич, проводив взглядом Ляхова.

— Кажется, мы едем грабить казино.

— Тогда я тебе вопрос задам... — сказал Сергей Николаевич, сводя глаза к переносице. — Объясни, когда они успели подготовили машины, оружие, форму, и самое главное — сделали документы?

— Опять временная нестыковочка и мы по замысловатой траектории, повиливая корпусом, бросаемся навстречу судьбе. Экспромт.

— У нас теперь вся жизнь экспромт. Может оно и лучше — повиливая, но боюсь, никакая траектория не поможет. Не сносить тебе головы и мне вместе с тобой. В омут головой. Как бы не засосало.

— Не засосёт, если повезёт. А новичкам по-старому поверю везёт всегда или почти всегда.

— Всё дело, Миша, в этом «почти», — обречённо сказал Сергей Николаевич.

Глава 5. Казино

Глава 5. Казино.

К полуночи три из четырех самых крупных игорных заведений Губернаторска остались без наличности. Компания соискателей денежных средств в особо крупных размерах проникала в игровой зал, Сергей Николаевич играл и выигрывал, администрация заведения приходила в бешенство, игроки изумлялись необычайному везению. На соседней улице в угнанном автомобиле дежурили бывшие лейтенанты в полицейской форме. В самый ответственный момент при получении денег лжеполицейские останавливали машину у входа и заходили в казино. При виде полиции у персонала заведения вопросы к удачливым игрокам исчезали. Лжеполицейские дожидались отъезда соратников и растворялись в ночи. Соратники меняли машины, перегружали деньги, переодевались и ехали к следующему заведению.

— Только ты мог придумать такой простой до идиотизма план. И он сработал, — сказал Сергей Николаевич.

— Детективы и кино, кино и детективы. Информация и её компиляция. Быстрота и натиск, как говаривал в своё время один генералиссимус. Три заведения — три часа работы. Ну и ваш дар, Сергей Николаевич. Едем в «Клуб Любителей Денег». Они и опомнится не успеют. Последняя точка на сегодня. Судя по наглому названию, там ещё больше денег и «любителей» ими сорить.

— Может хватит? — спросил Сергей Николаевич и похлопал по сумкам с деньгами. — В «Колесе» — пятьдесят семь, «Фортуна» — шестьдесят шесть, «Сказка» — пятьдесят три. Итого: сто семьдесят шесть тысяч. Не спугнуть бы госпожу удачу. Дурные предчувствия мучают, раздирают на части остатки совести. Душа потихоньку пробирается в пятки.

— Не спугнём. А душе скажи, чтобы притормозила, в пятках ей не место. И ты, Лёша тормозни в переулке, переоденемся и парики поменяем.

Ляхов свернул на плохо освещённую улочку и остановился у мусорных баков. Игроки вылезли из машины.

— Поживей, парни! — поторопил Шпарин. — Поживей.

— Мозги бы тебе, Миша, поменять, — снимая костюм, сказал Сергей Николаевич. — Да, кажется, поздно. Наше счастье — казино здесь попроще, не такие как ещё недавно в одной большой столице, одного большого государства, не говоря уже о Вегасе или Монте-Карло. Там такие номера не проходят, разве только в кино.

— Где-где, не проходят? — заинтересовался Ляхов.

— Далеко отсюда, — прыгая на картонке на одной ноге и стараясь другой попасть в брючину, буркнул Сергей Николаевич. — Так далеко, что не хочется уточнять.

Перед «Клубом Любителей Денег» вереница автомобилей. В «Трёх осинах» играет музыка. На тротуарах толпится народ, бродят пьяные. Весело. Праздник. На улице дымно.

— Будто паровоз проехал, — сказал Шпарин, нюхая воздух. — Надо запретить курение в общественных местах. И сиренью пахнет... Откуда сирень? Август.

Сергей Николаевич разглядывал женщин.

— Развратом пахнет. На улице два борделя.

Шпарин разглядывал машины.

— Плохо. Нашей полиции не подъехать. Что у тебя, Лёша, в карманах?

— Гранаты. Подозрительно гладко протекает операция.

— Сколько?

— Две.

— Мало, — сказал Шпарин. — Надо было взять больше.

Сергей Николаевич вздрогнул и уронил трость с «черепом».

— В машине ещё есть, сбегать? Я быстро.

— Не надо, Лёша, я пошутил. Этих хватит.

Шпарин потрогал пистолет под пиджаком.

— Вперёд! Пойдём сразу втроем. А ты, Сергей Николаевич, брось «палку» примелькалась.

У входа в «Клуб» мордovorоты в чёрных костюмах, белых рубашках, при чёрных галстуках и чёрных очках. Их бицепсы готовы порвать рукава пиджаков. Охранники потели и скучали.

— Который час? — спросил Шпарин. — Люди в чёрном... Хотелось бы попасть внутрь.

— Полночь, — ответил один из охранников. — У нас, парень, забито. Полно народа.

— Я — Герман! — сказал Шпарин. — Обязаны пустить, раз полночь.

— И я Герман, — усмехнулся охранник. — Ну и что с того, если полночь?

— Тёзка, ты оказывается не в теме. Но я подскажу: в полночь начинаются чудеса.

Шпарин лёгким движением двух пальцев снял волос с голубого плеча Сергея Николаевича, поднёс ко рту и дунул.

— Это Серж Лисярский, брат Губернатора Белогорского Василия Лисярского. Непосредственный источник чудес, а я его секретарь и неистовый проводник чудес и неприятностей в жизнь.

Охранник осмотрел голубой пиджак, голубые брючки с жёлтыми лампасами, голубой галстук и голубой платок в кармане пиджака Сергея Николаевича.

— Вроде похож... Я Лисярского в прошлом месяце видел, приезжал к нам играть, но представителей нетрадиционной ориентации не пускаем. Принципиально. На них у хозяина аллергия.

— Герр-рман!?! — проскрежетал Сергей Николаевич. — Во что ты меня одел?

— Вы как брата Губернатора назвали? — спросил Шпарин.

Стражник гадко ухмыльнулся.

— Представителем!

— Грубо, очень грубо. Всё, ты допрыгался, — сказал Шпарин.

— Пропусти, Герр-рман!

Сергей Николаевич сделался пунцовым и поднялся на первую ступеньку.

— Очкиними.

— Зачем? — поинтересовался охранник. — Бить будешь?

— Ночь на дворе, а ты глаза напрягаешь, — сказал «брат Губернатора», поднимаясь на вторую ступеньку. — Сейчас будем считать фонари.

— У тебя? — заржал охранник, снимая очки.

— В го-ро-де... — по слогам произнёс Сергей Николаевич. — Посмотри внимательно на этот длинный ряд чудесных ночных фонарей. Прекрасный свет фонарей завораживает, притягивает взгляд, ты восхищаешься успокаивающим светом, тебе хочется неотрывно любоваться фонарями и считать. Прекрасные ночные фонари, не правда ли? Чудесные фонари. Их так много, они прекрасные и чудесные.

— Да, — подтвердил охранник. — Прекрасные... Чудесные...

— Ты спускаешься вниз и начинаешь считать. Считаешь на этой улице, когда они закончатся, перейдёшь на следующую. Тебе хочется пересчитать все фонари в городе. Идти по улице, считать фонари, любоваться прекрасным мягким светом, забыв обо всём. Ты спускаешься вниз и начинаешь считать. Что ты делаешь?

— Начинаю считать, — сказал охранник, спускаясь со ступенек и бросая очки. — Начинаю... считать. Один, два, три, четыре...

— Герман, а ты куда? — испуганно спросил коллегу второй охранник.

— Отстань, мне некогда, — ответил Герман и, подняв палец вверх, продолжил:

— Пять, шесть...

— Феноменально! — сказал Ляхов. Лейтенант с самого начала представления уселся верхом на мраморного льва и ковырял в львиной голове складным ножом с толстым лезвием. — К концу года пересчитает.

— Не трогай зверей, — сказал второй охранник.

— Они твои? — спросил Ляхов.

— Не, — ответил стражник. — Когда мы сюда въехали, они тут уже бродили, то есть стояли.

— Значит, ничьи. Бесхозные. Если были бы чьи, старые хозяева их тут бы не бросили.

Ляхов выдрал зелёные кристаллы из глазниц мраморного льва и пересел на второго.

— С этим что?

— Этот будет считать звёзды, их гораздо больше, — кривя губы в зловещей ухмылке, сказал Сергей Николаевич. — Пересчёт звёзд видимой части небосвода по ночам займёт много времени, целой жизни не хватит. Пустишь или начнём считать?

Охранник часто заморгал.

— Пущу, как не пустить. А оружие есть? С оружием нельзя.

Шпарин расстегнул пиджак и показал пистолет.

— Есть, как не быть? Я бы на твоём месте упился в усмерть в ресторане напротив. Тебя уволят, зато не сойдёшь с ума, как твой друг.

— Я так и сделаю, — пообещал охранник, — но только дома.

— Ты нас не запомнил, конечно? — спросил Шпарин.

— Конечно! — ответил охранник, бросаясь со ступенек. — Я же упился.

— Сергей Николаевич, а почему их всех не усыпить, там, в «Клубе»? — поинтересовался Ляхов, вытаскивая зелёные кристаллы из головы второго льва.

— Я не Мессинг! — раздражённо ответил экстрасенс. — С массажи работать.

— Ему так интереснее, — улыбнулся Шпарин. — Индивидуальный подход. Старается особо не навредить. Доминирует над серыми личностями и серыми буднями, наказывает плохих ребят и оказывает посильную помощь в достижении поставленной цели.

— Нет, не изумруды! — разочарованно сказал Ляхов, собираясь бросить камни в кусты сирени у входа в «Клуб». — Любите вы пошутить, капитан.

Шпарин подставил ладонь.

— Дай сюда. Изумруды. Два мне, как начальству, один нашему волшебнику, один тебе. Подаришь своей девчонке.

— Мне не надо! — заявил Сергей Николаевич.

— Как хочешь, тогда я возьму три.

— Я тебе этот костюм припомню и посильную помощь, специально нарядил, чтобы

меня обозвали, и я из себя вышел. Всё рассчитал. Аккуратненько так подгадал.

— Только исключительно ради дела, кто знал, как оно повернётся, — невинно сказал Шпарин, останавливаясь у дверей облепленных купюрами разного достоинства. — Входим, рассредотачиваемся, начинаем играть и проигрывать, для отвода глаз. И ты, Сергей Николаевич. Изображаем обычных посетителей. Потом наш волшебник производит резкий спурт, и мы перепрыгиваем в новую, полную новых чудес великолепную жизнь.

— Не говори хип-хоп, пока не перепрыгнул, — процедил Сергей Николаевич.

По ступенькам поднималась молодая женщина в компании четырёх мужчин с горящими глазами.

— Очень кстати, — сказал Шпарин. — Просочимся вместе с ними.

Девушка в жёлтом декольтированном платье окинула его удивлённым взглядом и ускорила шаги.

— Ваша ослепительная красота испортит мне зрение. Прощу. Только после вас, прекрасная незнакомка, — сказал Шпарин, поклонился и распахнул двери казино.

Девушка прищурила глаза и покачала головой. Прямые соломенные волосы метнулись по плечам.

— Прекрасная незнакомка?

— Осмелюсь подтвердить высочайшую степень восхищения.

— Если подтверждаете, то и проводите незнакомку, — усмехнулась девушка и протянула руку. — Симпатичный незнакомец... Глазам не верю!..

— Кавалеры не будут против? — спросил Шпарин, подхватывая девушку.

— Я не с ними.

— Роскошная баба, породистая. Натуральная блондинка с шоколадными глазами, — завистливо прошептал Сергей Николаевич, облизывая взглядом точеную фигуру женщины. — Снимает, ничем не шевельнув.

Игровой зал полон людей. Нарядные дамы. Приличные мужчины. Столы, где играют в карты, стол с рулеткой. Шпарин оставил блондинку у барной стойки и тут же забыл о ней. Сергей Николаевич уселся за стол с колесом рулетки, Ляхов, побродив по залу, выбрал покер.

Шпарин направился к длинному столу с маленькими лошадками. У понурых животных на впалых боках белели цифры. За пультом, возвышающимся над столом, сидел человек в чёрном смокинге, с красной бабочкой на белоснежной рубашке, с тонким хлыстиком в руке и табличкой на груди: «Семён. Распорядитель скачек».

— В чём смысл? — спросил Шпарин соседа, длинноволосого мужчины в коричневом костюме. — Я тут впервые.

— Ничего сложного, ипподром, — ответил тот. — Ставите деньги и проигрываете.

— Посмотрим, — сказал Шпарин, меняя у распорядителя скачек деньги на фишки. — Вон на ту гнедую, номер тринадцать, сотня. Поскакали, «пони»!

— Любимое число? — насмешливо спросил мужчина в коричневом костюме. — Номер четырнадцать, сотня.

— Ставки сделаны, ставок больше нет, — сказал распорядитель скачек и нажал зелёную кнопку на пульте. Раздался мелодичный звук гонга.

— Вы на ту нажали, на которую нужно? — подозрительно уточнил Шпарин. — А то знаю я вас, манипуляторов.

Лошадки резво взяли с места и понеслись по пористой поверхности зелёного стола,

разлинованного белыми линиями. Послышался лёгкий цокот копыт. До поворота лошадки шли ровно. Потом у животных начались неприятности. Перед лошадками из тонких щелей стали выскакивать и убираться барьерчики, несколько лошадок немедленно свалились. Гнедая Шпарина добрался до половины четвёртого круга. Серая лошадка под номером четырнадцать улеглась на пятом.

— Выиграл номер двенадцать! — объявил распорядитель.

Лошадки собрались в центре стола, мотали головками, махали хвостиками и пытались пощипать несуществующей травки.

— Номер тринадцать — две сотни, — сказал Шпарин.

— Номер четырнадцать, сотня, — сказал сосед Шпарина.

— Триста... сто... пятьсот... — сделали ставки участники игры.

«Руководитель забега» махнул хлыстиком, произнёс заклинание: «Делайте ставки, господа! Ставки сделаны. Ставок больше нет!», нажал кнопку и лошадки помчались.

— Давай, «Боливар» или «Боливариха»! — подбодрил Шпарин гнедую. — Заработай нам денежек.

Барьерчик на финишной прямой снёс надежду. Гнедая лошадка долго не могла подняться.

— Расшиблась. Жалко. Маленькое чудо. Пристрелить её, чтобы не мучилась? — мрачно пошутил Шпарин. — Худые какие... Эксплуататоры, не кормите животных!

— Выиграл номер восемь! — объявил распорядитель, хлыстиком подталкивая животных на стартовые позиции. — Меньше жрут, меньше гадят. Господа, делайте ставки!

Гнедая подскочила и бодренько стала на тринадцатую дорожку.

— Призовой забег! В каждом пятом забеге выигрыш увеличивается один к пяти! — выкрикнул распорядитель. — Делайте ставки, господа!

— Десять тысяч на тринадцатый! — крикнул Шпарин, вытаскивая пачку купюр. — Если прибежишь первой, я подарю тебе целый мешок отборного овса

Лошадка махнула гривой и поднялась на задних ногах.

— Ого!.. — воскликнул Шпарин. — Умница! Или умник. Понимает.

На пятом круге гнедая вырвалась вперед. За ней, отстав, вяло трусили две усталые лошадки. К финишу маленькое животное пришло пешком.

— Ура! — сказал Шпарин. — Тащите деньги,

— Не считается, — упёрся распорядитель. — Забег не действителен. Она не прибежала, а приплелась.

— Не злите меня! Я ещё не ужинал, как и мой бедный скакун.

— Это не ваш скакун. Лошадка принадлежит «Клубу»

К столу приблизился плотный мужчина с красным георгином на лацкане белого костюма.

— Я старший администратор казино. В чём дело, Семён? В чём дело, господин хороший?

— Хочу получить свои деньги.

— Забег не действителен, — настаивал распорядитель.

— Разберёмся, — сказал администратор с георгином. — Господа! Скачки на этом столе закончены.

Администратор увлек «распорядителя скачек» к лестнице ведущей на второй этаж «Клуба». В помещении сидели несколько человек и всматривались в мониторы.

Администратор толкнул распорядителя скачек на середину комнаты.

— Привел, хозяин!

— Сёма! — повернулся к распорядителю толстый мужчина с двумя подбородками. — Только что перегнали запись из «Фортуны». Сёма, посмотри внимательно. Это они?..

— Они, — ответил Сёма, переводя взгляд с монитора на монитор.

— Наглецы! Обули подряд три заведения. Одни и те же рожи в каждом клубе. Хорошо подготовились, я даже их зауважал... немного, но явные дилетанты. Отдайте деньги, закройте двери, никого не выпускать. Выясним сколько их, потом займёмся вплотную. Где охрана у входа?

— Разбежалась охрана, — виновато потупился начальник охраны. — Вот запись, посмотрите.

— Идиоты-ы... — затряс подбородками хозяин «Клуба». — Один побежал считать фонари, второй сорвался с места, будто ему в зад паяльник вставили. Интересные ребята! Зверей изуродовали! Кто мог подумать, что у них в башках не стекляшки, а изумруды. Бабу и четверку мужиков, вошедших с ними, под наблюдение. Глаз не спускать! Давай сначала. Посмотрим кто у них главный и как они это проделывают.

— А вы почему не ставите? — поинтересовался Шпарин у мужчины в коричневом костюме, поставил лошадку на ладонь и осторожно, лёгким касанием пальца, погладил её по холке.

— Я иссяк.

— Лицо... мне ваше... знакомо... — произнёс Шпарин с расстановкой, всматриваясь в соседа, и воскликнул: — Лейтенант Дрёмов!.. Отрастили волосы! Что вы тут делаете?

— Проигрываю деньги.

Их прервали. Шпарин вернул лошадку на стол.

— Получите выигрыш. Недоразумение. Сотрудника накажем, — сказал администратор с георгином, протягивая Шпарину пакет из цветного картона с надписью «Клуб ЛД».

— «Клуб Любителей Допинга»! А где «бонус» за испорченное настроение? Мне полагается дополнительная премия в виде порции кокаина, вы наверняка им торгуете втихую. Половина ваших клиентов под кайфом, я заметил.

— Шутник. Пройдите к бару. Бесплатная выпивка. Игра на этом столе закончена. Прошу вас.

— Лошадка! — сказал Шпарин.

— Лошадка?

— Хочу купить!

— Которая?

— Эта, — показал Шпарин.

— Мы вам её дарим.

— Плохо с животными обращаетесь, они у вас худые.

— Заберите всех со стола. В конюшне хватит на кавалерийский полк.

— В следующий визит обязательно.

Администратор надменно усмехнулся.

— Если он состоится. Принесите нашему гостю фирменную коробку из-под фишек и упакуйте подарок.

— И отверстий понаделайте, чтобы лошадка не задохнулась, — попросил Шпарин и,

получив коробку, пригласил Дрёмова в бар.

— Нет. Прощайте! И будьте настороже, капитан. Вокруг вас и вашего друга сгущаются тучи. Вы ведь появились здесь не ради маленькой лошади?

— Как вы догадались о моём друге? Одет как все, пёстро и крикливо.

— У вас нездешние лица. Вы свалились с неба и знаете то, чего не знает никто и никогда не увидит.

— Как и вы, Дрёмов. Как и вы. Где вас найти? Я должен вам одну жизнь.

— Не знаю, как и вы, капитан, не знаю, — пилот пожал плечами и направился к выходу.

Шпарин уселся у стойки бара, достал из пакета коробку с лошадкой, поставил маленькое животное на стойку и обратился к бармену:

— Налей нам вина в блюдечко. Самого лучшего, но не очень крепкого. Пусть моя подруга или друг выпьет и поспит. Сдаётся мне, вечер будет напряжённым. Лошадке лучше быть в неведении.

— Блюдцев не держим. А вы поднимите хвостик, — двигая тарелку с вином к лошадке, посоветовал бармен, — и станет ясно.

Шпарин выяснил половую принадлежность лошадки и облокотился на стойку.

— Жеребчик. Пей, Игого, не утони, тарелка глубокая. Овёс есть?

— Овса нет, — ответил бармен. — Есть овсяное печенье.

— Давай.

Шпарин сломал коричневый кружок и покрошил в тарелку с вином.

— Пусть перекусит.

— Тебя можно поздравить? С выигрышем и приобретением скаковой лошади. Ты так её тискал, что мне стало завидно. Сразу кое-что вспомнила. Спаиваешь лошадку?

— Это он. Берегу его нервы, — ответил Шпарин, поворачиваясь к девушке с соломенными волосами, и положил засыпающего жеребчика в коробку. — Очень смыслённый. Ощущаю необыкновенную энергетику. Она так и прёт из него, как и от вас, кстати, тоже. Меня радует маленькое симпатичное животное в коробке. Приятно сознавать, что день прошел не зря, и ты сегодня кого-то спас. Греет мёрзлую душу. Здешняя атмосфера угрожающе быстро выдавливает из меня остатки тепла и человечности, но я борюсь.

— Мы все животные и все в коробках, вроде этой, — грустно произнесла девушка с соломенными волосами. — Отгораживаемся друг от друга, смотрим на мир через маленькие дырочки. Старательно прикидываемся незнакомцами. Приходит время и понимаешь, что прошлое — это просто прошлое и надо жить настоящим. И принимать решение. Но только это прошлое опять напоминает о себе.

Шпарин заглянул за декольте желтого платья.

— Кого вы имеете в виду? Если меня, то совершенно напрасно. Я такие прелести не забываю, врезаются в память навсегда, перед вами истинный ценитель прекрасного, можете поверить на слово. Жаль нет возможности побеседовать с вами подольше об одиноких сердцах, как знать, быть может, мы бы совпали в движениях души и тела, — сказал Шпарин и перевёл взгляд на стол с рулеткой, где играл Сергей Николаевич.

Колонны фишек перед экстрасенсом стремительно росли. Сергей Николаевич забыл о наставлениях и разорял казино. Стол медленно окружали охранники. Шпарин протянул девушке пакет с деньгами.

— Будьте любезны, подержите. Не обижайтесь, я действительно вас не помню. Как зовут

украшение этого ужасного вечера?

— Алина! — негодуяще ответила девушка, принимая пакет. — Парик поправь!

— «Соколы», у нас проблемы! План «Б»! — громко сказал Шпарин, махая Ляхову.

Рядом с экстрасенсом, положив Сергею Николаевичу на плечи по ладони, стояли две молодые женщины в длинных платьях с разрезами до бедер, мило улыбались и отпивали из высоких бокалов.

— Сколько? — не таясь, спросил Шпарин.

— Семьдесят с небольшим хвостиком! — торжествующе провозгласил Сергей Николаевич. — Абсолютный вечерний рекорд.

— Кыш отсюда, — сказал женщинам Шпарин. — Мы заканчиваем игру. Принесите деньги, пожалуйста. Нам самим пройти к кассе довольно затруднительно.

— Сомневаюсь, что вы куда-нибудь пройдёте, — уверенно сказал администратор с георгином. — Разве на тот свет. Берите их, ребята! Пошарьте в карманах, у них наши изумруды.

— «Сокол-2», сколько у нас на самом деле аргументов? — спросил Шпарин.

— Четыре, — ответил Ляхов и достал пистолет. — Пять.

— Шесть, — сказал Шпарин, выхватывая свой. — Хвалю за предусмотрительность. Достаточно аргументов, чтобы получить деньги, выигранные в трудной, но честной игре?

— Недостаточно веские аргументы, — возразил толстяк с подбородками. — И деньги не ваши, и игра нечестная. Парни, покажите наши аргументы.

Охранники достали пистолеты.

Ляхов сунул пистолет за пояс брюк, вытащил из карманов две гранаты, поднял вверх и положил большие пальцы на красные головки детонаторов выглядывающие из ребристых корпусов. Завизжали женщины. Толпа игроков заволновалась, отпрянула от стола и улеглась на пол.

— Наши аргументы тяжелее ваших. Оружие на стол! — приказал Шпарин. — И все на пол! Все!!..

— Хозяин! — крикнули со второго этажа. — На улице двое в полицейской форме с гранатомётами, целятся в дверь.

— «Соколы», приготовиться! — крикнул Шпарин и помахал пистолетом, показывая кричавшему дорогу вниз. — Спускайся, тебя заждались!

— Твоя взяла, — выдавил «двойной подбородок». — Отдайте им деньги.

— Отбой, «Соколы»! — скомандовал Шпарин, оглядывая людей лежащих на полу. — «Любители денег», ползите в дальний угол, прячьтесь, драматические события начнутся в любой момент. Не вздумайте звонить в полицию, здание заминировано, все взлетит на воздух, очень высоко, до самого неба.

— Я тебя найду!

— Хвалилась жаба море переплыть. Тебя, боров, мы возьмем в заложники, давай сюда лапы.

— Зачем он нужен? — буркнул Сергей Николаевич. — Лишний груз.

— Готово! — крикнули из кассы. — Можете забирать.

— Подозрительно быстро посчитали, — недоверчиво сказал Шпарин. — «Сокол-2», проверь. Если напихали бумаги...

— В порядке! — крикнул из кассы Ляхов. — У них тут счётные машинки и денег кроме наших полно. В мешках. Забирать?

— Вчера не отправляли и позавчера, — простонал толстяк. — Не губите, мне их отдавать «наверх».

— Забираем всё! Ты!.. — позвал Шпарин ближайшего охранника, лежащего на полу. — Встал! Открой дверь,пусти моих людей. Открывай!..

В игровой зал проникли бывшие лейтенанты с гранатомётами в руках, у каждого за спиной висел автомат.

— Готовы!.. — крикнули «Соколы», вода зелёными трубами по залу.

— Меня убьют! — сказал толстяк, хватаясь за грудь.

— Скорее всего. Или мы, или не мы. Думать надо, когда профессию выбираешь. Ладно, испытаем судьбу ещё раз, вильнём ей навстречу. Честная игра! Наружу с чистой совестью. Отключайте своё мухляторское оборудование! Семьдесят тысяч с небольшим хвостиком против остальных ваших денежек. Сколько в кассе?

— Сто сорок четыре тысячи, — ответили из кассы.

— Отключай, — сказал толстяк крупье.

Крупье нагнулся и пошарил под столом.

— Шнобелястый пусть отойдет подальше. Меня от него тошнит.

— Ах ты, жирдяй!.. — разозлился Сергей Николаевич, замахиваясь тростью с черепом.

— Господин Лисярский! — сказал Шпарин. — А я ведь «палку» приказал выбросить. Играем! Момент истины. Сакральная правда. Истина и правда существуют где-то рядом.

— Сомневаюсь, что они сегодня совпадут во мнениях, — обречённо произнёс Сергей Николаевич. — С ума сошёл...

— Не отвлекайся, — улыбаясь, сказал Шпарину толстяк. — На один номер!

— На один номер, — деревянным голосом подтвердил Шпарин. — Тринадцать.

— Что ты делаешь, Герман? — бледнея, спросил Сергей Николаевич. — Столько усилий напрасно! Лучше не смотреть.

Крупье раскрутил рулетку и бросил шарик в направлении противоположном вращению колеса. Шарик, брэнча, сделал несколько кругов и улёгся в ячейку.

Сергей Николаевич зашевелил губами.

— Как во сне! Так не бывает, но ты везунчик. Тридцать пять к одному. Это сколько будет?.. Грузовик нужен, чтобы всё увезти.

— Несите деньги к выходу. Ты поможешь! — приказал Шпарин охраннику, забытому у дверей.

Конопатый охранник схватил мешок с деньгами и забросил за спину.

— Я с радостью. Если начальство просит.

— А где девушка? — озираясь, спросил Шпарин. — Девушку в жёлтом платье никто не видит? С пакетом и коробкой?

— А я вас знаю и вон его знаю, — сказал охранник и кивком головы показал на Ляхова. — Вы не Герман, а он не...

— Молчи, конопатый! Я тебя тоже вспомнил... — прошипел Шпарин, хватая охранника за шею и зажимая ему рот. — Уходим! Забираем мешки с пропусками в лучшую жизнь, спокойно выходим, грузимся...

Ляхов открыл и закрыл входную дверь

— Не уходим и не грузимся. На улице полиция. Полным-полно полиции и поджидают, естественно, нас.

— Попались, наглецы! — захрапел толстяк, давась от смеха. — Не знаете во что

вляпались!

— Это он вызвал! — сокрушённо произнёс Сергей Николаевич и занёс над головой толстяка трость. — Черепом по черепу. Это тебе за шнобелястого!

Трость с глухим стуком ударила толстяка в лоб. Толстяк ойкнул и растянулся на полу. Шпарин бросил охранника и протянул руку Ляхову.

— Гранату! Пойду на переговоры.

— Застрелят, господин капитан, — сказал конопатый охранник. — Чёрный ход. Через подсобки, через подвал, на соседскую улицу. Я проведу.

Ляхов утопил детонаторы и разбросал по залу четыре ребристых «аргумента».

— Ты что, пацан?.. — взвизгнул Сергей Николаевич, роняя мешок с деньгами.

— Небольшое представление, — спокойно сказал Ляхов. — Гранатки свето-шумодымовые. Идёмте, «Сокол-1», я прикрою.

— «Пернатые»! Пальните во второй этаж! — приказал Шпарин. — Переходим речку, образно выражаясь. Дальше война.

— Все не поместимся, — удрученно сообщил Сергей Николаевич, выползая задом из машины. — Надо кому-то остаться или часть денег бросить. Что в принципе невозможно. Бросить деньги. Оставим «пернатых», как-нибудь доберутся, они местные.

— Я тебе оставлю! — сказал Шпарин. — Что в багажнике?

— Оружие... И гранаты... — прокряхтел Ляхов, вытаскивая из багажника зелёный ящик.

— Ничего себе ты запасся! — сказал Сергей Николаевич. — Но я в багажник не полезу.

— У меня машина на соседской улице. Возьмите меня с собой, господин капитан, — тихо произнёс конопатый охранник и с надеждой посмотрел на Шпарина.

— На соседней, — поправил Шпарин охранника. — Ежели хочешь отправиться с нами, придётся обосновать своё желание, сержант Додоня. Зачем ты мне нужен?

— Я рукастый, стреляю кабану в глаз с полста метров, готовлю хорошо, — перечислил Додоня. — Сбежал я от них. Дикие ужасы творятся. Измордовал меня особист. Моя машина на соседской улице. Возьмите!.. Буду предан, господин капитан!

— Миша, хватит болтать! — сказал Сергей Николаевич. — Поймут, что мы ушли и оцепят квартал.

— Двигайте! Я с Додоней. Не гони, Лёша, не привлекай внимание.

Машина с экстрасенсом и «Соколами» умчалась.

— Как тебя зовут? — спросил Шпарин у сержанта в чёрном костюме охранника. — Петя? Где твой драндулет, Петя? На этой улице?

— На другой.

— Ты сказал на соседской.

— Я про неё и говорил. Рядом с соседней. Вон там, — Додоня махнул рукой. — Машина белая, крыша черная, номер... забыл.

— Ты меня напрягаешь, Петя. Топай к машине и жди.

За домами выли полицейские сирены. Додоня потоптался, вглядываясь в темноту пустого переулка, вытянул из кучи оружия гранатомет, снял шнековый магазин, проверил, и загнал обратно.

— А не фиг добром разбрасываться.

Игровой зал в смрадном дыму. Шипели гранаты, выдавая остатки гадости, которой были напичканы. Потолочные насадки системы пожаротушения разбрасывали тонкие

струйки воды. Гудела вентиляция. Разваленный второй этаж. Переломанные стулья, опрокинутые столы. Мусор. Паника улеглась. Часть «любителей денег» успела выбраться на улицу, часть ползала в сером тумане, в грязной жиже, собирая разбросанные деньги и фишки. Чихая и кашляя в клубах дыма плавали фигуры полицейских. Шпарин, закрывая рот и нос платком, проскочил к барной стойке и крикнул:

— Алина!..

— Вот он, главный грабитель! — выныривая из тумана, завизжал фальцетом толстяк с розовой шишкой на лбу. — Вернулся, не всё украл. Сержанты, хватайте его!

Шпарин вывернулся из рук полицейского, снёс несколько человек и выскочил на улицу.

— Бомба! Спасайся кто может, сейчас всё взлетит! — крикнул Шпарин и со ступенек, как с трамплина в воду, прыгнул в толпу зевак.

Толпа ахнула, взволновалась, приняла его, смягчая телами падение, начала топтать полицейских, понеслась через дорогу к «Трем осинам» и бросилась врассыпную. Шпарин, соображая, где улица со ждущим Додоней, побежал к перекрёстку.

По улице, подходящей к перекрёстку слева, бежал мужчина. За мужчиной гнались полицейские. На улице справа та же картина, но там преследователей было больше. Шпарин заметался, проскочил перекрёсток, понесся прямо и, услышав шелест шин за спиной, оглянулся. Полицейская машина была рядом. Её обогнал чёрный автомобиль с тонированными стеклами, вильнул, подставляя зад, и затормозил. Уходя от столкновения, полицейский автомобиль вылетел на тротуар, врезался в стеклянную витрину и поехал в глубь магазина. Шпарин помчался дальше. Полицейский автомобиль выскочил из магазина задом и перегородил проезжую часть. Визг шин на асфальте, удары. Через несколько секунд на дороге образовалась куча разбитых машин.

Чёрный автомобиль догнал Шпарина и поехал рядом. Стекло водителя опустилось.

— Вечерний моцион?

— Ночной, — ответил Шпарин, сбавляя скорость. — Люблю... побегать... перед сном.

— Наперегонки с полицией?

Шпарин перешёл на быстрый шаг.

— Так... получилось... А вы тоже... любите почудить.

— Иногда, — останавливая машину, сказала девушка в жёлтом платье. — Подвезти?

Шпарин обежал автомобиль, забрался на сиденье, с шумом выдохнул воздух, снял парик, микрофон, наушник и спрятал в карманы.

— Меня не надо... долго упрашивать... ночь... незнакомка красивая... романтично...

— Романтично, — с сарказмом согласилась девушка. — Ночь, незнакомец, полиция на хвосте. Грабим злачные заведения?

— Иногда. В свободное от... основной работы... время.

— И кем же вы работаете?

Шпарин, наконец, отдышался и оглянулся.

— Шпионом. Что скрывать? Тружусь в поте лица.

— Какое совпадение! — насмешливо сказала девушка с соломенными волосами. — Представьте, я тоже.

Девушка погасила фары, выкрутила руль, направила машину в арку трёхэтажного дома и остановилась у рощицы грушевых деревьев среди припаркованных автомобилей.

По улице на скорости проскочил полицейский автомобиль, за ним через короткое время в том же направлении проследовал ещё один, помедленнее.

— Когда я уходила, ты был поуверенней. Держал всё под контролем. Сейчас бежишь по ночной дороге один, без денег, без сообщников.

— Мои парни поехали отдыхать, напряжённая ночь выдалась. Вы, часом, мою лошадку не прихватили? Я её вам оставил, помните, вместе с денежками?

— Осталась твоя лошадка в «Клубе». А деньги на заднем сиденье.

— Я, признаюсь, не надеялся всех вас снова увидеть. Такая неприятная мысль закралась в голову. Вы что же, специально меня поджидали?

— Ну, да. Сгорала от любопытства, ожидая, чем закончится твоя идиотская затея. В казино отлично сыграл, но здесь мы вдвоём! — гневно сказала девушка. — Расскажи, как ты ожил после перестрелки на границе. Операция прикрытия? Вроде бы убили и дело с концом?.. Начальник твой, Древака, большой дока в таких делах.

Напротив арки остановился полицейский автомобиль. Шпарин и девушка пригнулись.

— У вас глаза красивые. Даже в темноте, — сказал Шпарин.

— Вспомнил? Не подлизывайся и не заговаривай зубы. Поздно.

— Говорю, что вижу. Вы очень красивая, я ещё в казино на вас глаз положил.

— На новую родину ты положил. Уехали, поднимайся.

— В следующий раз заедут во двор и прочешут территорию. Двор глухой, другого выезда нет. Есть идеи?

— Эту угнала, угоню и другую. Их тут достаточно.

— Не выход. До первого патруля. Далеко не уйдём и не уедем. Будут останавливать каждого встречного, покажемся подозрительными, а мы покажемся, наденут кандалы и повезут выворачивать внутренности. Дождёмся утра и когда народ пойдёт на работу, сольёмся с трудовыми массами, — сказал Шпарин, разглядывая здание с тёмными окнами под яркими звездами, — а пока усядемся на ха-а-лодные ступеньки в подъезде, нежно обнимемся, два гонимых скитальца, и будем с нетерпением ждать рассвета.

— Не буду я с тобой нежно обниматься. Поддай мне сумку.

Девушка нажала кнопку на приборной панели автомобиля, пощёлкала клавишами на извлечённом из сумочки устройстве размером с ладонь, выдвинула и пошевелила маленькую ручку под экраном. Автомобиль качнулся.

— Отключаем ручное управление, включаем навигацию, вводим маршрут. Сигнал в норме. Отлично! Вот в чём преимущество современных машин — мозги, которых не хватает некоторым шпионам. Иди в арку, посмотри где полиция. Пакет с деньгами забери.

Шпарин вылез из автомобиля и пошёл к арке. Осторожно выглянул. На близких и далеких перекрёстках мигали жёлтые огни светофоров. Освобождая дорогу машине, вышел из арки, поднял глаза на табличку с названием улицы и номером дома, опустил, снова поднял и прислонился к стене.

Загорелись фары, автомобиль тронулся с места. Девушка прилепила к панели приборов пластину с мигающим красным глазком и, выскочив из машины, подбежала к Шпарину. Автомобиль медленно въехал в арку, повернул направо, набирая скорость, помчался к перекрёстку, повернул налево и скрылся за домами.

Девушка, всматриваясь в экран, описала «джойстиком» полукруг и нажала клавишу на приборе.

— Съезжаем с моста и ныряем в реку. И прячем концы в воду!

Раздался глухой звук далёкого взрыва.

— Отличная была машина. Хозяин расстроится.

— С её хозяином ты недавно попрощался не менее варварским способом, отобрал деньги и разгромил казино.

— Тогда не жалко. Идём, — входя в арку, пригласил Шпарин. — Надо объясниться, в конце концов. Идёмте, прекрасная незнакомка, идёмте. Есть тут одно тихое место. Я, кажется, где-то здесь живу. Улица Синельникова, 24-9.

В первом же подъезде престарелый и заспанный охранник в стеклянной будке напротив входа, всматриваясь в Шпарина, удивлённо произнёс:

— Вернулись, капитан? Долго же вас не было! Закончилась командировка?

— Закончилась, — натянуто улыбнулся Шпарин и протянул ладонь. — Ключи!

— С возвращением. Мы у вас прибирались, как вы и просили, следили за порядком. Юлия каждую неделю вытирает пыль и моет полы. Часы заводит, ждёт, когда вернётесь. Но я ей ничего не скажу. За вами рассказ о ваших приключениях, вы обещали. Как там грёбанные конфедераты, не передохли? — спросил охранник, протягивая связку ключей.

Алина поморщилась и отвернулась.

— Вами не так давно интересовались.

— И кто же? — напрягся Шпарин.

— Ваши коллеги. Предъявили документы. Я не хотел пускать, но пришлось подняться и показать квартиру, сами понимаете.

— Исчез на несколько дней и начальство забеспокоилось, — быстро отреагировал Шпарин и, приблизив лицо к стеклу, доверительно произнёс:

— Решил расслабиться и устроил себе маленький отпуск.

— Я вас понимаю!

Охранник окинул девушку сальным взглядом. Шпарин подмигнул охраннику.

— Мы же настоящие мужчины! Какие наши годы! Мы ещё ого-го!

Охранник подмигнул Шпарину и пригладил торчащие дыбом кустики седых волос.

— Ещё ого-го!

— Забыл, как вас зовут, бравый управляющий домом?

— Что вы? Только подъездом, — зарделся охранник. — Я Виктор.

— Переводится как победитель. С одного древнего языка. Вы нас не видели, Виктор?

Охранник вскочил со стула.

— Очень давно не видел. Отдыхайте, вас никто не побеспокоит, я позабочусь. Мы же мужчины.

— Квартира! — сказала Алина, поднимаясь за Шпариним по широкой лестнице, застеленной красной ковровой дорожкой. — Ковры, цветы, мозаика. Неплохо. В таких домах живут обеспеченные люди. Мы и не подозревали, что у тебя есть тайное убежище. Скрыл от руководства и от меня. Ты тёмная личность, Шпарин, темнее чем я думала.

— Шпионы по умолчанию тёмно-мутные, с налётом простоты и честности на одухотворенных лицах. Я их так себе представляю. Настоящие парни. Женщин-шпионок тоже сразу не раскусить, пока не попадетесь на горяченьком. Весь модельный ряд от сногшибательной медицинской сестры до неотразимой прожигательницы жизни, встреченной в казино.

Шпарин остановился на третьем этаже, сверил номер на связке ключей с номером на двери и попробовал открыть замки.

— Хватит играть!

— Я здесь никогда не был, — сознался Шпарин. — Ни разу. И что-то уже не хочется.

Девушка отобрала ключи, открыла замки и толкнула дверь.

— Ни разу. Со мной.

Алина сунула руку под подол платья, достала маленький пистолет и обыскала Шпарина.

— Заходи! Сейчас ты расскажешь, откуда у работника невидимого фронта такие деньги, чтобы купить такую квартиру в таком доме. Свет не зажигай, сначала задвинь шторы. Где оружие?

Шпарин посмотрел на старинные напольные часы. Маятник в резном прямоугольном корпусе красного дерева добросовестно отсчитывал секунды. Стрелки показывали час двадцать ночи.

— Где-то потерял. На скаку вылетел. Вы должны помнить: я принимал участие в ночном забеге. Давайте немного поспим, потом, ближе к утру, побеседуем о ваших проблемах.

— О твоих проблемах! Вопросы и ответы. Подробные. Выложишь всё, иначе потеряешь яйца, — кровожадно предупредила Алина, толкая Шпарина пистолетом к креслу.

Шпарин, не глядя, протянул руку назад. Девушка охнула и очутилась в кресле, в нелепой позе, с поднятыми ногами и задранном до талии платьем.

— Потрясающе выглядишь.

Девушка застонала и потрясла рукой.

— Идиот! Сломал!

— Болевой приём, сейчас боль утихнет. Пару слов о моём прошлом. Совершенно не хочется получить четвёртую пулю в спину. Когда-то, в другой моей жизни, в далеких отсюда горах, уже проделали подобное, всадили сразу три.

Шпарин поднял пистолет, стащил девушку с кресла за ноги на пол и достал наручники.

— Такие вещи могут пригодиться в любой момент. Сложна и непредсказуема шпионская жизнь.

— Платье одёрни, негодяй!

— Мне везёт на умных женщин, но до невозможности упрямых. С вами интересно, но хлопотно. У вас, умных женщин, завышена самооценка. И вообще — вы устроены по-другому. Мыслительный процесс в ваших головках протекает непонятным образом. Я только недавно догадался, не смотря на довольно большой опыт общения с лучшей половиной человечества. Приходится прилагать много усилий, чтобы доказать вам очевидное.

— Всё равно убью. Ненавижу!

— Чем он тебе так насолил, мой двойник? Но это не главный вопрос. Главный — ты то, кто?

Девушка, всхлипывая от бессилия, пыталась освободиться от наручников. Шпарин погладил её по голове и убрал с лица пряди соломенных волос.

— Мне тебя жалко. Правда. Внутри я тонкая натура, очень ранимый. И всегда жалею тех кому плохо, но только хороших. Ты хорошая? Мне кажется — да. Тебя сильно обижали и теперь ты страдаешь, вымещаешь боль. А тут я попался под руку. Я бы тебя освободил, но ты наверняка попытаешься устроить обрезание безусловных моих достоинств, тех, которые выпирают из тела. Так что попозже, когда до твоей очаровательной головки кое-то дойдёт.

— Надо было пристрелить тебя в «Клубе», — кусая губы, сказала девушка.

— Перестань беситься.

— Не смотри на меня так, тебе ничего не обломится. Даже не думай! — с ненавистью прошипела девушка.

— Никто на тебя «так» не смотрит.

Алина извивалась всем телом и пыталась отползти в сторону.

— Загрызу-у!..

Шпарин сел на пол, помял лицо, помассировал виски и опустил голову.

— Если бы ты знала, как я устал! Пропасть какая-то. Меня затягивает куда-то всё глубже и глубже. Одна надежда была — спихнуть всё на сон. Наивные игры воспалённого разума. И тут новая проблема, в виде тебя. Твоего агента, дружка, шпиона, любовника, на самом деле убили при переходе границы. Труп исчез. Вместо него появился я. Внешне похожий. Врубаешься? Из иного времени, иного мира... С другой похожей планеты, если хочешь. Понятно? Меня каким-то образом перетащили в ваши края, чем я, естественно, недоволен. «Холм» — знакомая аббревиатура? Ваши высоколобые учёные идиоты совсем опупели от собственного величия и продвинутых технологий, если занимаются подобными вещами. Хотя наши, наверное, не лучше, просто мы там у себя не всё знаем.

Шпарин поднялся и бросил на пол ключи от наручников.

— Выметайся! Когда я выйду из ванной — ты исчезнешь.

— И это благодарность за спасение?

Шпарин махнул рукой и скрылся в ванной комнате. Через минуту дверь приоткрылась, мелькнули соломенные волосы и любопытный шоколадный глаз.

— Его больше нет?

— Тут точно нет. А ты ещё здесь.

Дверь закрылась и приоткрылась снова.

— Так ему и надо. Можно к тебе? Закончим идентификацию. До утра далеко.

Алина сбросила платье и забралась в ванную.

— Ты бессердечная, — подвигаясь в бирюзовой ванне размером с маленький бассейн, сказал Шпарин. — Разве можно так о любимом, пусть и бывшем?

— Это была ошибка, которые все иногда совершают. Ты их не совершал?

— Вся моя жизнь состоит из ошибок, попыток их исправления, переживаний и, как следствие — кусание локтей, до которых никак не дотянуться.

— Я такая же. Но до своих локтей дотягиваюсь. И всё-таки, зачем я это делаю?

— Ты обманывала себя и думала о нём. У вас когда-то было серьёзно. Сегодняшний вечер подтверждение. Стресс снимается другим, не менее действенным способом. Не все на это решаются. Я так делал. Глушил боль в объятиях другой. По-моему, тебе в жизни досталось. Но ты сильная. И где-то похожа на меня. Одинокие сердца среди множества людей.

— Только не надо про одинокие сердца, — сказала Алина, кусая Шпарина за мочку уха.
— Всегда мечтала переспать с настоящим парнем с другой планеты.

— Это как раз тот самый случай, — заверил Шпарин.

В соседней квартире семейная пара прислушивалась к громким звукам за стеной.

— Викентий! Там кого-то убивают, — сказала жена, дёргая мужа за плечо. — Звони Виктору и в полицию. Женщины. Кричат так, будто сейчас умрут. Три года было тихо.

— Не умрут, — с завистью пробормотал муж, укладывая подушку на голову. — Наш шпион вернулся из командировки и привёл женщин. Может даже Юлю с подругой.

— Нет, я так не могу. Совести нет. Кричат не переставая. Я ему завтра устрою. Два часа ночи!

— Выспишься днём. Не на работу.

— Но я так не никогда орала, Викентий.

— Ты никогда не орала, Валентина. Ни в два дня, ни в два утра.

— Откуда ты знаешь? Ты никогда не возвращался из командировки в два утра.

Шпарин поднял голову и, прислушиваясь, замер.

— У соседей драка.

— Вставай. Приготовлю поесть, видела на кухне консервы и вино.

— Консервы... — направляясь за девушкой, сказал Шпарин. — Любите вы консервы.

Обычная еда шпиона в бегах!

— Можно подумать, что вы там у себя не любите, — парировала Алина, открывая банки и смешивая консервированные овощи с консервированным мясом. — Сейчас подогрею. На скорую руку, но вполне съедобно. И немного вина не помешает, не помешает и побриться парню с другой планеты.

— Забрался в чужую жизнь, чужую квартиру, захватил чужую девушку.

— Эта квартира теперь твоя. Его жизнь — теперь твоя жизнь. А девушка совсем не думает, что её захватили. Скорее наоборот. И девушка только на сегодняшнюю ночь.

— Моя жизнь — это моя жизнь. Согласен на девушку.

— Может ты и прав, парень с другой планеты. Смотри на жизнь под другим углом.

— Ты уже заметила, как я на неё смотрю. Из-за угла.

— Ты на неё смотришь правильно. Главное не из угла, в который тебя не загнали. Тебя в этот угол, кажется, загнать трудновато. Ты не простой парень и как-то, и почему-то, невероятно быстро, просто стремительно, располагаешь к себе. Поэтому я и оказалась с тобой там, где оказалась. И, заметь, сама.

— Ты не первая. Уже очередь.

— Тебя разбаловали, — с досадой сказала Алина. — И ты этим гордишься.

— У меня хорошая аура. Или ещё что-то в этом роде. Биополе, — скромно уточнил Шпарин. — Надо почитать что-либо на эту тему, повисить знания в сфере тонких материй. А то как-то неудобно. Не можешь объяснить. Один знакомый колдун и тот теряется в догадках — почему я хорошо лажу с женщинами.

— Об этом знают только они, но они никогда не скажут. И в правилах есть исключения. Ты должен знать. Всё относительно.

— Не буду спорить, но что конкретно относительно чего?

Девушка улыбнулась страннейшим образом.

— Всё — всего. Многие не понимают этого до конца жизни, но ты же не из их числа, непростой парень с другой планеты? И у нас с тобой иная система координат.

— О сегодняшней ночи... Любишь приключения? — спросил Шпарин, наполняя бокалы.

— Они занимают большую часть жизни. Профессия. И понимай, как хочешь. Жаль, мы не встретились раньше, лет пять назад. Всё было бы по-другому.

— Раньше мы дышали разным воздухом.

— Оставаться на свободе тебе оставалось недолго — догнали бы и «повезли выворачивать внутренности», как ты выразился. Таких «весёлых» вечеров не прощают. Но на улицах тихо. Можно спокойно гулять и ходить, где хочешь и когда хочешь. В Губернаторстве власть военных. Разрешено ношение оружия, многие его имеют, и никто не хочет нарываться.

— Не знаю, что тут за народ. У нас такое невозможно. Наши перебьют друг друга и начальство очень быстро. Менталитет. Характер у народа портится, народ звереет без

дисциплины, руководящей силы, хождения строем и...

— Твои друзья, те, с кем ты был в казино, предупредили о скрытых камерах на улицах? — прервала девушка Шпарина. — Не думаю, что они обычные люди. Скорее военные. По хватке видно. Не спрашиваю, где ты их нашёл. Но и они могут не знать. Весь город просматривается. Этим занимается 4-е Управление Департамента Безопасности. Утром доложат начальству и начнётся переполох. Налёт на казино задел больших людей в погонах. У парня с другой планеты есть несколько относительно спокойных часов, чтобы привести мысли в порядок и что-то придумать, пока машина придёт в действие.

— У Алины случайно нет шапки-невидимки? Она бы мне пригодилась.

— Есть. Специальный плащ. Одеваешь и невидим. До первого дождя или человека, который тебя толкнет. Иногда выручает. Сегодня ночью, например, когда угоняла машину от казино. Могу подарить.

— Камера увидит человека в твоём плаще? Камера «день-ночь».

— Ого! — сказала девушка. — Ну-ка, ну-ка...

— Увидит или нет?

— Не увидит. Мы кое в чём разбираемся?

— Те, кто будет просматривать записи с камер, обязательно увидят, как женщина в жёлтом платье одевает что-то непонятное и исчезает. Затем машина хозяина казино сама по себе заводится, уезжает, подбирает предполагаемого налётчика и, проехав пару кварталов, сворачивает во двор дома, где живёт секретный агент Шпарин. Но в машине, когда открылось окно, ты была без плаща.

Девушка с соломенными волосами покачала головой и покрутила двумя пальцами бокал за ножку.

— Завтра, вернее сегодня, я поменяю внешность и выеду из страны, а тебя будут искать. Через несколько часов твои фотографии появятся на всех новостных каналах.

— Что случилось с моим двойником?

— Я не знаю, — грустно сказала девушка. — Но его найдут. Мы с твоим двойником плотно работали...

— Очень плотно.

— Перестань! Мы выяснили — он кадровый разведчик и ведет двойную игру. Кстати, стукнули из Губернаторства. Продержался довольно долго. Три года. Наши почти достали его на границе. Прошла информация — застрелен. Затем наш источник сообщил: предатель появился на Базе, затем источник сообщил: предатель бежал. Недоработку необходимо было исправить. Куда мог направиться беглец? Только затеряться в большом городе или бежать из страны. Из Губернаторства он не выезжал. Мы проверили. В маленьких городках не появлялся. Там спрятаться невозможно. У нас везде свои люди. Но он как в воду канул.

— Столько шума из-за одного человека?

— Он владеет важной информацией, очень важной, его необходимо найти.

— «Холм», — сказал Шпарин. — Его сожрал «Холм».

— Решила задержаться на пару дней. Побродить по городу, развлечься. Было тоскливо.

— И забрела в казино. Ты его искала! Адреналин. Привыкла рисковать и действовать. А тут я.

— А тут ты!

— Расскажи о «Холме».

— Закрытая информация. Даже для тебя, хотя ты для нас не опасен. Скажу лишь: и у нас

ведётся работа над подобными технологиями. Почему ты так смотришь? — не выдержав пристального взгляда, спросила Алина. — Прекращай авантюры и перебирайся в другую страну.

Девушка подняла руку и осторожно, двумя пальцами, дотронулась до губ Шпарина.

— Надо что-то решить, раз мы оказались вместе. Мне есть, что сказать. Понимаешь?.. А тебе? У нас мало времени!

— У людей вообще мало времени. Попробуем подремать пару часов. Открою окно, душно.

Шпарин погасил свет, раздвинул шторы и открыл окно. Во двор дома въехала машина, за ней на скорости влетела другая и остановилась рядом.

— Алина! — позвал Шпарин.

Девушка подбежала к окну. Из второго автомобиля выскочили две фигурки в тёмном и, рванув двери первого, заскочили внутрь. Салон осветился тусклыми вспышками.

— Они его нашли! — прошептала девушка. — Они его достали.

Алина метнула на Шпарина тоскливый загнанный взгляд и прикусила губу.

— Перестань, ты же профессионалка.

— Я никогда не убивала близких мне людей.

— Это сделала не ты. Мы стали ближе?

— Дурак! — сказала Алина.

Шпарин высыпал из пакета на пол деньги и, вывернув пакет наизнанку, уложил назад.

— Уходим. Одевайся.

Они скользнули мимо спящего охранника. Сонный двор с тёмными окнами. Шпарин открыл дверь автомобиля.

— На его месте мог оказаться ты.

— Мне повезло.

— Отправим машину следом за первой.

— Не надо, — сказал Шпарин. — Пусть «меня» найдут здесь. Мёртвого. Меня больше нет. Никаких портретов на заборах и в новостях. Никто не будет искать.

— Что дальше?

— Каждый своей дорогой, — ответил Шпарин, отводя глаза. — Сама сказала: девушка на одну ночь. Как ни жаль.

— Потрахались и разбежались! — с неожиданной печалью в голосе сказала Алина. — Тебе не выжить одному. Поехали со мной! Я тебя вывезу.

Тягучие нотки в голосе девушки заставили Шпарина вздрогнуть.

— Стоим у трупа и беседуем о будущем. Непостижимо.

— Его больше нет! — ожесточённо сказала Алина. — Нет! Есть я и другой человек!

— Совпали душой и телом, — раздираемый противоречивыми чувствами пробормотал Шпарин. — Я буду всегда напоминать тебе о нём.

— Это не так. Я поняла. Стоит присмотреться и понимаешь, что ты это ты, а не он.

— Ты сегодня долго присматривалась и будешь присматриваться всю остальную жизнь. Ты ни разу не назвала меня по имени. Нам будет тяжело, Алина.

— Ты ведь знаешь — одна случайная встреча меняет жизнь. Начнём новую жизнь. Ты и я.

Алина сжала ладонь Шпарина и произнесла дрогнувшим голосом:

— Если ты хотел это услышать, так слушай: я не хочу тебя терять, как ни к месту это звучит сейчас. Я никому не говорила таких слов!

— Нет, Алина.

— Ты когда-нибудь попадёшься, — с горечью сказала девушка. — И та, кому попадёшься, вырвет твоё сердце.

— Этого никогда не случится.

— Уверен?

Девушка прекратила теревить замок сумочки, висящей на плече, и бросила на Шпарина ироничный взгляд.

— Не будешь жалеть об очередной ошибке и кусать локти?

— Есть у меня одна отвратительная привычка — наступать на грабли. Прости.

— Возьми плащ.

— Тебе он нужнее. Я выкручусь.

Шпарин протянул Алине пистолет и изумруды, завернутые в носовой платок.

— Не греет, но притягивает.

— Из казино? Не возьму!

— Больше у меня ничего нет, а сердце только одно.

— Прощай, парень с другой планеты, и будь осторожен, чтобы тебя не перепутали с двойником другие охотники.

Шпарин коснулся руки девушки и незаметно опустил в сумку платок с изумрудами.

— Я тебя разыщу. Я тебя найду, обязательно, закончу дела и найду.

— Может быть и найдёшь, но это буду уже не я, — сказала девушка с соломенными волосами и растворилась в блеклом свете наступающего утра. — Не забывай о камерах и «охотниках». Я буду тебя вспоминать. Иногда-а-а... — стихая, донёсся её голос.

— Я точно дурак, — собираясь броситься к арке, сказал Шпарин.

И остался на месте.

«Какая женщина! Начинаем кусать локти? Конфедератка. Потенциальный противник. Да, Миша! Заговариваемся. Пора бы уже определиться на чьей ты стороне. А на чьей? Только что был на своей собственной. Исчезла, как призрак. Да и была ли она? Сомневаюсь в том, что было пять минут назад. Её стоило догнать. Но разве можно догнать ночной ветерок...».

Двойник сидел, упав головой на руль. Шпарин проверил карманы и поднял за волосы голову мертвеца.

«Похож. Лицо не обезображено. Опознать не составит труда. Идентифицировать. Никаких документов, немного мелочи в кармане. Только идиот мог вернуться домой, когда за ним гоняются по всей стране. Выследили и загнали в угол?».

Шпарин бросил голову, затолкал удостоверение двойника в карман трупа и бросил на пол парик и микрофон с наушником.

«Найти телефонный автомат и позвонить в полицию. Не самый лучший ход. По голосу опознают. Потом, когда до Древаки дойдет радостная весть. Землю будет рыть, проверяя детали. Как сообщить о трупе не вызывая подозрений? Чем быстрее они его найдут, тем скорее я окажусь в безопасности. Время, время...».

В раскидистых ветвях грушевых деревьев проснулись птицы и начали пробовать голоса. Со стороны арки слышались шаркающие шаги. Во двор дома вошёл всклоченный мужчина в джинсовом костюме и, пиная жёлтые груши, устремился к мусорным бакам. Шпарин отодвинулся от машины и ступил за ствол дерева. Мужчина исследовал содержимое

мусорных баков, вполголоса выматерился и, заметив автомобиль с распахнутой дверью, направился к ней.

— Мародёрствуем? — спросил Шпарин, когда мужчина погрузил руку в карман мёртвого двойника.

Грязный, жутко воняющий мужчина медленно повернул голову.

— Вы его завалили?

Вонючий мужчина подпрыгнул.

— Как можно? Иду мимо, дверь открыта, заглянул, а там труп.

— Так я вам и поверил! Полиция тоже не поверит. Вас как зовут?

Мужчина закрыл нос грязным носовым платком и чихнул.

— Иван Фёдорович. Извините. Сыро ночью, простыл, валяясь на лавке в сквере.

— Алконавт с хорошими манерами?!

— Ну не звездонавт же! Запьёшь тут.

— Несёт от вас, Иван Фёдорович! — поморщился Шпарин. — Давно скитаемся?

Мужчина неожиданно прослезился.

— Не знаю... Не знаю! Но тщусь надеждой вернуться к нормальной жизни. Обрести потерянный мир и душевный покой. Вырван из привычной среды обитания. Оказался сам не знаю где, сам не знаю как, сам себя не узнаю, не ведаю. Никто не хочет сострадать, выслушать.

— Я послушаю. Пойдёмте отсюда.

Шпарин прикрыл дверь машины, увлёк исследователя мусорных баков в арку, перевёл через дорогу и затащил в сквер, длинную междуличную ленту тополей и акаций, тянущуюся от перекрёстка к перекрёстку.

— Я весь внимание. Документы есть?

— Каким-то чудом сохранились, — сказал мужчина, полез в карман и протянул серый прямоугольник с фотографией.

— Департамент Образования. Директор школы. Заболотов Иван Фёдорович, — прочитал Шпарин и вернул удостоверение.

— Вы в столице. В Губернаторске. Как вы здесь оказались в таком виде? Погостить приехали? Осмотреть достопримечательности большого города? Не поладили с родственниками, господин директор? Теперь по мусоркам лазаете.

Господин директор почесал спину под грязной курткой и снова чихнул.

— Извините. Не мылся дней двадцать. Шли с учениками по лесу... Я по образованию биолог. Проводил занятия на природе. Намеренно отстал от класса по малой нужде...

«Сентябрь. Уже сентябрь».

— Необъяснимый рыжий светящийся туман, и вы не там, где были. Долго приходили в себя. Потом проели и пропили деньги, какие были с собой и покатались вниз.

— Именно! — согласился директор. — Но сначала стучался во многие официальные двери.

— Где вас приняли за сумасшедшего. Скажите спасибо, что живой. Свидетели подобного исчезают без следа.

— Так это правда? — с ужасом спросил директор.

— Правда. Если мы думаем об одном и том же. Домой хотите?

— А как вы думаете? Но денег на обратную дорогу нет.

— Родной Департамент?

— Отказались принять. На порог не пустили — «Самозванец и мошенник. Директор Заболотов дома и директорствует на старом месте».

— Родственники, друзья?

— Никого нет.

— Я вам помогу, — сказал Шпарин, — дам денег на дорогу. Понимаю и сочувствую. Но сначала окажите небольшую услугу — один звонок из автомата.

— Хоть десять, — обрадовался директор. — Давайте карточку.

— Карточку?

— Вашу личную карточку. Персонафицированную телефонную карточку. Без карточки не позвонить, — сказал директор. — Никак. А куда вы хотели позвонить, добрый человек?

Шпарин взял директора под руку.

— В полицию. Не трепыхайтесь! Я прошу вас пройти до патруля и сообщить о стрельбе во дворе дома: «Проходил мимо и услышал пальбу». Вернётесь — выдам деньги на дорогу и пропитание. Всё по-честному. Риск минимальный. Помогите мне, и я помогу вам. Придётся это сделать. Приведёте себя в порядок, побреетесь, помоеетесь и предстанете перед своими... У вас есть жена и дети?

— Е-есть... — пытаюсь вырваться, промычал директор.

— Предстанете перед женой и детками в наилучшем виде. Попробуете меня сдать, пропадёте. Вас тут же свяжут с убийством. Попробуете уйти, не выполнив моей просьбы, — вам конец. Сами знаете — ползать по помойкам осталось недолго. Принимаете предложение?

В небе раздалось тихое гудение и свист вертолётных винтов. Шпарин и школьный директор подняли головы. Над сквером скользнул красный вертолёт с надписью на борту: «Телевидение. Городские Новости» и завис над домом номер «24». Над ним, намного выше, парил точно такой же, его принадлежность с того места, где находился Шпарин, различить было невозможно.

— Вы не добрый человек, вы страшный человек, не знаю, что вы натворили, — сказал директор, — но деваться некуда, пойду. Куда идти, в какую сторону?

— Полицейская машина стоит на первом перекрёстке отсюда. Я её видел, когда мы переходили улицу. Тут ночью ещё кое-что произошло. Им будет не до вас. Обычный прохожий. Документы не показывайте, если попросят, бегите со всех ног и молитесь на бегу, чтобы вас не догнали, если не забыли, как это делается. Пойдите...

Шпарин достал из пиджака паспорт на имя Погонялова Михаила Ивановича и сунул в карман рубашки.

— Мы одной комплекции. Снимайте куртку, оденьте мой пиджак. Одевайте. На грязные джинсы никто не обратит внимания. Возьмите расческу. Причешитесь. Оставьте себе. Топайте. Я буду ждать здесь.

Шпарин толкнул директора к тротуару и посмотрел на часы. Шесть двадцать пять. Школьный директор постоял, оглянулся и медленно пошёл к полицейской машине.

«Будет несколько минут, если надумает сдать. Пока обыщут, пока подъедут... Уйти успею. Что за вертолёт?.. Алина! Я тебя обидел. Вёл себя, как последний идиот. Ты такого прощания не заслужила... Остановился... Пошёл... Грабли, опять грабли, на которые ты снова наступил. Дать бы тебе и в самом деле этими граблями по лбу. Такую женщину отпустил! А может так лучше? Мы с ней по разные стороны моей жизни. Прошёл мимо машины...».

Директор остановился, сделал шаг назад, что-то сказал в открывшуюся дверь и махнул рукой в сторону дома номер 24. Полицейская машина сорвалась с места.

«Молодец. Естественно вышло».

Директор перебежал улицу и нырнул в кусты акации. Проехав метров пятьдесят, полицейский автомобиль затормозил, открылась дверь, на дорогу выскочил полицейский и, посмотрев по сторонам, залез обратно. Машина помчалась к дому с аркой.

«Поздновато спохватились».

Директор, тяжело дыша, вывалился из кустов акации.

— Мои деньги!

Шпарин протянул несколько крупных купюр.

— Получите. Достаточно?

— Более чем. Хватит на круиз по Лазурному Озеру, — сказал директор, снимая пиджак.

— Оставьте. Он вам нужнее. Без проблем доберётесь до вокзала. Прощайте. Всё по честному.

Глава 6. Движения

Глава 6. Движения.

Над городом летали вертолёты. По улицам мчались автомобили. Над домом номер 24 парили красные вертолёты с надписями на бортах: «Телевидение. Городские Новости». Один повыше, другой пониже. Во двор дома одна за другой въезжали машины со спецсигналами.

Шпарин вклинился в группу людей, на перекрёстке отстал, свернул на другую улицу и заскочил под крышу автобусной остановки.

«Компьютер снимет данные с уличных камер и у полицейских появятся фотографии. Но гораздо опаснее «Холм». Это невидимое чудовище. Неприятности доставляют люди и не люди, которых «он» посылает мне навстречу. Можно ли считать человеком двойника? А кто я сам?.. Всё запутано и события чередой налазят одно на другое, но каждый раз приходит помощь. Кто-то протягивает руку, я выскакиваю на ходу из летящего под откос поезда, чтобы тут же оказаться в другом, играющем на погнутых рельсах и несущимся в неизвестность. Ладненько. Останусь в городе пока не утихнет».

— Такси! — крикнул Шпарин.

Проезжающий мимо синий автомобиль с белыми «шашечками» на капоте и дверях вильнул к тротуару.

— Погнали, братишка, — сказал Шпарин, захлопывая дверь. — В тихую, невзрачную, но приличную гостиницу. Ушёл от подруги. Спрятаться и отдышаться, пока не опомнилась. Застал с любовником. Простил. Потом замотала причудами. Богатенькие, они ведь знаешь какие... Еле унёс ноги. Есть на примете одна бабёнка, попроще.

— Доставим в лучшем виде, — заржал таксист, полный малый в кожаной куртке. — Сам недавно сбежал от своей. Тоже богатая. Аналогичный случай, то это не так, то это. Я её любимого кота выбросил в окно. С пятого этажа. Взял и выбросил после того, как он второй раз нассал в мои тапки.

— Ты, братишка, живодёр! Это слишком.

— Так он, сукота, оказался живой. Вернулся как ни в чём ни бывало. И через полчаса снова нассал. Тут уж терпение лопнуло.

— И что?

— Снова выбросил, с последнего, с двенадцатого, но эта тварь пришла снова.

— У некоторых много жизней. Никто не знает сколько... — задумчиво произнёс Шпарин. — Но с животными так нельзя.

— Отвезти вас к девочкам? Есть пара подружек. Мигом развеют тоску. Хотя и утро. Клин клином. Может и я с вами?

— Нет, нет и нет, — отказался Шпарин. — В гостиницу. На сегодня приключений хватит!

— Дубинки их полосатые им в зад! — выругался таксист, останавливаясь по запрещающему знаку полицейского. — Весь центр перекрыли. Тут, говорят, ночью казино бомбанули. Только ведь проезжал, никого не было. Телевидение кружит... Что-то ещё произошло.

— Что?.. — раздражённо спросил таксист у полицейского. — Мне работать надо!

— Постоишь, — не сурово сказал сержант, обходя машину. — Никуда твоя работа не денется. Сейчас начальство уедет, и ты поедешь, а мы пока твоего пассажира проверим.

— Документы предъявите! — попросил полицейский.

Шпарин протянул паспорт и попытался улыбнуться.

— Погонялов Михаил Иванович... Правильно? Лицо мне ваше знакомо. Подозрительно знакомо. Вы никого не убивали или вас?.. Странно знакомое лицо, — изучая страницу с фотографией, сказал сержант с грустным лицом.

— Куда бы он тогда поехал? Убитый? — резонно предположил таксист. — Застал жену с любовником, теперь страдает. Отвезу в тихое место, зальёт горе и отоспится.

— Много не пейте, — посоветовал грустный полицейский, возвращая паспорт. Поправил серебряную цепь с полукруглым жетоном на груди и махнул дубинкой. — Сдайте назад. Свернёте в тот двор. Через переулок улица Ведерникова. Там свободно.

— Спасибо! — поблагодарил таксист. — Мы поехали?

— Поехали, — полицейский плюнул себе под ноги и изрёк: — Все они суки. Все!

— И среди них попадаются хорошие ребята, — сказал таксист, выезжая на улицу Ведерникова. — Куда едем?

— Тормози, братишка. Родственника увидел. У него и остановлюсь. Возьми деньги.

— Не знаю, что со мной, но не надо. Проехали всего ничего. Рад знакомству. Возьмите мою карточку. Если что, звоните, всегда выручу. И с этим! — таксист щёлкнул пальцами по горлу. — Поосторожней, чтобы на подвиги не потянуло.

Шпарин изучил визитку.

— «Славик. Моторная помощь в любое время суток. Доверительно и конфиденциально. Телефон...». Ты тоже береги себя. Кроме как на себя, надеяться не на кого. Разве на друзей, но их так мало. Друзей береги. И приобретай настоящих друзей. Знаешь, до сих пор попадаются приличные люди, к которым сразу чувствуешь расположение. Иногда они становятся друзьями. Настоящие друзья всегда помогут. Кстати, как ни странно, среди них встречаются и женщины. Увидимся.

— Непременно, — сказал Славик. — Задумаете сбежать от новой подруги, звоните. А вы задумаете, по вам видно, что любите бегать.

— Так уж и видно? — рассмеялся Шпарин, открывая дверь.

— Определённо заметно, — заржал таксист и уехал.

«Хороший парень! — подумал Шпарин, двигаясь вдоль ряда машин у тротуара. — Ну надо же. Не ожидал от этого тюхи!».

«Хороший парень, — подумал таксист и улыбнулся. — Я его раньше видел. Определённо. Надо было законтачить с ним поближе, душевный мужик, понимает жизнь».

«Странно знакомое лицо... — подумал грустный полицейский, оставляя пост на перекрёстке, и направился к кафе на углу. — Подозрительно знакомое».

— Константин! Смени меня! — крикнул он напарнику, сидящему в патрульном автомобиле. — Кофейку попью.

В кафе несколько ранних посетителей, задрав головы, смотрели на экран телевизора.

— Кофе без сахара. Большую чашку, — попросил полицейский бармена. — Звук погромче. И коньяку в кофе добавь. Грамм пятьдесят.

— «Городские Новости»! С вами, Марина-а Сенокос! — свешивая ноги из двери вертолёт, прокричала в микрофон худощавая деваха в зелёной вязаной шапочке.

— Натуральная ведьма, — сказал один из посетителей кафе.

— Веяние времени. Ведьмы теперь летают на вертолётах, — сказал второй посетитель. — Это факт. Смотри, сколько железа на ней.

Тонкие губы Марины Сенокос блестели пурпурной помадой, уши и нос были утыканы блестящими бусинками, на обнажённом пупке болтались золотые шарики, вокруг глаз, залезая на лоб и впалые щеки, бушевали светло-зелёные тени, обведённые фиолетовым ободком.

— Я бы с ней полетал, не смотря на железо и раскраску, — мечтательно потянулся первый. — И подержался за её длинные особенности.

— Такие летают с другими парнями, — заметил второй. — И за эти самые длинные особенности держатся тоже другие парни.

— Догадалась брючки одеть, — сказал третий посетитель, — но в юбке было бы интересней.

— И так интересно, — сказал первый посетитель, — брючки прозрачные. Я, наверно, не буду дальше смотреть, поеду на работу, у меня секретарша приходит раньше всех.

— Там, внизу-у!.. — надрывалась Марина Сенокос. — Буквально несколько минут назад, был застрелен, зверски убит один из наших лучших секретных агентов капитан Михаил Шпарин. Сейчас мы покажем его фотографию, любезно предоставленную нашим информатором из Департамента Тайных Операций. Студия! Картинку, пожалуйста.

Допивая кофе, полицейский поперхнулся и, уронив чашку на пол, бросился на выход.

— Константин!.. — заорал он, выбегая из кафе. — В машину! Заводи!.. Я только что видел живой труп!

— Виталик! Ты сдурел? — забираясь на водительское сиденье, спросил напарник.

— Гони на Ведерникова. Он поехал туда. Сам, лично, отпустил. Гони!.. Гони, Костя!

— Ну, Виталик! — сказал Константин, разворачивая машину на месте и распугивая прохожих. От визжащих покрышек пошёл дым. — Ну, Виталик! Если не он, смотри, получим по башке. Могут и уволить без выходного пособия.

— Он! Он!.. Вот фото. Вот запись с камеры. Я стою рядом и проверяю документы.

— Докладывает патруль «778»! — склонив голову к рации, крикнул полицейский по имени Константин и включил сирену. — Подозреваемый едет по Ведерникова в синем такси. Номер... Какой номер?

— ГТ4567ГТ, — подсказал, посмотрев на стоп-кадр, полицейский по имени Виталий.

— Говорит Оперативный Дежурный по городу. План «Перехват». Всем свободным патрульным машинам! — заверещала полицейская рация. — Центральный округ. Синее городское такси, номер...

— Тело капитана сейчас увезут в Центральный Госпиталь для проведения дальнейших следственных действий, — тараторила Марина Сенокос, опасно свешиваясь из двери вертолёт. — Внизу вы можете наблюдать дом, в котором до недавнего времени жил наш разведчик и машину, где он был жестоко убит. По предварительным данным его застрелил директор сельской школы в посёлке «Прирубский» Березовского Уезда. Подозреваемый позвонил в полицию с железнодорожного вокзала, осознав, вероятно, всю чудовищность своего преступления. Вся страна и мы вместе с ней скорбим о погибшем. Внизу...

Внизу было тесно. Машины со спецсигналами запрудили двор дома номер 24. По двору сновали полицейские. В доме шли повальные обыски. Внизу, плечом к плечу с генералом Белкиным, Начальником Полиции Губернаторска, стоял Древака. Оба генерала, задрав головы, разглядывали красный вертолёт парящий над головами.

— Какая техника! — восхитился Начальник Полиции. — Какие короткие лопасти! Круг едва выступает за фюзеляж. Как он в воздухе держится? Мощная машина! Находит же деньги

телевизионное начальство на такие вертолёты. Наши просто поганые, никакого сравнения. За версту слышно. А тот, второй, над этим, вообще тих, как привидение. Я его только заметил. Фёдор Максимович, поставь вопрос перед Департаментом. Пусть приобретут несколько штук у потенциального противника.

— Слушай, Белкин... — скалясь на Марину Сенокос, сказал Древака. — Размалёваннук девку надо спустить с небес. Выдает государственные тайны в эфир. Пусть пальнет вверх кто-нибудь из твоих. Случайный выстрел — и конец утечке секретной информации.

— Удумал! Пошарь среди своих. Как пресса узнала об убийстве и появилась на месте преступления раньше нас?

— Не знаю, как она узнала! Достала эта Марина.

— Международный скандал! Конфедераты и остальные взвоют. Душим свободу прессы, вернее сбиваем, а они как-никак третья и четвертая власть одновременно.

— Ты прав, Дима. Только международного скандала не хватало. И так всё идет кувырком. Про первые две власти я знаю. Это Генерал-Губернатор и мы. А кто остальные?

— Эти проститутки.

Начальник Полиции кивнул вверх. Древака оставил кобуру в покое.

— Зависли бы чуть пониже, я бы сам стащил её вниз за длинные ноги.

— Прессу трогать нельзя. Табу. Обязательства. Реверанс в сторону мирового сообщества. И так обвиняют во всех смертных грехах.

— А плевать я хотел на мировое сообщество и обязательства! Кстати? Когда у нас следующая банька? — спросил Древака, разглядывая особенные половые признаки Марины Сенокос.

— Пока не знаю, — ответил Начальник Полиции. — Хотели в следующую субботу. Но Инеев не в себе, рехнулся малость. Осокин сидит за городом и ласкает геморрой. Веткин разводится. Ему некогда. Жена откуда-то узнала про наших молодых певичек и настучала Генерал-Губернатору. Тот приказал немедленно решить вопрос. Вот он и решает. Зеленуха... Зеленуха в трансе. У него на маневрах пропали танк и рота пехотинцев.

— Хватит, Марина! — сказал оператор, затаскивая девушку внутрь салона. — Выпадешь.

— Дорогие зрители! Мы заканчиваем репортаж. Спецвыпуск в девять часов и вы узнаете новые подробности этого замечательного события. Простите, происшествия. С вами была Марина-а Сенокос.

— Полетели отсюда, — сказала девушка. — Пора пожевать. Поднялись чуть свет. Толик, включи запись, посмотрим, как получилось.

Марина просмотрела запись и поправила шапочку.

— Всё выглядит отлично.

— Сексуально, — подтвердил оператор.

К Древаке и Начальнику Полиции с рацией в руке подбежал полицейский лейтенант.

— Лейтенант Дуреев! Только что доложили. Убитый едет в такси по улице Ведерникова. Введён план «Перехват».

— Кто едет по Ведерникова?! — воскликнул Древака.

— Труп, господин генерал, — сказал лейтенант. — Вон тот, из мешка.

На каталке два санитары везли пластиковый мешок с телом погибшего.

— Ты и впрямь одурел, Дуреев! Как труп может ехать на такси? — возмутился Начальник Полиции. — Пойдешь улицы сторожить! Или подметать. Готовь метёлку.

— Патруль опознал труп.

— Стоять! — приказал Древака санитарам. — Открывайте.

Санитары расстегнули молнию.

— Снимайте штаны.

— Кому... Кому снимать!?! — испуганно вскрикнули санитары.

— Не мне же. Боевому товарищу. Переворачивайте товарища и снимайте с него штаны.

— Зря камеры выключили, — удивлённо хмыкнул пилот вертолётца. — Самое интересное начинается. Полиция снимает штанишки

— Уже? Поняли, что обделались? Мы были первые, — сказала Марина Сенокос.

— С трупа. Вижу голый зад.

— Толик, врубай камеры! — скомандовала девушка. — Мы остаёмся! Направь на генерала микрофон. Звук на полную!

Древака протянул руку к трупу и указательным пальцем потёр родинки.

— Я бы этих медиков... Не могут правильно составить медкарту агента. Дима! «Труп» необходимо поймать! Этот парень профессионал и настоящая зараза. Я его недооценил. Но взять надо живым, по возможности.

— Что он делает? Пишет на заднице трупа? — удивилась Марина Сенокос. — Снимай, снимай...

— Автограф ставит, — сказал оператор. — Ничего святого.

— Э-эй!.. — крикнула Марина. — Вы и мне автограф нарисуйте, на том же месте.

Не поднимая головы, Древака оскалился и повернулся к рыжеусому майору.

— И ты, Супонев, подключайся. Не упусти в этот раз. Бегом к машине и мотай на Ведерникова. Белкин, где твои поганые вертолётцы? Дима! Там же рядом полицейская школа. Поднимай курсантов в ружьё. Пусть оцепят и прочешут квартал. Раздайте курсантам фотографии.

— Откуда фотографии? — спросил Начальник Полиции.

— Пусть им дадут посмотреть «Новости». На всех каналах физиономия «трупа».

Шпарин рванул дверь белой машины с чёрной крышей, упал на пассажирское сиденье и гаркнул:

— Петя! Ты почему не уехал?

— Велено ждать, — ответил Додоня и ткнул пальцем в экран на панели приборов. — Вас убили! По телевизору показывают. Убили, а теперь ищут. А коробочка ваша с лошадкой за барную стойку свалилась, когда суматоха началась. А девушка в платье на улицу выскочила. Когда дверь открывал, она и ломанулась, выскочила, то есть.

Появились полицейские курсанты.

— Кого искать? — спрашивали курсанты у сержантов. — Труп искать? Зачем его искать, если он помер? Совсем начальство обалдело.

В центре перекрёстка остановился зелёный джип с «медвежьей» мордой на капоте. Из автомобиля выскочил рыжеусый майор и заорал:

— Майор Супонев! Кто старший? Перегораживайте улицу, сержант, ставьте машины вплотную. Чтобы мышь не проскочила! Увидите смазливового мужика с лицом трупа, валите, не раздумывая! Это пособник конфедератов. И связь мне с той группой, на той стороне.

— Они из другого взвода. Нет с ними связи. Мы их не слышим, — доложил сержант. — У нас радиации работают на другой частоте.

— Как это так — на другой?

— А я откуда знаю? — ухмыльнулся сержант. — Такие выдали.

— Вперёд! — скомандовал Супонев, забираясь на капот машины. — Я буду руководить отсюда.

— Поднимайся выше, — скомандовала пилоту Марина Сенокос. — Чуть не пропустили самое интересное. Полиция носится по всему центру. Туда, сюда... Туда, сюда. Кого-то ловят.

Шпарин вытащил из пакета пачку банкнот, положил в карман рубашки, поиграл желваками и взял Додоню за плечо.

— Будем считать — проверку ты прошёл. Начинаются настоящие неприятности. Сейчас я уйду, пока они не заприметили и тебя. Запоминай. Поедешь на «Сонную Горку». На другой машине. Наймёшь. С водителем не болтать. Доедешь до... соседской деревни. Оттуда до посёлка недалеко. Километра два. Дальше пешком. Найдешь особняк под номером 69. Он у самого леса. Скажи лейтенанту и чернявому дяде в возрасте, что я живой и скоро приеду. Пусть сидят тихо. Понял? Забери пакет. Там деньги.

— Без оружия не прорваться! Гранатомёт или автомат возьмите. Гранаты, почти полный ящик. Ваши оставили, когда уезжали. Давайте, я с вами!

— У тебя уже есть задание. Пока, запасливый сержант!

Шпарин открыл багажник, вытащил автомат, сунул по две гранаты в карманы брюк, повесил трубу гранатомёта за спину, автомат положил на плечо и пошёл по середине улице навстречу полицейским курсантам.

— Вон кого они ловят! — сказала Марина Сенокос. — Видите парня в чёрной рубашке? Обвешан оружием. Красивый мужчина. Даже отсюда вижу. Люблю красивых мужчин с оружием. Будет бойня! Толик, дай максимальное увеличение.

— Не понял! Это же наш убитый секретный агент. Труп из мешка, — сказал оператор. — Мы его пять минут назад снимали.

— Не может быть. Не верю своим глазёнкам. Ближе, ближе... Точно он. Какой красивенький трупик! Такой отчаянный и несчастненький. Смотри, как головкой по сторонам вертит. Сейчас ему второй раз придёт конец. Я начинаю заводиться... Снимай, Толик! Что он вытворяет? Ненормальный!

— Нормальные трупы с автоматами по улицам не разгуливают. Даже ночью, даже на кладбище, а уж утром и подавно. Даже у нас в стране. Но ему всё равно, — сказал оператор. — Он так и так мёртвый. Начнут палить друг в друга и его застрелят. Изрешетят. Дурачок.

— Не... Тут что-то не так, — задумалась девушка. — Я тоже ничего не понимаю. Голос был такой, будто собралась в петлю лезть. Что-то у неё с этим трупом произошло! Или с ними... Только дошло!.. Они, наверное, братья. Точна-а. Любовный треугольник. Кто-то кого-то застрелил. Тут замешана несчастная любовь! Как интересна-а... До жути пробирает. Просто сгораю от любопытства. Позвонила и спросила: «Марина, хочешь эксклюзив? Настоящую сенсацию?». Я, конечно, сказала, что очень хочу. Давно ничего не происходит. А тут оказывается много чего происходит. Два трупа. Один очень живой. Может она ему мстит?.. Я не хочу, чтобы парень в чёрной рубашке достался полиции! Я им его не отдам! — вдруг решила Марина Сенокос. — Этим гадским полицейским.

— Это ты ненормальная, — сказал оператор. — Стоит увидеть симпатичного мужика, сразу развиваешь необыкновенную деятельность. От тебя никто не уходил, если решишь.

— Никто. Если решу. Будем брать красавчика живьём, пока действительно не грохнули. Эксклюзив так эксклюзив.

— На десять минут второго полицейский вертолет! — доложил пилот. — Зря я с вами полетел.

Увидев мужчину с гранатомётом и автоматом, курсанты замерли. Остановился и Шпарин. В мгновение ока улица опустела. Прохожие моментально испарились. Первые этажи зданий превратились в маленькие крепости. На окна опустились металлические решетки. Курсанты в концах улицы выстроились в линии и, прикрываясь щитами, двинулись вперед. Шпарин повесил автомат на грудь, вытащил гранаты из карманов, утопил детонаторы и катнул гранаты вдоль тротуаров. Взрывы. Шум. Треск. Светящиеся брызги. Плотные струи дыма поднялись вверх, растеклись по асфальту и понеслись к полицейским курсантам.

— Не стрелять! — останавливаясь, закричали курсанты. — Не стрелять! Перебьём друг друга. Никуда не денется!

Дым заволок улицу и поднялся до крыш зданий. Шпарин бросил последнюю гранату и передёрнул затвор автомата.

Додоня натолкал гранат в карманы костюма, перебежал к баррикаде и, прячась за автомобилем у тротуара, стал метать гранаты в курсантов. Курсанты побросали щиты, обратились в бегство и, перепрыгивая через машины, скрылись за баррикадой.

Шпарин уткнулся в стену дома, нашарил дверь и попытался открыть.

Поднялся ветер.

Супонев вытащил из кобуры пистолет и перебрался на крышу джипа.

— Вперед, трусливые муфлоны! Я его вижу! В атаку!

— Тебе надо, ты и иди, — бросил кто-то из курсантов. — Сам муфлон красномордый.

— Садись! — приказала Марина пилоту. — Садись, Сева! Туда, где стоит наш красавчик.

Дома трёхэтажные, улица широкая, впишешься. Генерал говорил о казино. Точна-а... Это он его ограбил. Казино, убийство, любовь. Мужчина, настоящий мужчина, наконец, я тебя нашла!

— Не буду, — отказался пилот. — Там же война. Пекло.

— Садись! Я думала ты мужик!

У пилота задёргалось щека.

— Твой мужик с автоматом бегаёт внизу. А я жить хочу.

— Уваливай с кресла! Отдай мне управление.

— Шутишь, озабоченная? — ухмыльнулся пилот. — Вертолёт — это тебе не языком болтать!

— Ты уволен! Покинь место работы. Пошёл вон, козёл!

В едком тумане гудел и издавал свистящие звуки огромный шмель. Туман над головой рассеялся, и Шпарин увидел вертолётное брюхо, вращающееся вокруг оси. Из красного шмеля вывалился орущий мужчина с прилипшей к заднице женской туфелькой. Вертолёт прекратил вращение и красное брюхо опустилось ниже. Из открытой двери выплянула седая голова.

— Дымно у вас здесь! Война идёт! — крикнула голова, снимая наушники, и закашляла.

— Вы тоже не скучаете! — крикнул Шпарин. — Почему раненых выбрасываете?

— Это не наш! Наш заболел! Этого взяли на подмену! Предатель!

— Правильно! — моргая и морщась, крикнул Шпарин. — От предателей нужно избавляться! Вы тут по какому делу?

— Тобой интересуется одна дама! Хочет взять интервью! Бросай свой арсенал и

запрыгивай!

— На интервью я согласен, — согласился Шпарин, вытащил туфельку из стонущего «предателя», бросил гранатомёт на асфальт, бросил автомат внутрь и залез в вертолёт.

— Взлетаем! — крикнул оператор. — «Эксклюзив» на борту!

— Спасибо! — поблагодарил Шпарин, усаживаясь на пол, застеленный красным ковром, и потер слезящиеся глаза. — Вырвали из лап. Премного благодарен. Вы кто будете? Из каких структур? Надписи на борту и брюхе, я так понимаю, для простачков? Дурилка?

— Телевидение! Тебе же сказали: интервью! — сказал женским голосом длинноволосый пилот в зелёной шапочке и обернулся.

— Не-ет!.. Я с вами не полечу. У меня закончились мои истрёпанные нервы.

Шпарин сдвинулся к двери, свесил ноги, собираясь прыгнуть, и посмотрел вниз. Дымовая завеса таяла. У машин стоял Додоня. На крыше джипа стоял офицер в майорских погонах. Майор положил ствол пистолета на предплечье и начал стрелять.

Первая пуля вырвала клоч волос, вторая чиркнула по виску, от других Додоня увернулся и побежал к белой машине с чёрной крышей. У автомобиля разлетелись фара и лобовое стекло.

— Вот, значит, как? — прошептал Додоня, вытаскивая из багажника гранатомёт. — Три зуба!.. Теперь глаз чуть не выбил, причёску попортил, стёкла побил.

— Ложись! — завопил сержант, разглядев зелёную трубу, наведённую на баррикаду.

Додоня забросил гранатомёт за спину и, прижимая пакет к груди, проскочил сквозь горящий проход, проделанный в баррикаде.

— Не пожглись? — спросил он у сержанта сидящего у закопчённой стены дома. — Все живые? Не будете дороги перегораживать, мешать ходить хорошим людям. А где рыжий майор?

Сержант показал глазами на небо и перевёл взгляд на тротуар.

— Где-то там, а голова вон там.

Додоня склонился к голове майора. Оторванная голова дико вращала глазами и открывала рот.

— Никак не сдохнешь, особист! — сказал Додоня, поднимая ногу.

Вертолёт набрал высоту, улица отдалилась, под ногами Шпарина понеслись крыши домов.

— Возьмите обувь, — возвращая ноги в вертолёт, сказал Шпарин и бросил к кабине туфельку. — Куда летим?

— В безопасное место. В маленький особнячок за городом, — ответила пилот. — Расскажешь, кто ты и что ты, про казино. Станешь звездой телеэкрана, прославишься. Если снова не убьют.

— Я уже прославился. Скажете, когда соберётесь с мыслями.

— Не дурак, — проронил оператор. — Но нахал.

— Нахал, — согласилась Марина. — Симпатичненький нахалёночек. Измученный и несчастненький. Пригрею на груди. Мне подруга говорила, что мужчины перед смертью очень страстные, стараются наверстать упущенное. Но этого красавчика мне почему-то ещё и очень жалко.

— И почему вы, женщины, без ума от всяких подозрительных личностей? — покачал головой оператор. — Таких вот красавчиков?

— В них есть тайна. Тайны влекут женщин.

— Я всё слышу, — сказал Шпарин, ворочаясь на полу. — Тайны всех влекут, но у меня тайн нет и мне не спится. Ваш ковёрчик жестковат.

— Могу предложить кровать у меня дома. Она мягкая, — сказала Марина, закладывая вираж над улицей. — Город в огне! Снимай, Толик!

— Курсанты ведут бой с превосходящими силами противника. Улица Ведерникова горит, — доложил лейтенант Дуреев.

— Врут! Белкин, где твои поганые вертолёты? — зловеще поинтересовался Древака.

— Вертолёты над центром города. Патрули прочёсывают Ведерникова, — доложил лейтенант, отнимая рацию от уха. — Обнаружен пилот «Новостей».

— Где «труп»?

— «Новости» забрали «труп».

— А майор? Где майор? — спросил Древака.

— Обнаружена голова майора с куском материи в зубах. Предположительно от мужских брюк. Остального майора нигде нет.

Заверещала рация.

— Нападение на инкассаторскую машину Главного Казначейства, — доложил полицейский лейтенант. — Патрули ведут перестрелку. Двое убиты и трое ранены. Грабители скрылись на чёрном вертолёте.

— Ничего себе утро воскресного дня началось, — простонал Начальник Полиции. — Хотели с женой поехать на торжественный приём во дворец Генерал-Губернатора. Съездил!

— «Новости» посадить! Не сядут — сбивайте! — рывкнул Древака. — Поедешь. Там и отрапортуешь об уничтожении опасного преступника.

— Над городом сбивать нельзя. Будут жертвы. Народ неправильно поймёт.

— Тогда за городом. И когда это ты про народ думал? Надо ехать в Департамент и брать руководство операцией в свои руки. Я тут как карась на сковородке.

— Как змей! — сказал Начальник Полиции. — Не советую, Федя! Разглашение секретной информации. Оживший мертвец. Ничего не хочешь рассказать?

— Ничего, Дима!

— Выдадим версию о психе-одиночке. Верхнее начальство поднимет на смех. Не смогли справиться с простой ситуацией. Поймать какого-то засранца. Устроил тарарам в центре города. Могут и отрешить от должности.

— Всё равно узнают.

— Узнают, но потом, когда дело сделаем, разговор будет другой. Какой-то ты расстроенный, на себя не похож. Бывали ситуации похуже. Пойдём, Фёдор Максимович, в мою машину, у меня там связь и телевизор.

— И в моей связь и телевизор.

— В твоей коньяку нет.

— Нет, — вздохнул Древака. — Ни водки, ни коньяку. Но утро же.

— Пойдем, Федя! Ты сейчас лопнешь от злости.

— Сволочь, сволочь, сволочь!.. — дёргая ручки машин, причитал Додоня, мчась по улице с пакетом в руке и гранатомётом за спиной. — Новые штаны испортила, от нового костюма. Чуть ногу не отгрызла, тварь! И не буду я никого нанимать. Сам доеду. Нечего деньги тратить. Заперта, заперта и эта заперта!..

— Родственник! — позвали из такси. — Иди сюда! Смотрю — пакет знакомый. Иди

быстрее, садись в авто.

— Зачем? — останавливаясь, спросил Додоня.

— Затем! — сказал таксист, высовываясь из окна. — Я друг. Твою конопатую морду показывают по всем каналам. А где другой «родственник»? Погонялов-Шпарин? И его показывают.

Додоня снял гранатомёт, бросил в багажник, пакет поставил на заднее сиденье и залез в машину на переднее.

— Знать не знаю никакого Пагоняла! И я не родственник.

— «Родственник» — подпольная кличка. Я догадался. Ну вы, ребята, даёте! — восторженно сказал таксист. — Дали прикурить гадам. Революция!? Давно пора! Я с вами!.. Сразу понял — он необычный парень. Куда везти? Где ваш штаб?

— Так я тебе и сказал! Друг? Знаешь капитана? Тогда поехали в деревню, к родне. Надо отлежаться.

— И не надо говорить. Понимаю, — таксист серьёзно покивал. — Конспирация! Значит, Капитан? Настоящие парни поднимают головы! Сейчас аптечку достану, весь кровью заляпался.

Глава 7. Марина

Глава 7. Марина.

— Как там мой спасённый мужчина, спит?

— Не спит, — ответил Шпарин. — И я не ваш мужчина.

— Скоро будешь, — обрадовал его оператор. — Она не шутит.

— Не буду! Возьмёте интервью — расскажу пару историй, высадите меня в тихом месте, и я отправлюсь отсыпаться после безумной ночи и такого же утра.

— А-а!.. Что я говорила! — воскликнула Марина. — Треугольник, убийство, любовь!

— Может поспорим? — сказал оператор. — Мы работаем вместе целый год, и я не помню ни одного случая, когда бы она своего не добилась. Мужиков собирает, как марки и укладывает в альбомы.

— В альковы, — буркнула Марина. — Но это надо заслужить! И только симпатичных, редких, настоящих мужчин. Они, к сожалению, не часто встречаются.

— Да, это так, — подтвердил оператор. — Она очень разборчивая. Не смотря на молодость, вид и манеры.

— Хобби такое? — подозрительно спросил Шпарин. — Я тоже заядлый хоббист. И специализируюсь на умных, красивых, с хорошими фигурами.

— А я какая? — обиделась Марина.

— Летающий, простите... Ужас! — высказался Шпарин в сердцах.

— Толик! Выброси его из вертолёт!

— А интервью? Вы поладите! — вмешался оператор. — А ты не хаами! К ней надс присмотреться.

— Уже присмотрелся.

— Толик!.. — заорал «Летающий Ужас». — Выбрасывай!..

— Как? У него автомат.

— «Борт 1714», «Городские Новости»! С вами говорит полицейский «Борт 3406». «Борт 1714»! Следуйте за мной!».

— Сейчас шандарахнут и прощай твои безумные репортажи, Марина. И я вместе с ними. — простонал оператор.

Марина показала полицейскому вертолёту вытянутый палец.

— Не шандарахнут! Прессу трогать нельзя. Запрещено Международным Соглашением.

— Сзади ещё один. Куда нас ведут? Мы уже за городом.

— За городом и шандарахнут. Отведут подальше и шандарахнут, как пить дать. Я опаснейший преступник, — сказал Шпарин. — Таких, как я, в плен не берут.

— Не мой мужчина, хватай автомат и целйся в меня! — приказал «Летающий Ужас». — А ты, Толик, свяжись со студией. Пусть дают заставку. Выходим в эфир. Крупный план, — сказала Марина и заплакала. — Начали-и-и...

— Простите! — растеряно сказал Шпарин. — Простите. Не хотел обидеть, вырвалось...

— Заткнись! — крикнул оператор. — Говорить будешь, когда скажут! Появилась заставка... Наложение... Поехали!

— С вами снова «Летающий Ужас», простите, Марина Сенокос! И простите за опоздание с выходом в эфир. Непредвиденные обстоятельства! Видите на моем лице слёзы? Я не зря упомянула об ужасе. Нас захватил в заложники секретный агент Михаил Шпарин.

Непонятным образом после убийства он ожил, сбежал из труповозки и напал на наш вертолёт, когда мы со съёмочной группой сели на улице Ведерникова выпить кофе. Мы заложники!

— Я её убью! — сказал Шпарин, поднимая автомат.

— Видите, дорогие телезрители-и! Видите-е!.. — крикнула девушка. — Угрожает! Мы еле уговорили его дать нам возможность выйти в эфир и рассказать, что происходит на самом деле.

— Говори, — сказал оператор, толкая Шпарина.

— Что?

— Что хочешь, — прошипел оператор. — Чем больше наврёшь, тем лучше. Но лучше по существу вопроса.

— Граждане!.. — с подъёмом начал Шпарин. — Я, Шпарин Михаил Иванович, некоторым образом брат убитого сегодня утром секретного агента Шпарина. Захватом вертолёта я выражаю протест против военного произвола в нашей многострадальной стране и призываю всех честных людей сплотиться и дать отпор зарвавшейся военщине. Торжественно обещаю милому экипажу «Летающих Новостей» и народу Волшебного... простите, Соединённого Губернаторства, до конца всей своей несчастной жизни бороться с ненавистным режимом, проводящим изуверские опыты над собственным населением.

Шпарин бросил взгляд на девушку.

— Давай, давай! Молодец! У собственного населения сейчас челюсти отвисли. Вся страна у телевизоров. Мы первые! Я начинаю тебя прощать.

— В ближайшее время нас ждут большие перемены, — обнадёжил население Шпарин. — Всенародное восстание. Мы хотим быть хозяевами своих жизней. Приобретайте оружие, вступайте в отряды сопротивления. Пункты по бесплатной раздаче оружия скоро откроются по всей стране. Все на борьбу с хунтой! Ура-а!.. Ура, товарищи!..

— Достаточно? — спросил Шпарин.

— Достаточно?! — взвыл оператор. — Ах ты, гад!

— Сами просили. Что хотели, то и получили. По су-ще-ст-ву. Все чистая правда.

— Теперь точно собьют! Разнесут на клочки. Отдай автомат, сволочь!

— Не собьют, не имеют права, — занервничала Марина. — Но ты, «эксклюзив», переборщил.

Начальник Полиции раздавил пустой стакан. Древака посмотрел на свой и выбросил в окно машины.

— Заканчивайте, — сказал он тихо. — Сбивайте. Хватит ему бороться. Обвёл вокруг пальца. Знать, что так обернётся, сам бы в спецкресле на Базе удавил.

— Поздно, — простонал Начальник Полиции, махая окровавленной ладонью. — Все всё видели и слышали. Вся страна.

— Сбивайте! — приказал Древака. — Чтобы и духу от них не осталось.

Летающий впереди «Новостей» вертолёт отвалил в сторону. Летящий сзади догнал и пошёл параллельным курсом. Стрелок в открытой двери припал к прицелу пулемёта.

— «Борт 3406» — «Борту 1714»! Приказываю выключить камеры и прекратить передачу».

— Марина!.. — завопил оператор, показывая рукой на полицейский вертолёт. — Нам конец!

— Перестарался, «хоббист»! Кто тебя за язык тянул?

— Вы и потянули! — возмутился Шпарин. — Давай, давай...

— Надо было как-нибудь по-другому «давай, давай». Не про «хунту» и восстание, — сказала девушка, заливаясь слезами. — Я такая молодая...

— Извините, — Шпарин поцокал языком. — Никак не могу определиться с вашим возрастом. И краситься так нельзя. Но для вашего корпоративчика в самый раз.

— Это для какого такого корпоративчика? — прекращая плакать, насторожился «Летающий Ужас».

— Для Ведьмовской Вечеринки. Шабаш называется. Слёт баб с метлами. Там, мне кажется, вы будете среди своих.

— Толи-ик... — рыдала Марина. — Пусть перестанет, скажи ему...

— Жалко девчонку, Костя! — сказал стрелку пилот полицейского вертолётца. — Без неё скучно будет.

— Жалко, Виталик, — прицеливаясь, согласился стрелок. — Талант. Но приказ. Хорошая была репортёрша, заводная. Я все ее ролики пересматриваю. Видел, как она в ночном клубе танцует со стриптизершами?

— погоди, — остановил его пилот. — У них что-то происходит!

— То давай, то не давай, — сказал Шпарин, бросая вниз автомат. — Подышу свежим воздухом. Сделаю несколько длинных, глубоких вдохов. Подумаю о смысле жизни. Самое время. И кое-что ещё раз проверю! Вы меня уже достали!.. — вдруг заорал он. — Что вам всем от меня надо?.. Чего вы ко мне пристали? Больше не к кому-у-у-у...

— Ты куда!?! — крикнула Марина, округляя глаза. — А-а?!

— Теперь не собьют! — сказал оператор. — Прощай, «экссклюзив»!

Пилот и стрелок проследили за Шпариним летящим к земле и переглянулись.

— «Борт 3406» — «Оперативному»! Подозреваемый прыгнул с борта «Новостей».

— «Оперативный» — «Борту 3406». Как прыгнул?».

— «Борт 3406» — «Оперативному»! Сиганул вниз, летит с ускорением к земле. Задание выполнять?

— «Оперативный» — «Борту 3406». Приказ отменяется. Проверьте, как там подозреваемый и возвращайтесь».

— «Борт 3406» — «Оперативному»! Вас понял.

«Борт 3406» лёг на обратный курс. Пилот отключил связь с «землёй».

— Домой, Костя. Внизу озеро. При падении с такой высоты вода не хуже бетона, — сказал пилот и щёлкнул тангентой. — «Борт 3406» — «Оперативному». Проверили. Подозреваемый «труп» обнаружен в виде трупа.

Полицейский лейтенант перевязывал Начальнику Полиции окровавленную кисть.

— Неприятности кончились, Фёдор Максимович! Твой некоторым образом брат убитого Шпарина только что покинул «Городские Новости» и, кажется, наш бранный мир тоже.

— Прекрасно! — сказал Древака. — А с этой подругой мы побеседуем немного позже. После праздника побеседуем.

— Если у тебя до неё дойдут руки.

— Дойдут, я про эту Марину не забуду.

— Да, Фёдя, забыть нам не дадут!

— Белкин? Есть посуда целая? — спросил Древака. — Наливай, Дима. У Стасика сегодня день рождения. Восемнадцать.

— Долго летит.

— Восходящие потоки притормаживают.

— Смеёшься?

— Сейчас приводнится.

— Самоубийца! Нашёл место. Можно и другим способом. Необязательно забираться в вертолёт, прыгать в озеро и пугать нам рыбу.

— Парашют не раскрылся. Скорее всего.

— Какой парашют... Он без парашюта.

Шпарин с резким всплеском стрелой ушёл под воду. Рыбацкую лодку качнуло небольшой волной.

— Булькнул. Гребки к берегу, всё настроение испортил.

— Всплыл.

Рыбаки переглянулись, посмотрели в небо и перевели взгляды на воду. Седобородый рыбак запустил пальцы в густую растительность на лице. Рыбак помоложе снял очки и протёр стекла носовым платком.

— Ну и что? В лепёшку. Ему не поможешь.

— Шевелится. Пузыри пускает. За сеть зацепился.

— Чудеса! Повезло парню. Один шанс на миллион. Давай к нему. Вытаскиваем... Осторожно. Клади... Голову, голову...

— Я на каком свете? — спросил Шпарин, открывая глаза. — Вода зелёная-презелёная. Вы водяные? Я думал у водяных и бороды зелёные.

— Водяные. А ты дельфин воздушный. Не утоп, не переломался. Шутки шутит. Ну и дела!

На берегу бревенчатые домики. Сарайчики. Грузовичок. Раздолбанный и ржавый. Дымит затухающий костерок. Лодка ткнулась бортом в деревянный причал.

— Идти можешь?

— Попробую.

Шпарин, качаясь, добрёл до костра, упал на четвереньки и долго выплевывал воду. Седобородый рыбак развесил мокрую одежду на жерди у костра и бросил на песок старые куртку и сапоги.

— Раздевайся. Наденешь этот зипунишко. Зипунишко засаленный, но тёпленький, согреешься, пока одежонка твоя подсохнет. Налезли сапожки? Чёрная рубашка, чёрные брючки. Вырядился, как на похороны. Что так? Несчастливая любовь? В твои годы от неё с жизнью не кончают. Башка седая, а туда же.

Шпарин схватился за мокрые волосы.

— Переволновался. Мы не встречались? — спросил он у седобородого. — Ваше лицо... Глаза голубые, такие пронзительные, бородища седая.

— Не встречались. Ты что, баба, мои глаза разглядывать? А волноваться вредно. Болезни всякие от волнений приключаются. Почему из вертолёта вышел?

— Случайно вывалился.

— Не ври! Случайно из вертолётов не вываливаются.

— Поскандалил с начальством. Недопонимание по очень существенным вопросам. Хотел поугаить и...

— Какое нехорошее начальство, ничего не понимает. Вон вертолёт летит. Не тебя ищут? Твоё нехорошее начальство.

Шпарин посмотрел на вертолёт над водой и пополз к постройкам.

— Какие апартаменты можно занять?

— Никакие. Тебе заметили. Летят к нам.

Красный вертолёт сел на песчаную косу в ста метрах от бивака рыбаков. Из вертолёта выскочила босая девушка в зелёной курточке и побежала к причалу.

— От такого начальства я бы не выпрыгнул. Подумаешь, несколько блестящих железяк, — сказал седобородый рыбак, глядя на бегущую девушку. — Ничего себе форма на работе!

— Лёгкая, — добавил рыбак в очках. — У вас все женщины на работе без юбок? И проблема, кажется, не в недопонимании. И начальство не бывшее. И начальство плачет, даже не плачет, рыдает. Это немного странно. Тем более, что начальство зовут Марина Сенокос. Дело в чём-то другом. Почему вас полиция сопровождала?

— На пресноводных рыбаков вы не похожи, ребята. Широкий кругозор. Знаете о дельфинах, правильная речь, не свойственная представителям вашей профессии, если вы, конечно, не получили другое образование, не на озере.

— Все смотрят телевизор, — сказал рыбак. — Некоторые индивидуумы даже читают книги, а некоторые — пишут научные работы.

— До границы далеко? — стоя на карачках, осведомился Шпарин. — Пожалуйста, отвезите меня к границе.

Девушка добежала до рыбаков и ударила Шпарина кулачком по спине.

— Я тебе отвезу-у! Вставай-ай! Пошли... Поднимайся-а...

— Не могу. Морально изувечен. Долго летел и думал о смысле жизни. Мне кажется в ней нет никакого смысла. Вы почему до сих пор плачете, «мурзилка»?

«Мурзилка» рывком подняла Шпарина, поставила на ноги и бешено сверкнула зелёными глазами в маске размазанной косметики.

— Вы с ним поосторожнее. У него всё-таки стресс. Вы нам прыгуна не оставите для компании? Отметим новый день рождения. Двойной получится праздник. Ему есть, что рассказать. А мы бы растолковали, как правильно жить в нашем сложном мире, бороться с химерами и остаться в живых.

— Для компании я вам кое-кого пришлю.

— Нормальный мужик?

— Нормальный!

— А этот, ненормальный?

— А этот ненормальный мне самой нужен. Где одежда? Я её забираю. Пошли, прыгун безумный!

— Послушайте, «Утренняя Звезда»! — сказал Шпарин и сел на песок. — Ну на какой несчастный случай я вам нужен? Со мной одни неприятности. Я приношу женщинам несчастье. Они остаются с разбитыми сердцами и без малейшей веры в другую половину человечества, как, впрочем, и я. Я вернусь к своим спасителям, мы пофилософствуем о смысле жизни, на другие актуальные темы. А вы летите к себе домой и будьте счастливы.

Девушка упала на колени и взяла в ладони лицо Шпарина.

— Ты это сделал ради меня? Прыгнул... Ради меня?

— Ни к чему погибать такой девушке. Сейчас я вас внимательно рассмотрел и понял, что ошибся. Фигурка изумительная. Потрясающая. Даже появилось желание жить дальше.

— Уже лучше. Ещё чуть-чуть и я тебя прощу.

Оператор сидел на корточках возле вертолёта и, улыбаясь, смотрел на Шпарина

бредущего за девушкой.

— Пока ты бегала за «эксклюзивом», я побродил по каналам. Все стоят на ушах. В городе кое-где начались волнения. Наши рейтинги выше облаков. Начальство довольно, но слегка напугано, если не сказать больше. Советует взять отпуск, пока уляжется шум. Как он жив остался?

— Как-то остался. По-моему, он уже ко мне равнодушен, к тому же запутался в своем сложном восприятии мира и тщательно это скрывает. Что-то глубоко запрятано, но иногда прорывается. Не хочет признаться самому себе.

— Я ошибся?.. — удивлённо пробормотал Шпарин. — Определённо. Она умна не по возрасту.

— Дошло, наконец! Придётся над тобой поработать. Над восприятием очевидного.

— Скоропалительное признание ошибок — не мой стиль. Я долго мучаюсь, потом признаю.

— В этот раз мучиться будешь недолго. Я позабочусь.

— Проспорил, «эксклюзив»? Если Марина решила... — сказал оператор.

— Толик! Остаёшься тут, на этом песчаном берегу, у тихой озёрной глади. Во-он с тем весёлым пожилым мужчиной и его другом. Отметишь праздник, слушая тихий шелест волн. Тебе тоже лучше взять небольшой отпуск. Понял? На недельку.

— Праздник на озере?

— У тебя жена и дети? Нет? Тогда вперёд.

— А ты?

— В отпуск! Тебе же сказано: в отпуск! — холодно сказала девушка. — Двигай. Не болтай лишнего.

— Неудобно в гости с пустыми руками, — засомневался оператор.

— В кармане рубашки приличная сумма, — сказал Шпарин. — Отдайте половину моим спасителям из глубоких вод. Там хватит на новый грузовичок с новой лодчонкой.

Оператор взял деньги, улыбнулся, кивнул и пошёл к рыбакам.

— Долго тебя ждать? — крикнула девушка, забираясь в вертолёт. — Заползай! Пристегивайся!

Марина нажимала кнопки и щёлкала тумблерами на приборном щитке и потолке кабины. Шпарин уселся на пассажирское сиденье и натянул ремень.

— Надышался? Свежим воздухом? — спросила девушка, вонзая Шпарину в плечо маленький шприц. — Но дополнительная страховка не помешает, если снова надумаешь подышать. Редкая мужская особь, особый подвид — «ятакихневстречала».

Марина похлопала Шпарина по щеке, вытащила из рубашки мокрые деньги и паспорт, рассовала по карманам курточки и подняла вертолёт в воздух.

— Спи. Сейчас мы заглянем в соседний городок за жратвой и отправимся отмечать праздник. А всё-таки интересно, кто шлёпнул предателя и откуда взялся этот красавчик, так похожий на него? Эта Алина, никогда лишнего слова не скажет, ну и я не скажу.

Еловые ветки скреблись, шуршали за стеной и, наполняя комнату ярким смоляным ароматом, пытались забраться в комнату через открытое окно.

Голый Шпарин лежал на полу на матрасе и пытался сообразить кто он, где он и почему. Поблуждав в рваных обрывках невероятных видений, Шпарин пришёл к выводу, что он всё-таки это он и, уловив движение в комнате, со стоном запрокинул голову.

По комнате вверх ногами двигалась босая девушка в чёрной рубашке.

— Э-эй... — разлепляя пересохшие губы, позвал Шпарин. — Почему вы в моей рубашке и почему вы ходите не как все женщины?

— Тебе нужно перевернуться, и я стану ходить так же, как и они.

— Ещё вопрос. Не подскажите, где страшила в зелёной шапочке, с железками на лице, большой грудью и золотыми шариками на пупке? Она чуть не до смерти перепугала меня вчера в вертолёте.

— Грудь всё ещё при мне и остальные части тела, которыми ты восхищался четверо суток подряд. Нет, трое, первые сутки ты спал.

Девушка залилась звонким смехом и распустила собранные в пучок волосы.

— Железки — снимаю, одеваю. А шарики, шарики... — подходя к Шпарину и переступая через упавшую рубашку, сказала девушка. — Я их выбросила, тебе не нравилось, как они звенят. Пора давать утреннее интервью.

Шпарин снял с головы зелёную шапочку, повертел перед глазами и бросил на пол.

— Я слишком измучен для такого интервью. Я, кажется, эти трое суток пьянствовал, отмечал новый день рождения и какой-то праздник. Вместе с вами. Вот отчего мне так нехорошо. И мне вспоминается, что эти трое суток мы играли не в шахматы.

— Не в шахматы. В другие игры. И да — ты беспробудно пьянствовал, отмечал новый день рождения и праздник.

— День рождения — понятно. А какой у нас был праздник? Праздник был...

Шпарин повернул голову к наряженной ёлке в углу комнаты.

— Новый Год! — приподнято сказала девушка. — Весь мир в сентябре празднует наступление Нового Года.

— Пусть будет Новый Год. Почему бы и нет. А где подарок?

— А я?.. Я хороший подарок?

— Было ли ещё что-то необыкновенное?

— Время от времени ты давал необыкновенные интервью. «Эксклюзивные».

— Теперь понятно почему не слышно щебетанья птиц за окном, — пробормотал Шпарин. — Она их распугала. А много интервью?

— Много, — довольно ответила девушка. — Но недостаточно много.

Девушка уселась на него верхом и жарко задышала в ухо.

— Потом... Потом, после интервью, мы поговорим о парне с другой планеты, о том, почему он хорошо ладит с женщинами, о казино, зачем он таскает с собой наручники и о многом другом, о чём он не захотел рассказать.

— У того парня что-то случилось с головой после удара об воду, наговорил на себя, но он больше не против. Интервьюируйте.

Шпарин растопил баньку, срубленную из сосновых бревен и после получасового лежания на верхней полке парилки и охаживания себя березовым веником, побежал к речушке, протекающей возле двухэтажного деревянного дома с островерхой крышей. Затем снова залез в баньку. И так несколько раз. В одну из коротких пробежек из баньки до речки он увидел на противоположном берегу бурого медведя и стаю волков. Медведь не торопясь скрылся в зарослях, волки уселись на желтой травке и, поглядывая на Шпарина, дружно завыли.

— Я не Маугли! — останавливаясь, крикнул Шпарин. — Обознались!

Самый крупный бросился в речку, перепрыгнул наискосок быструю воду, вылез на берег, отряхнулся и, заглядывая в глаза, потёрся о голую ногу.

Шпарин потрепал волчару по голове.

— Вам хорошо, вы водку не пьёте. Знал бы ты, как мне хреново, братан! Не до тебя.

— Аву...у...у... — широко открыв пасть, затянул волк, лизнул ладонь Шпарина, лязгнул зубами и побежал к речке.

— Очуметь! — поёжилась Марина, выглядывая из окна. — Он ещё и с волками разговаривает. Ужас какой-то.

Через пару часов игры на контрастах Шпарин пришел в себя и уселся за деревянный стол на первом этаже «теремка».

Марина подвинула к Шпарину тарелку, положила вилку и нож, и сказала, подперев щеку рукой:

— Тебе повезло. Прыжок с четырехкилометровой высоты. Свободный полёт. Озеро огромное, но узкое именно в том месте, где ты упал. Нужно было умудриться в него попасть.

— Я орёл, — сказал Шпарин. — Нет... сокол. Кто-то из них.

— И сердце здоровое, — продолжила Марина. — Пьянство — трое суток. «интервью» — трое суток. Крепкое, здоровое, большущее сердце.

— Пока не жалуюсь. Но сердце у людей не бывает большим.

— У тебя большое. В нём хватает места для многих девушек. Давай поговорим о них и о нас. Пора и остановиться на ком-то.

— Кто это был? — спросил Шпарин, разрезая кусок мяса на блюде.

— Кабанчик. Решила тебя побаловать. На Новый Год ты постоянно требовал консервы и всё норовил ими закусить, хотя стол ломился от всяческих вкусностей.

— Не скажу, что я полубил консервы... Но с недавних пор они вошли в ежедневное меню. Когда их нет на столе, мне кажется, что я обделён.

Шпарин поднял вилку и показал на короткоствольную винтовку с оптическим прицелом в углу комнаты.

— Не слышал я выстрелов. Их и не будет слышно, если к стволу привинтить глушитель. У тебя есть глушитель?

— Откуда, милый? Ты свернул в сторону. Мы хотели поговорить о наших отношениях.

— В тебе бездна талантов, Марина. Хорошая хозяйка. Метко стреляешь. И профессионально пилотируешь вертолёт.

— Делай выводы. Предложение остается в силе?

— Предложение?

— Твоё предложение. Я подумала и согласилась. Мы решили связать себя узами брака.

— Брак?.. Шутишь? Не похоже на меня. Я был в невменяемом состоянии и мог наобещать что угодно, но только не это. Меня невозможно уговорить на столь отчаянный поступок и брать такую ответственность. Тем более за короткий промежуток времени. И меня вроде бы и нет. За кого ты собралась выходить замуж? Меня убили во дворе дома номер 24 на улице Синельникова.

— Обещал, обещал! — возразила девушка. — И ты здесь. Осызаемо живой. Расскажи мне с своей тайной жизни. О другой жизни.

— Но ты меня вроде бы выпотрошила, пока я находился во взвешенном состоянии.

— Не выпотрошила. Ты пил и болтал о сложных отношениях с женщинами. Философствовал. Ходил вокруг и около.

— Меня невозможно раскрутить на правдивые показания без применения спецсредств.

Ты не догадалась их применить.

— Зря не догадалась.

— Предложение ты придумала, — вздохнул Шпарин. — Прямо сейчас. Отвлекаешь.

— Не придумала! Сделал!

— Старею, — Шпарин вздохнул ещё глубже. — Зачем репортёру винтовка с оптическим прицелом?

— Она была в доме, когда я тут появилась. Куда ты клонишь?

— Это тебе надо рассказать о своей тайной жизни.

— Никакой тайной жизни. Я вся на виду.

— Ладно... Зайдём с другой стороны и начнём с домика. Милый деревянный особнячок. Сказочный «теремок». Твой?

— Теперь мой. Случайно обнаружила, пролетая мимо по одному важному делу. Наведалась через время. Пусто. Никого. Необжитый дом, полный новых вещей и приспособленный для жизни вдали от цивилизации. Сложилось впечатление, что здесь никто никогда не жил. И я решила оставить его себе. О нём никто не знает, и никто не появляется рядом кроме диких зверушек.

— Откуда он в этой глухомани взялся? Кто построил и где хозяева?

— Думала и не придумала.

— Это большая ошибка. Нельзя залазить в чужой дом, в чужую жизнь. Вламываться. Как ты. Стоит туда попасть и сразу начинаются неприятности. По себе знаю. Меня засунули именно туда, отчего я испытываю жуткий дискомфорт. Зачем ты пытаешься попасть в мою жизнь? Тебе там будет неуютно!

— А как же другие девушки? Ты хвастал, что у тебя много девушек. Красивых девушек.

— Они были. То есть они существуют. Но в отдельности от меня. Наши пути с ними разошлись. На данном этапе. Но ни в чём нельзя быть уверенным до конца. Думаешь всё, конец приключениям. Собираешься отдохнуть. Привести чувства в порядок. Идёшь себе, гуляешь по улице...

— Гуляешь по улице с автоматом, — уточнила Марина.

— ... и вдруг оказываешься в вертолёте, потом в «теремке» с девушкой, которая совсем не та девушка, какой хочет выглядеть. Особенная девушка. Она знает о тебе некоторые вещи, о которых может знать только другая особенная девушка. Но той девушки здесь нет. Знаешь, почему я уже не хочу, чтобы ты пропала из моей жизни?

— Притяжение? — с надеждой спросила Марина и покосилась на винтовку.

— Тебе придётся в ней задержаться, пока я не пойму кто ты на самом деле. Жутка-а интересна-а. От кого ты узнала о трупе во дворе дома номер 24? Я видел твой вертолёт. Ты оказалась там до приезда полиции. И не надо смотреть на винтовку. Тебе не успеть раньше меня. И ты привезла меня сюда не для того, чтобы застрелить? Застрелить можно было и раньше. Не будем усложнять мою трудную жизнь, она и так чересчур сложна. Давно с ней знакома?

— С кем?

— Не нужно было болтать о парне с другой планеты.

— Попалась... — опуская голову, сказала Марина. — Утром она вышла на связь и приказала слетать на улицу Синельникова. Потом увидела, как по центру носится полиция, затем тебя, заинтересовалась, кое-что сопоставила и решила... Из-за меня никто не прыгал

из вертолѐта. Никто ни откуда не прыгал. И никто мне не говорил тех слов... О любви.

— Ты ведь умылась.

— А ты у меня сейчас получишь!

Марина обежала стол, схватила Шпарина за шею и принялась душить.

— О вспыхивающей... неожиданной... прекрасной любви. Пока не повторишь — не отпущу.

— Не считается, я был «подшофе». Когда я делаю туда визиты, мой язык живѐт своей жизнью.

— Слова — не птичка, не поймать, но я тебя поймала. Я всё помню! Всё — тебе конец! Попался!

— Старею, — опечалился Шпарин. — Стремительно. Зачем тебе старый муж? И мы едва знакомы.

— Не едва. Целую неделю. С тобой тепло. Уютно. Легко. Ночью хочется слушать твоѐ дыхание, утром не хочется вставать, лежать у тебя на груди, смотреть в глаза и слушать твой голос.

— Это слишком! Для тебя я старик.

— Никакой ты не старый. Разница не такая и страшная. Живут и с большей разницей. Долго и счастливо.

— Кое-что выведала. Применила спецсредства.

— Применила! Это называется... Ты знаешь, как называется. Ты бабник!.. Но обещал исправиться.

— Ты слишком молода для меня. Давай остановимся на дружбе.

— Какая дружба между женщиной и мужчиной?

— Ты не юная особа без тормозов, ты...

— Вундеркинд, — заявила, сияя, Марина. — Особа, одарѐнная с детства. Спецшкола, университет за четыре года, ещё одна спецшкола, параллельно. Я приз для любого мужчины. Ты его получил! Он свалился к тебе с неба. Почему не принять упавшее с неба счастье?

— Значит, любовь?

— Она, — серьёзно покивала Марина. — Она самая. Вот скоро расстанемся — будешь локти кусать. Но расстанемся мы ненадолго, будь уверен.

— Ты говоришь, как взрослая женщина.

— Это во мне говорит женская мудрость веков. У девочек она заложена в генах.

— У нас с Алиной кое-что произошло.

Марина повела плечиком.

— И у нас произошло. Только я бы это не называла так. И ты ей ничего не обещал.

— Обещал... Самое плохое в моей теперешней жизни то, что я ни на что не влияю, иду в фарватере событий, они тащат меня за собой.

— Я — событие в твоей жизни?

— Событие. Ещё какое. Такое событие запомнится надолго.

— Она опять вышла на связь, узнать, как дела, ну и узнала, — вздыхая, сказала Марина. — Я долго слушала рассказ о непростом парне из другого мира, спросила, чем у вас закончилось, какие планы на будущее, узнала, что пока никаких, она думает, стоит или не стоит тебя разыскать, потом мне эта болтовня смертельна-а надоела-а... — Марина сделала паузу и хихикнула. — И я поставила Алину в известность о том, что её бывший парень лежит у меня на кровати.

— Нет, ты не вундеркинд! — задохнулся Шпарин. — Ты... ты...

— Она примерно так и выразилась.

— Не помню я кровать! — зло сказал Шпарин.

Марина задрыгала голыми ногами, не в силах удержаться от обуявшего её веселья.

— Кровать в другой комнате. Ты её сломал! Я ей сказала: «Раз парень тебе пока не нужен, то я возьму его себе. Напрокат. Попользоваться, а там будет видно». Она рассвирепела, сказала, что я ещё та сучка, что я пожалею о встрече с тобой, подобранным с асфальта ненормальным мужчиной, грабителем, авантюристом... и так далее. Ну я же не пожалею, а, Шпарин?

— Кто знает, — ответил авантюрист. — Все люди когда-нибудь о чём-то жалеют. Но я очень расстроен.

— Большое спасибо. Успокоил. Нет в жизни места сказке.

Марина пригорюнилась и превратилась в совсем молоденькую девчонку. Шпарин обнял девушку.

— Ну-у... Тут ты не права. Вся наша жизнь сказка. И одна из самых сказочных персонажей это ты.

— Скоро на работу, — сказала Марина. — Но я бы осталась здесь с тобой навсегда. Честное слово. Нам было бы хорошо вдвоем.

— Молодости свойственен чрезмерный максимализм и вера в чудеса.

— Я эти слова знаю. Расхожая фраза. Но не про меня, — вздыхая, произнесла девушка, поднимаясь с колен, и спросила, заглядывая Шпарину в глаза: — Получится у нас тобой?

— Подрастёшь — посмотрим.

— Недолго осталось расти, — радостно сказала девушка. — Девять месяцев. До шестнадцати лет. А сыночка тоже назовем Мишей.

— Меня расстреляют, — сказал Шпарин. — У нас осталась водка?

— Водку ты выпил.

— Всю?

— Есть коньяк, — ободряюще сказала Марина, открывая стеклянную дверцу буфета. — Ладно, не переживай. Не всё тебе шутки шутить. Начнём сначала. Всё не так страшно. Меня зовут Марина и мне давно шестнадцать. Пошли наверх.

«Теремок» находился в низине между трех холмов, поросших густым лесом в рыжем уборе осени. Речка огибала ближайший холм, извивалась, крутилась и, превращаясь в еле заметную ленточку, исчезала в кустах перед самым дальним и самым высоким.

— Шапочка тебе очень идёт. Делает намного моложе шестнадцати и выгодно меняет оттенок глаз, отчего они становятся значительно привлекательнее. Сколько тебе на самом деле?

Марина ударила Шпарина кулачком по плечу.

— Ты заговоришь и уговоришь кого угодно. Но не меня и не сегодня. Сегодня твоя болтовня не действует. Не пойду.

— Ты похожа на маленькую девчонку, которая не хочет гулять, а хочет смотреть телевизор.

— Не хочу гулять!

— Если забраться на тот холм — откроется чудесный вид. Не горы, конечно, но мы почувствуем дикий восторг от слияния с природой. Нужно проветриться.

— Недавно проветрился, — буркнула Марина. — Свист в ушах не стоит?

— Посидим на вершине, сольёмся с природой и поразмышляем о сути вещей.

— Ты о ней постоянно размышляешь.

— Размышляю, знаешь, в таком, печальном ключе.

— Уговорил. Прогулка развеет твою печаль. Но может случиться, что и не развеет. Тогда мы вернёмся, в дело вступлю я и продолжу дальше развеивать. На обратной дороге можно лосяру завалить. Их тут немеряно. Пожарим, как у вас там он называется? Шашлык?

— Лосяру? Завалить? И эти слова произносит юная особа с университетским образованием? Что за выражения?

— В перерывах между занятиями наукой я болталась по улицам. В свободное время.

— У тебя его не должно было быть.

— Представь себе, находила.

— Не стоит губить большое животное ради маленького удовольствия. Никак не могу заставить себя соблюдать умеренность, хотя пытаюсь донести это полезное правило до читателей. Получение удовольствия должно соизмеряться с возможностями. В обед, в частности, с размером желудка. В процессе получения других удовольствий мне нужно быть намного осторожнее. Они могут оказать вредное воздействие на организм. Увлекаюсь. Но многое зависит от того, кто заставляет участвовать в этих процессах.

— Притяжение. Это называется притяжение, — довольно произнесла девушка. — Но есть и более ёмкое слово. Разве не так? Не хочешь признать. Ладно, пошли.

До холма было не так далеко, как казалось у «теремка». Они забрались на вершину холма, Шпарин уселся на упавший ствол дерева и положил винтовку на колени.

— Не зря мы сюда забрались. Совершенно дикие места. Особого единения с природой не ощущается, но прогулки на свежем воздухе делают своё дело. Мозги приходят в порядок, суть некоторых вещей становится более очевидна. Хочется заняться делом. Ты вырвала меня из ставшего привычным безумного ритма, череды невероятных приключений и движения к намеченной цели. Где погрязший в праздничном ничегонеделании Губернаторск? У вас ведь тоже отмечают Новый Год неделями? Пьют, бьют баклуши, гуляют, дерутся, спят, веселятся на всю катушку?

— Губернаторск за той грядой холмов. Отсюда не видно.

— Вон там, вдали, справа, дома. Бельё на балконах. Окна открыты. И вон там блеснуло... Дорога. Машины мелькают между деревьев, стёкла отсвечивают. И выглядят они странно, ни к месту, будто их врисовали в чужую картину. Что за населённый пункт?

— Не знаю. Городок какой-то.

— Холодно. Ветрено, — сказал Шпарин. — Хочется умотать в тёплые края, поваляться на тёплом песочке, нырнуть в тёплое море.

— Не наныряться? Я думала, что после купания в озере тебя навсегда отвратит от вида воды.

— Меня трудно отвратить от новой привычки куда-нибудь нырять. С некоторых пор «куданибудьныряние» стало неотъемлемым образом новой жизни. Но на поверку оказалось, что я живучий.

— Поразительная самонадеянность! Учитывая этот твой неотъемлемый образ новой жизни.

— Перестань маячить перед лицом, закрываешь вид. Откуда несёт этот дымок?

Шпарин отодвинул девушку, подошёл к обрыву, качнулся, взмахнул руками, помогая

себе устоять, шагнул назад, приставил приклад винтовки к плечу и заглянул в окуляр прицела.

— Мужчина в серой куртке... Капюшон на голове. Девушка... А девушка похожа на тебя. Туша лося... Мужик жарит мясо. Красный вертолёт и дом один в один. И шапочка, и курточка на девушке тоже зелёные. Неужели двойники? Давно хотел познакомиться с самим собой. В живом виде.

Шпарин взял винтовку наперевес и, обойдя обрыв, «змейкой» побежал вниз.

Двойник в грязной серой куртке сидел на корточках и палкой шевелил угли. Марина номер два стояла напротив и смотрела на костер.

— Здравствуй, Миша! — держа оружие наизготовку, сказал Шпарин. — И ты поздоровайся.

— Ку-ку! — прокуковала Марина номер один, выглядывая из-за Шпарина.

— Они глухие? Эй...

Шпарин ткнул стволом винтовки серую куртку. Двойник вскочил на ноги и откинул капюшон.

— Это ты меня толкнула?

— Это не двойник, — разочарованно сказал Шпарин. — Какой-то сопляк.

— Дурак! Ты видишь, где я стою! — возмутилась Марина номер два. — Там... из-за твоей спины... что-то высунулось и спряталось.

— Наглotalась с утра! — презрительно сказал парень. — Перебью все бутылки с пойлом! Спиртное и «колёса»! Как ты на ногах стоишь?

— Они нас не видят и не слышат, — сказал Шпарин. — Их отделяет тонкая дымка, почти прозрачная стена. Видишь её?

— Сейчас бы колбаски, а приходится жрать вонючего лося, — мечтательно произнёс парень, поворачивая палку с кусками мяса уложенную между двух рогатин.

— Лицо противное, носюра длинноват, — разглядывая визави, сказала Марина номер один. — Губы тонкие. Краситься не умеет. Как он с ней себя ведёт! Я бы давно ему рожу расцарапала. У них серьёзные нелады.

Шпарин похлопал девушку по плечу и потянулся к мясу.

— Пахнет оно пахнет, а на вкус?

— Не трогай, — сказала Марина номер один. — Послушаем дальше.

— Отдай ключи! — крикнула Марина номер два. — Куда ты их спрятал? Пистолет верни!

— Разбежалась. Я ещё подумаю — дать ли тебе после всего кусочек мяса.

— Помаду отдай!

— Не брал я твою помаду!

— Как у ваших вертолётов запускаются двигатели? — спросил Шпарин у Марины номер один.

— Вставляешь ключ, поворачиваешь ключ на «старт», нажимаешь кнопку «пуск», далее по инструкции. Таким. Это от моего.

Марина номер один вытянула из кармана курточки фигурные ключи на брелоке и показала Шпарину.

— Разве можно попрекать девушку кусочком мяса? Девушки украшение трудной мужской жизни, — сказал Шпарин. — Девушек надо ласкать, вкусно кормить, беседовать о разных интересных вещах, говорить нежные слова и дарить красивые вещи, бриллианты,

например. Если есть деньги.

— Или изумруды, если есть. Как ты! — сказала Марина номер один. — Алина права. У тебя большой опыт. Знаешь толк в таких делах. Умеешь закружить девушкам головы.

— Вам с Алиной виднее, но отчего ты разнервничалась?

Шпарин обошёл «теремок» номер два, постоял у вертолёта, заглянул внутрь салона и вернулся к костру.

— Ой!.. — испуганно вскрикнула Марина номер два. — Кто-то ходит! Нога мелькнула.

Девушка достала из кармана курточки плоскую бутылочку и сделала несколько глотков. Посмотрела на свет и допила остатки.

— Тонкая грань, — сказал Шпарин. — Заступил за черту. Они как на острове. Зато мы, похоже, можем к ним зайти запросто.

Шпарин протянул руку и стянул с импровизированного вертела кусок мяса. Вертел упал в костёр.

— Видел? — ужаснулась Марина номер два. — Видел?.. Рука... схватила...

— Прекрати пить с утра! Ещё не то увидишь! — заорал парень. — Почему нас никто не спасает?

— А почему твой папа тебя не спасает? — огрызнулась Марина номер два и бросила в парня бутылочку.

— Мой папа занят важными делами. А вот когда нас найдут, тебе не поздоровится!

— Да пошёл ты со своим папой!

Шпарин разорвал кусок мяса на две неровные части и протянул большую Марине номер один.

— Пережарил.

— На халяву сойдёт, — буркнула Марина номер один.

Марина номер два, походив вокруг костра, подняла с земли толстый сук, подбежала к парню и размахнулась. Деревяшка, задев затылок, ударила по плечу. Парень выхватил из кармана пистолет, Марина номер два попятилась, споткнулась и упала.

— Эх!.. — сказал Шпарин, срывая с плеча винтовку. — Застрелит. Жалко девчонку. Придётся вмешаться.

Пуля ударила в костёр, рассыпав угли ярким веером. Парень выронил пистолет и упал на Марину номер два, девушка вывернулась, вскочила на ноги и снова ударила.

— Сейчас она его обыщет, найдёт ключи и улетит.

— Не улетит. Сначала закопает.

— С тобой всё интересней, — сказал Шпарин. — Много трупов на твоих ручонках?

— Достаточно, чтобы привыкнуть.

— Твою мать... — сказал Шпарин.

— Что-о? — возмутилась девушка.

— Оглянись.

На них ползла длинная цепочка солдат в камуфляже. Автоматы, каски, брезентовые ранцы, противогазы, рации на плечах. Солдаты двигались молча, без единого звука, шли по кустам, проходили сквозь деревья, словно их не было вовсе.

Вдали возник вал рыжего тумана, накрыл ближайšie холмы, поглотил лес и покатился к ним. Перед валом неслись животные, летали птицы. Туман настигал их и проглатывал.

Вал обошел подножье холма и выплеснул речку. Туман, клубясь и переливаясь тусклой холодной ржавью, подступал к «теремку» номер два. В толще тумана мелькали молнии.

Порхали лохматые оранжевые комки и гнали перед собой оранжевые точки.

— Насчёт молний мы не договаривались, — сказал Шпарин. — Так и лупят, так и лупят. Умрут, ничего не поняв. А может и не умрут.

— Любишь ты это: или-или.

— Сомнения помогают выжить. Если бы не сомневался — давно умер от ужаса. *Dun spiro, spero*. Пока дышу — надеюсь. Готовься, нас растворят, как рафинад. Я это прошёл и остался в живых, надеюсь, проскочу и сейчас. Держись рядом, может и тебе повезёт.

В полной тишине туман накиннулся на призрачную стену, прилип к ней и начал давить. Наступили сумерки. Стена прогнулась, но выстояла.

— Ничего не боится. Железный он, что ли?

Марина номер один заплакала и уселась на траву. Стена растворялась, рыжий туман поредел, оставил попытки забраться за стену и исчез. Исчезли солдаты, дома с открытыми балконами, дорога с машинами, холмы, «теремок» номер один и красный вертолёт Марины. До самого горизонта простирался густой девственный лес в синеватой дымке.

Серая пелена облаков поделилась на чёткие квадраты. Квадраты, уходя к горизонту, в перспективе, превращались в прямоугольники. Над девушкой и Шпариным зияла квадратная дыра. В дыре, в чёрном небе, просматривались звёзды. Серые квадраты заволновались, превратились в лохматые тучи, тучи вспыхнули разноцветьем и стремительно сомкнулись.

— Помочь закопать? — спросил Шпарин у Марины номер два.

Девушка упала на колени и обыскала парня.

— Ты откуда взялся? Ты ваще кто?

— Я ваще не местный. Заблудился, как и вы. У вас проблемы. Надо, думаю, помочь усталой красивой девушке.

— Девушка красива-а, особенно счас. Тащи его к речке. А эта подруга откуда взялась? Давай, потащи! Мне некогда-а. Срочно улетаю. Нет, не улетаю... Ключей нет.

— Ключи... Ключи... — пробормотал Шпарин, наклоняясь к мальчишке. — Куда ты подевал ключи от вертолёта?

— Она их сама куда-то засунула, — буркнул парень, пытаясь встать.

— Врёт, гадёныш!.. — целясь в парня, сказала Марина номер два.

— Мой папа — генерал Древака! — крикнул мальчишка. — Он вас всех переловит! Ключи потерялись. Правда! Сволочь небритая!

— О-о!.. Уже генерал, — весело сказала «небритая сволочь». — Какой-то волшебный день сегодня. Вот бы ещё улететь отсюда.

Шпарин обвёл компанию всё тем же весёлым взглядом.

— У нас есть вертолёт, в наличии наглый и бесполезный пока мальчишка, две милых, очень похожих девушки и одни ключи. Если допустить, что похожи не только девушки и вертолёт, а и ключи от них...

— Несусь на всех четырёх лапах! — крикнула Марина номер один, вырвала у второй Марины пистолет и побежала к вертолёту.

Через минуту послышался гудящий звук и лопасти начали движение.

— Слушай сюда, — сказал Шпарин парню. — Если будешь хорошо себя вести — вернёшься домой. Не будешь — эта злая девчонка тебя закопает или утопит в речке, что, в принципе, одно и то же. Доходчиво объяснил? Будешь слушаться?

— Буду. А куда деваться?

— Правильное решение. Как тебя зовут?

— Стас.

— Залезай в вертолёт, Стас. Начнёшь кренделя выписывать — прихлопну как комара.

— Девушка, до вертолёта дойдёте? — спросил Шпарин.

— Дойду, красавчик, — ответила Марина номер два. — Быстро сбегал в дом и принёс мою красную сумочку.

Глава 8. Озеро

Глава 8. Озеро.

Тихо гудел вертолёт. Парень сидел напротив Шпарина. Рядом со Шпариным умудрилась развалиться на маленьком сиденье Марина номер два. Она упорно пыталась заглянуть ему в глаза. Шпарин улыбался и отворачивался.

— Где-то тебя видела. Ты меня помнишь-шь?.. — допытывалась девушка у него. — Мы в Афф-рике не работали? В Конге-е...

— В Афф-рике не работали? — передразнила Марина первая. — Ты бы его запомнила! И он тебя! Уверяю! В Конге-е... Как тебя колбасит! Позоришь репортерский корпус.

— И доблестные ряды шпионский войск. Пьянство до добра не доводит, можешь разболтать секреты, — продолжил тему Шпарин. — Какое у тебя звание?

Марина номер два помахала пальцем у носа Шпарина.

— Не лейтенант. И я не шпионка.

— Понятно, — сказал Шпарин. — Присяга и всё такое. Знаем. Помру, но не выдам. Не бойся, я пытать не буду, приласкаю, помну немного. Любишь ласковых мужчин?

— А то!.. — сказала Марина номер два, вынимая из сумочки зеркальце. — Но я не шпионка. А кто я? А... я известная журналистка, вот кто. А как меня зовут?

— Наверно, Марина. Устали и забыли.

— Не... Не Марина, но похоже. Ну и ладна-а, зови как хочешь, потом вспомню-у...

— Поганка тебя зовут! — ухмыльнулась Марина номер один. — Приблудная пьяная поганка! И наркоманка.

— Что прикажете с вами делать? — спросил Шпарин. — Известная журналистка.

— Ну как что? — удивлённо спросила Марина номер два и икнула. — Сам сказал! Я не против! У тебя выпить есть? Нет?.. Ну и ладно. Ты такой лапочка, не то, что этот Стасик! Кравчи-ик... А эта подружка, откуда взялась? Прямо копия-ия моя.

— Ах ты, гадость! — взвизгнула Марина номер один. — Я тебе покажу подружку!

Вертолёт задрал нос.

— Марина! — крикнул Шпарин.

— Аа-у, — пряча зеркальце, отозвалась Марина номер два. — Раздеваться?

— Горизонт! Курс держи!

— Это к ней.

Марина номер два сняла курточку, улеглась на ковровый пол, подложила курточку под голову и натянула шапочку на глаза.

— Не хочешь, как хочешь. От чистого сердца предложила тебе своё молоденькое тельце...

Девушка не договорила, вздохнула и затихла.

— Как её зовут? — спросил Шпарин, рассматривая девушку.

Парень потрогал затылок и опустил глаза.

— Карина. Она моя девушка. Была. Теперь не моя. Шпионка. Конфедератка. Проболталась по пьяни. Как с цепи сорвалась — бухала целую неделю. Познакомились в ресторане. Я с друзьями день рождения отмечал. Стали встречаться. Теперь думаю, что наша встреча в том кабаке не была случайностью.

— Вполне возможно, — сказал Шпарин. — Вполне. Конфедераты через тебя подбирались

к твоему отцу. Но она об этом не скажет. И еще один узкий момент. Как вы здесь оказались?

— До сих пор не понимаю, — ответил мальчишка. — Полетели за город. Она учила меня пилотировать. Навалился рыжий туман, переливался, светился... Тихий ужас. Тряхнуло, будто наскочили на стену. Потом сильная гроза, наткнулись на тот домик и решили переждать. Телефоны не работают... Думал, нам крышка!

— Понятно. Перескочили узкую тонкую грань, отделяющую... Что-то от чего-то отделяющую. Влип ты, мальчик, влип, по самую макушку.

— Не бойся, — насмешливо сказала Марина, поворачивая голову. — Теперь ты в надёжных руках.

— Ты видишь, чем они отличаются? — спросил Шпарин у мальчишки. — Твоя Карина и наш пилот?

— У них глаза разные, ну не разные... У пилота тёмно-зелёные, а у Каринки намного светлее.

— Ага... — сказал Шпарин. — Так и есть. Ну и ещё кое-чем.

Марина чутко отреагировала затылком на взгляд Шпарина.

— Не смей смотреть на её задницу. Мне эту шалаву хочется выбросить. Ты на неё запал!

— Красавчи-ик? — позвала Карина, поднимая край шапочки. — Я тебя тоже приласкаю и помну. Никуда не уходи.

— Так точно! — сказал Шпарин и поднёс ладонь к виску. — Слушаюсь!

— Замолчите, вы, оба! Зачем мне было нужно это интер-р-вью? — прорычала Марина. — С кем я связалась?

— Со мной, — ласково ответил Шпарин. — Ты что же, меня уже не узнаешь? Сколько нам лететь?

— Полчаса. Мы идём над речкой. Над руслом. Идём по сложному маршруту.

— Мой стиль. Продолжайте движение, пилот, — сказал Шпарин и наклонился к парню. — Я твоя защита от новых ужасов, которые не преминут возникнуть в скором времени. Необходимая защита. Осознавай это побыстрее.

— Полное осознание... — немедленно ответил мальчишка. — Необходимости защиты.

— Вот это деловой разговор. Перейдём к другим вопросам, более проблемным.

Марина, прислушиваясь, пыталась понять о чём идет речь, но тщетно. Гудел вертолёт, Шпарин говорил тихо, время от времени показывая рукой на неё, на Карину, тыкал пальцем себе в грудь, тряс парня за плечо. Мальчишка отрицательно мотал головой, бледнел, краснел, глаза округлились, отвисла челюсть. Шпарин перешёл на яростный шёпот. Через несколько минут шептать начал парень. Шпарин покивал, улыбнулся и хлопнул мальчишку по плечу.

Серые облака в иллюминаторе посвежели, заголубело небо, выглянуло солнце.

— А пилот не скажет нам, почему мы летим так низко? — елеиным голосом спросил Шпарин. — Верхушки деревьев бьют нам по шасси.

— Всегда так летаю, — сквозь зубы ответила Марина. — Использую складки местности, ниже уровня радаров.

— Я тоже, — сказала Карина. — А ещё могу мёртвую петлю сделать, вверх ногами. Дух захватывает!

— Нисколько не сомневаюсь, что он от тебя у мужиков захватывает, — процедила Марина. — Ещё вопросы, собиратель поганок?

— Вопросов больше нет, — укладываясь рядом с Мариной, сказал Шпарин и обнял

винтовку. — Приятного всем полёта. Пилот! Разбудите, когда подлетим к Губернаторску.

— Тебя как зовут? — прошептала Карина, прижимаясь к Шпарину.

— Михаил Иванович.

— Мишутка, а я правда красивая?

— Если один из вас скажет ещё хоть слово — я разобью вертолёт! — сказала Марина. —

Ты когда-нибудь протрезвеешь?

— К утру, скорее всего. Мне надо с кем-нибудь выспаться. Рули молча!

— Ты настоящая гадость! — сказала Марина.

Карина ухмыльнулась, села, сунула руку в сумочку, покопались и вытащила пластиковую карточку с фотографией.

— Ну конечно-а!.. Вот оно! А вот я, Карина Фёдоровна Сенокос.

— А я что говорил, дядь Миш! — воскликнул Стасик. — И имена похожи.

— Дай сюда!

Шпарин выхватил удостоверение из руки девушки.

— Так... «Телевидение. Городские Новости»... «Сенокос Карина Фёдоровна»... Над тобой надо взять шефство. В незнакомых краях нужно быть начеку.

— Бери меня. Я не против. Всем отвернуться! — Карина хихикнула, увидев пистолет в руке Марины, и подняла руки. — Сдаюсь.

— Озеро! Озеро!.. — закричал мальчишка. — Скала! Мы врежемся в скалу!..

Вертолёт подскочил вверх, сделал немыслимый поворот, уворачиваясь от скалы, и уселся на берег озера, рядом с огромным, замшелым камнем.

— Летели, летели и куда-то прилетели, — сказала Карина, опуская руки. — Искупаемся?

— Всё! Больше не могу! — заявила Марина.

— Как это, как это? — возмутился Шпарин, вытирая пот со лба. — Это не Губернаторск!

— Вы задолбали, сил нету слушать, — устало сказала Марина, положила пистолет на пассажирское сиденье и сняла курточку.

— Шикарное место! — сказал Шпарин, рассматривая узкую полоску пляжа замкнутого скалами. — Того берега не видно. Тишина. Тепло, даже жарко. Здесь лето. Но я не удивлён. Меня уже ничем не удивишь. Может и правда искупаться?

— Искупайтесь, искупаются, гольшом, — прошипела Марина, — исполните все свои желания, а я полечу домой, скоро на работу.

— Какая муха тебя укусила?

— Ты на эту поганку запал.

— Что это?.. — поднимаясь с кресла и наклоняясь к плечу Марины, удивлённо воскликнул Шпарин. — Вон там...

Девушка сдвинула блистер и высунулась наружу.

— Где?..

— Показалось, — сказал Шпарин.

— Ты что сделал? А-а?..

— Нам всё ещё по пути.

Шпарин позвякал ключами и повертел пистолет.

— Уй, — всхлипнула Марина. — Развратный авантюрист.

— Не будешь сажать вертолёт на уличный асфальт, знакомиться с незнакомыми людьми, они могут оказаться не теми, кем кажутся, краситься, как дура, терять облик нежной девочки и этим подвергать всяческим рискам свою дальнейшую шпионскую жизнь. Это вас

обеих касается.

— Согласно, Мишутка, — сказала Карина. — Больше не пью так много.

Шпарин выпрыгнул из вертолѐта.

— Идите сюда, шпионки, — обходя камень, позвал он и направился к воде. — Красота! Лѐгкий бриз, белый чистый песок, чайки летают, как на море. Пеликаны, фламинго, лебеди. Не хватает бригаантины с белыми парусами. Или с алыми. С принцем в капитанах. Но к тебе, Марина, кораблик с парусами не приплывѐт. Характер несносный. Настоящие принцы таких, как ты, чуют за много морских миль.

— Я плохо плаваю, — сказал мальчишка.

— А я не в форме, — жеманясь, сообщила Карина. — Купальника нет.

— Какая стеснительная, никогда бы не подумала, — съязвила Марина. — Трезвеем?

— А кто носит, не стесняясь, чуть ли не колготки без юбок? А кто ходит без лифчиков? Раздевайтесь. Можно поплескаться и без купальников. Потом устроим дефиле на берегу. Походите туда-сюда, я вас сравню и самая красивая получит приз.

— Хватит издеваться, — сказала Марина с презрительной миной на лице. — Кем ты себя возомнил?

— Никем. Вы сами бросаетесь мужчинам на шею. Да, Стасик? Бросаются?

— Бросаются! Ещё как! — подтвердил мальчишка, оглядывая девушек. — Я живой свидетель последних бросков.

— А я скромный писатель, бродящий в таинственных лесах.

— Блудящий!

— Это слово имеет много значений, — сказала Карина. — Ты какое имела в виду?

— Самое нескромное. Самое похабное, ты его знаешь.

— Какое многогранное слово! Масса нюансов. Это надо обдумать. В нём скрыт огромный философский смысл.

— Смысл в нём один. Ты знаешь какой. Я тебя не узнаю, подруга. На глазах становишься другим человеком и подозрительно быстро трезвеешь.

— Слопала специальную таблеточку. Мне стыдно за своё поведение. Мои мотивации во время нахождения в нетрезвом состоянии не поддаются описанию и требуют глубокого осмысления и порицания.

— Ты какой факультет кончала до поступления в шпионки? — поинтересовался Шпарин.

— Здесь кто-то торопился в город! — сказала Марина.

— Успеем.

Шпарин вручил мальчишке ключи от вертолѐта, винтовку, пистолет, и разделся.

— Стас, назначаешься старшим на время моего заплыва. Ни к себе, ни к вертолѐту, девчонок не подпускать. Женщинам верить нельзя, ты в этом убедился. Марина, как ты уже понял, тоже шпионка.

Шпарин разбежался и бросился в воду, отплыв пару десятков метров от берега, перевернулся на спину, замер, отдыхая, взмахнул руками, развернулся и энергичным кролем поплыл назад.

— Ты меня разочаровал, — сказала Марина выходящему из воды Шпарину. — Убил во мне ростки любви и надежду стать другим человеком. У нас с тобой всё кончено!

— Никогда не поздно стать другим человеком, стоит захотеть. Перестанешь обманывать и сразу им станешь.

— Сам постоянно обманываешь.

— Не обманываю. Я смешиваю желания людей с собственным видением их желаний. Перемешиваю и раздаю. Помогаю прозреть. Это не обман. Это лекарство. Я вроде доктора помогаю скрасить хилую действительность и выжить в трудных ситуациях. Некоторым помогает, после раскрашивания собственной жизни в другие цвета, они становятся другими людьми и начинают сами с собой дружить, а иногда и со мной. И я, и они счастливы, что мы друг у друга есть. У нас с тобой не получилось!

— А слова, которые ты мне говорил?

— Такие слова может произнести любой человек. Но важно от кого они идут и кому адресованы. Биополе! Невидимые волны добра и счастья. Я говорил о них Алине. Она меня поняла, а ты нет. Эта девушка тоже может меня понять и произнести эти слова, когда узнает поближе. Я почему-то в этом уверен. Она красивая, с отличной фигурой, как и ты. Возможно умная. Забыла моё хобби?

— Мне, кажется, ты интересный человек, — сказала Карина. — Нам необходимо познакомиться поближе.

— За этим дело не станет. Поздравляю! Ещё одна жертва настоящего парня с другой планеты.

— Не слушайте её, — сказал Шпарин, морща нос и шурясь на солнце. — Она всем всё время врёт. Не знаю, как её на работе держат, обманывает непосредственное начальство. Растворила меня до неузнаваемости. Насиловала целую неделю.

— Как интересно! — заволновалась Карина. — Расскажешь?

— Негодяй! Надо разобраться, кто кого насиловал!

Марина махнула рукой. Длинные ногти остановились в сантиметре от лица Шпарина.

— Перегнул палку, — сказал Шпарин, держа девушку за запястье. — Насиловали друг друга по очереди, по обоюдному согласию.

— Пойду, отолью. Мне от услышанного дурно, — сказал мальчишка, скрылся за камнем и тут же закричал:

— Отпустите!.. Дядя-а... Миша-а!..

Шпарин обежал валун. С камня прыгнула тень, удар по голове, Шпарин потерял сознание и очнулся на траве со связанными руками, рядом сидели связанные девушки и валялся помятый Стасик.

— Мы в стране обезьян?

— Это не обезьяны.

— Они на них похожи. Марина, куда ты нас завезла?

— Каюсь. Блуданула.

Три «обезьяны» в набедренных повязках копались в сумочке Карины.

— Какой подарок! Два мужика, две девки. А вы говорили: не надо возвращаться. Разводите костер, — постукивая дубинкой по волосатой ладони, сказала самая крупная «обезьяна». — Пора обедать. Зажарим молодого, пока не подох от страха. Второго оставим на завтрак. С девками развлечемся после обеда. Мулгак? Палгак? — спросила «обезьяна». — Вам какая нравится?

— Обе, — ответила одна из «обезьян», примеряя штаны и рубашку снятые со Шпарина. — Они похожи. Но всегда выбираешь ты. Велики! А вот так не велики.

«Обезьяна» оторвала у рубашки рукава и зубами укоротила длину штанов.

— На кого я похож? — спросила «обезьяна», облачаясь в изувеченную одежду.

— На гориллу, — сказал Шпарин.

— Начнем с той, у которой задница крепче, другую оставим на вечер, но можно развлечься и с молодым цыплёнком, — сказала большая «обезьяна». — Ладно, готовьте «цыплёнка» и поливайте почаще водой, чтобы не подгорел.

— Потрошить?

— Не стоит, печёнка в собственном соку вкуснее.

Стасик перевернулся на живот. Его вырвало.

— Зря лосятину лопал, — сказал Шпарин. — Не впрок пошла.

— Дядь Миш, я не хочу, чтобы меня ели.

— Думаешь, я хочу? И девушки не хотят, чтобы с ними развлекались вонючие питекантропы. Мать вашу волосатую!

— Матерится. Этого сильно умного будем жарить вечером по частям. Продлим удовольствие. Девчонки будут верещать от страха. Но мы их тоже съедим, послезавтра. Люблю запечённые сиськи.

— Гад мохнорылый! — сказала Марина и плюнула в людоеда.

— Ты первая на очереди, — вытираясь, решил главный людоед. — Тут одна до тебя тоже плевалась. Вон там она лежит. Покажи, Мулгак.

«Обезьяна» сходила к белеющей в траве куче костей, порылась и принесла маленький череп.

— Её... По дырке узнал, это я ей башку разбил, когда она меня укусила, — сказал Мулгак, ковыряя пальцем в черепе.

Карина вызывающе улыбнулась.

— Мальчики! Давайте договоримся. Буду обслуживать вас, когда хотите и сколько хотите, только не убивайте. А их ешьте, хоть всех сразу. Я тоже попробую.

— Ладно, — довольно прооручал людоед. — Ладно. Будешь хорошо себя вести, поживёшь. Ползи ко мне, красотка, начнем обслуживание.

— Мне надо прийти в себя, мой повелитель. Перепугалась очень.

— Хорошо, красотка. Палгак, Мулгак, за работу! — приказал главный людоед. — А ты ещё раз плюнешь, я у тебя что-нибудь отрежу на перекус, пока «цыплёнок» прожарится.

«Обезьяна» бросила череп, топориком сноровисто обтесала и вбила колья. Другая натаскала толстых сучьев. Стасика привязали к длинной жерди и подвесили над будущим костром. Мальчишка зарыдал в голос.

— Чувствуется опыт, — пробормотал Шпарин, понимая, наконец, что это не шутки и мальчишку действительно превратят в шашлык. — Они точно людоеды. Питекантропы.

Главный «питекантроп» блеснул жёлтыми глазками и почесал подмышкой.

— Хватит обзывать, это невежливо. Мы вас ещё не жарим. Эта штука летает?

— Если бы она не летала, как мы здесь оказались?

«Обезьяны» схватили дубинки, побежали к вертолёту и залезли внутрь.

— Стас! — негромко позвал Шпарин. — Где пистолет?

Мальчишка покрутил головой под жердью.

— Вон, в трёх метрах от вас. Отлетел, когда твари на меня набросились. А винтовка в вертолёте. Я обоссался, дядь Миш. Спасите!

— Потерпи. У кого зубы острые?

— Зачем тебе мои зубы? Нежно покусывать будет некого. Нашего орла или сокола скоро сожрут, полусырым, — сказала Марина и ударила локтем Карину. — Потом меня, а эта гадина будет их развлекать. Отодвинься, людоедка!

— Дура! Верёвку перегрызть.

— Верёвку я буду грызть до вечера, умник! Как раз к этому времени они обглодают косточки парня с другой планеты.

Карина приспустила прозрачные брючки и полезла в трусики.

— Готовишься к обслуживанию? — пылая ненавистью, спросила Марина.

— Готовлюсь, — огрызнулась Карина, вырывая из трусиков крохотный ножик. — Мишутка, давай сюда руки.

Шпарин поднял пистолет, подбежал к вертолёту, прислонился к борту и прислушался.

— Твою мать!.. Сломают машину! — сказал Шпарин и постучал по корпусу.

Из люка немедленно выглянула голова «обезьяны». Шпарин ударил голову рукояткой пистолета, выдернул людоеда за длинное ухо наружу и заглянул в вертолёт.

— Не дождались закуски, каннибалы тупые?

Связанные «обезьяны» сидели спина к спине у незажжённого костра и тряслись мелкой дрожью. Стасик с дубинкой в руке ходил вокруг пленников и пинал их ногой.

— Эй, которого первого жарим? Тебя Палгак или тебя Мулгак?

— Ты герой, Мишутка! — глядя в глаза Шпарину, сказала Карина. — Не знаю, что для тебя и сделать. Я для тебя всё сделаю!

— Обезьянам будешь делать! — крикнула Марина.

Девушки вцепились в волосы и покатались по песку.

— Давно не видел боёв без правил, — сказал Шпарин.

— Дядь Миш!..

— Пусть выпустят пар. А теперь хватит. Стоп! Брэк! Помогай.

Шпарин и мальчишка растащили растрёпанных девушек. Обе, тяжело дыша, поднялись на ноги и с ненавистью смотрели друг на друга.

— Кто, где, теперь не разберёшь, — сказал Шпарин.

— Мне надо отлучиться. Пойду, сделаю пи-пи, — сказала одна из девушек и скрылась за камнем.

— Я тоже пойду, — сказала вторая.

— Подерутся, — забеспокоился Стасик.

— Вряд ли. Они достаточно помутузили друг друга.

Прошло несколько минут. За камнем было тихо.

— Что-то они долго. Стас? Где ключи? — холодея от догадки, спросил Шпарин.

— На камешке у воды. Когда умывался, я их на него положил.

Послышалось тихое гудение и нарастающий свист винтов. Из-за валуна поднялся вертолёт. Шпарин и Стасик обежали камень. На песке без сознания лежала полуголая девушка. Девушка пошевелилась, села на колени и потёрла висок.

— Отлично поставленный удар! — оценил ссадину Шпарин и погладил девушку по голове. — Больно? Как тебя зовут?

— Как и раньше! — выдохнула девушка.

— Та Маринка, а эта Каринка. Угнала вертолёт, зараза-а! — завопил Стасик. — Специально сюда завезла. К людоедам. Завезла и бросила. Прилетит домой, примет ванну, нажрётся и будет над нами смеяться.

— Бросила в самый ответственный момент, — рассеянно сказал Шпарин, наблюдая за убегающей к лесу маленькой «обезьянкой». Несколько секунд назад «обезьянка» выглянула

из высокой травы, и они встретились глазами. Шпарин поманил её к себе. «Обезьянка» пискнула, показала кулачок и снова нырнула в заросли.

— Это был разведчик, маленький питекантропчик. К нам скоро пожалуют взрослые «звери».

«Обезьянка» добралась до леса и к ней вышли крошечные фигурки.

— Вон они! — крикнул Стасик. — Выползают!

— Черт!.. — сказал Шпарин, проверяя обойму пистолета. — Пустая!

— Ага, — усмехнулась девушка. — Патроны Стас потратил на лося. Винтовка улетела с вертолётom. Нечем отстреливаться.

— Уходим водным путём. Кто-то доплывет и сообщит родственникам. Моим сообщать не надо. У меня их нет. Во всяком случае на этой планете.

— Ты с другой планеты? Как интересно! — воскликнула девушка. — А я то думаю, почему твоя бывшая всё время на это намекает?

— Стоп! — сказал Шпарин. — Стоп... Ты не она. Или она?

— Любишь ты это: или-или.

— Марина?

— Наконец, прозрел?

Шпарин собрал разбросанные вещи из сумочки Карины и повесил сумочку на шею.

— Думаешь, вернётся? — насмешливо спросила Марина.

— Я бы их прирезал, — сказал мальчишка, входя за Шпариным в воду. — Вы, дядь Миш, гуманный.

Они шли гуськом по колено в воде, стремясь быстрее оказаться под прикрытием скал нависающих над пляжем.

— Стас, иди вперед. Нечего пялиться, — сказала Марина и оглянулась. — Тащат лодки.

Стало глубже. Вода дошла до пояса. Полетели стрелы.

Красный вертолёт сделал круг над пляжем и проскочил над лодками. Раздались выстрелы. «Обезьяны» повернули к берегу. Вертолёт, почти касаясь воды, вспенивая поверхность озера, завис рядом с беглецами.

— Вот и я, ребята-а!.. — крикнула Карина, высовываясь из окна. — Купаетесь? А весь берег в людоедах.

— Тебе конец! — забираясь в салон, сказала Марина. — Отдышусь... И тебе конец. Растерзаю.

— За сумочку спасибо, — нарушила молчание Карина. — Так и будете мне глазки строить? Куда летим?

— Куда глаза глядят, — сказал Шпарин. — Будем рыскать в воздушном пространстве, пока опять не вляпаемся. Можешь для разнообразия сделать мёртвую петлю.

— Опять начинаешь? — раздражённо спросила Марина.

Стасик подполз к двери и лёг на живот.

— Под нами остров, — доложил мальчишка.

— Туда летим, — сказал Шпарин, выглядывая наружу. — На тот остров. Надо перевести дух и решить, что делать дальше.

— Откуда у тебя пистолет? — подозрительно спросила Марина, когда вертолёт опустился на вытянутый песчаный островок.

— Запасной. Я про него забыла.

— Не удивительно. Столько пить. Расчёску дай! Предательница!

— Кто предательница? Сдурела?

— Ты! Нет тебе пощады. Предателей расстреливают.

— Утопим, как она меня хотела утопить! — ожесточённо сказал Стасик и, подумав, добавил: — Но это не очень гуманно, человек всё-таки.

— Гуманист сопливый! — сказала Марина, расчёсывая волосы. — Оставим на острове, пусть посидит, подумает, может что-нибудь и поймёт.

Карина оглядела спасённых и сняла пистолет с предохранителя.

— Только попробуйте!

— Мы озверели. Она нас спасла, — сказал Стасик. — Два раза. Чего это мы? Разошлись Но я знаю, почему она вернулась! Увидела рыжий туман!

Марина осмотрела расческу и двумя пальчиками вытащила из зубцов волос.

— Скоро полысею от ваших ужасов.

— Карина Фёдоровна! — сказал Шпарин. — Дважды спасённые приносят извинения и просят прощения за агрессивное поведение. И подумаем вот над чем! Хорошо бы понять, кто куда попал? Карина со Стасом к нам или нас с Мариной занесло к вам попутным оранжевым ветерком. Вы обе из Конфедераций, но теперь понятно — из разных. Они живут похоже, но не под копирку.

— Я знаю, откуда я, — сказала Марина, наклоняясь, и потёрла облезший педикюр.

— Я тоже, — сказала Карина и вязко улыбнулась. — У тебя отлично получается устраивать неприятности, Мишутка.

— Вертолёт летит. Интересно, кто в нём? У Каринки в «железяке» должна быть ракетница! — заволновался Стасик и получил от хозяйки «железяки» затрещину.

— Правильно, — поддержала Марина и сама приложила к затылку мальчишки. — Нечего оскорблять винтокрылую технику.

— Горю нетерпением порадовать, — сказал Шпарин. — Возьмите коленки в руки, чтобы не тряслись и не стучали друг о друга. Вполне возможно — кто-то из вас не вернётся домой никогда, слышите, никогда, придётся привыкать к новой действительности.

— Знаешь, что, Мишутка! — сказала Марина, поджимая губы. — А не пойти ли тебе с твоей радостью куда-нибудь в другое место?

— Вот именно, Михаил Иванович, — надувая губы, сказала Карина. — Затравили совсем.

— Вертолёт! Вертолёт!!.. Они там офигели?.. — закричал Стасик.

Шпарин всмотрелся в лобовое стекло чёрного вертолёта и повалил мальчишку на песок.

Вертолёт пронёсся в метре над ними, прохрустел по камышам, воткнулся, подняв тучу песка и пыли, с лязгом и грохотом в песчаную дюну, перевернулся и установился на мягое брюхо. С воем улетели в озеро лопасти. Хвост отломился и, вращая маленьким винтом, уполз за гребень дюны. Ротор крутился с бешеной скоростью, вертолёт трясся, дрожал, дымил и вдруг заревел, как огромное подышающее животное.

— Спокойно, девчонки. Мы со Стасом посмотрим, кто там внутри.

— Михал Иваныч... Я вам кое-что скажу. Эта Каринка совсем не моя Каринка... — мрачно сказал Стасик на пути к чёрному вертолёту. — Не та Каринка, которая нас бросила. У этой в ушах нет серёжек. А моя носила.

— Сняла.

— До этого ли ей было? А на коленке вашей Маринки больше нет синяка. Это другая Маринка! Чудеса.

— Я уже привык к чудесам, — сказал Шпарин, забираясь в вертолёт.

Четверо мёртвых мужчин в масках лежали среди груды мешков из брезента с логотипом: «Главное Казначейство». В кабине, в кресле, удерживаемый ремнями, прижимая руки к груди, хрипел пилот. Через секунду у него изо рта хлынула кровь, пилот выгнулся и затих. Шпарин вернулся в салон и стянул маски с мертвецов.

«Вся компания в сборе — двойник, Ляхов и его друзья. Они ограбили «Главное Казначейство».

— Тут оружие! Винтовка!

Мальчишка вытянул из-под трупа двойника карабин, бросил и, срывая пломбы, стал открывать мешки.

— Деньги! Мы богачи! Валюта! Гульдены, франки, марки, дублоны...

— Стас, у тебя дома есть Главное Казначейство? — спросил Шпарин.

— Откуда ему знать, он ещё маленький. Ух, ты!.. Денежки и трупки, денежки и трупки, — слышались девичьи голоса. — Сколько денежек! А «убитому» вертолётнику здорово досталось. Дырки по всему фюзеляжу.

Девушки переглянулись, уселись на песок и оживлённо зашептались.

— Помогайте, девчонки, — крикнул Шпарин, выбираясь из чрева вертолёта.

— Не будем. Мы обиделись, — хихикнула Марина. — Только ненормальный авантюрист мог такое придумать — выбрать деньги вместо того, чтобы быстрее смотаться.

— Куда?

— Куда-нибудь!

— Шансов мало, даже куда-нибудь, — сказал Шпарин, рассматривая туманные берега озера. — Рыжая гадость окружает нас со всех сторон. Ещё одна загадка, почему туман рыжий, а не как во всех известных мне фантастических романах и фильмах — белый, серый, серебристый, свинцовый? Нонсенс.

— Он такой же ненормальный, как и ты.

— Мы все ненормальные. Все, если никому из нас не сидится дома, пусть и по разным причинам.

— Очень тонко подмечено, — съехидничала Марина. — Надо поразмышлять, нет ли тут огромного философского смысла.

— Хоть бы помогли, шпионки юные! — крикнул Стасик. — Расселись!

— Мы юные и хрупкие, — сказала Карина. — Нам нельзя тяжести таскать, мы будущие матери.

— А спиртное можно лакать? Наркоту глотать?

Девушки сидели на песке у красного вертолёта и наблюдали за Шпариним и мальчишкой переносящими деньги.

— А твоя Алина, какая она? Брюнетка? С голубыми глазами?

— Моя блондинка. С карими. Накажет теперь, врежет по первое число.

— Из-за чего?

— Из-за него.

— Любовь? Ты в него втрескалась?

— Мне показалось.

— Не грусти, девочка, найдёшь другую. Денежки поделим. Работу бросим.

— Будем мемуары писать. А с этим пацаном у тебя что?

Карина поморщилась.

— Ничего. Я проболталась. Мне нельзя со Стасом возвращаться. Сдаст папе! Давай из грохнем! Решай, девочка! Да?!

— Да! — сказала Марина, оглядывая мешки в проёме вертолётной двери. — Ну его к чёрту!

— Пора, они закончили!

— Фифы!.. — с негодованием сказал Стасик, проходя мимо девушек. — Что с трупами, Михал Иваныч?

— Хоронить нет времени. Наплывет дюна и занесёт песком.

Шпарин, услышав гудящий звук, поднял голову. Вертолётные лопасти набирали обороты, красная воздушная машина подрагивала, готовясь сорваться с места и взмыть в воздух. Марина, держа в руках винтовку, свесив ноги, сидела на краю двери.

— Шпарин, зачем тебе ещё деньги? Ты нагребил достаточно.

— Взбесилась?!

Девушка вызывающе усмехнулась, передёрнула затвор и выстрелила в воздух.

— Стоять! Стас, брось карабин! Была рада знакомству, Шпарин. Отлично покувыркались. Встреча с тобой многому научила. Всё намного проще, чем у вас с Алиной. Игры в любовь закончились. Ты больше никому не нужен. Никому!

Глава 9. Малджер

Глава 9. Малджер.

— Заразы! — с ненавистью сказал мальчишка, целясь в вертолёт. — Это из-за денег?

Шпарин положил руку на ствол.

— Из-за больших денег. Вот что, Стас, делают с людьми большие деньги.

— Красиво они нас кинули. Засадить бы по ним из ПЗРК. Когда успели сговориться?

— Не переживай. Неизвестно куда они улетят и где приземлятся. Если приземлятся.

Мальчишка поставил приклад карабина на песок, полез в плавки и протянул Шпарину багровый цилиндрик.

— А у меня вот что есть! Вытащил из сумочки, когда Каринка спала. Хотел отцу показать. Она разговаривала с «помадой». Не верите? Шпионская штучка.

Шпарин снял колпачок, выдвинул багровый столбик и мазнул по руке.

— И о чём она с ней разговаривала?

— Просила помощи. Сначала подумал: свихнулась Каринка от пьянства.

— И что ей сказала шпионская штучка?

— Посоветовала протрезветь.

Шпарин покрутил в ладони «помаду» и нажал кнопочку на торце. Загорелся зелёный огонек.

— «Служба Спасения и Ликвидации», — бодро произнёс багровый цилиндрик. — Пожалуйста, назовите код доступа.

— Пожалуйста!?! — повторил Стасик.

— Обычная вежливость, — сказала «помада». — Что вы решили насчёт ПЗРК?

— Пока ничего, — сказал Стасик. — Мы думаем.

— Я вот тоже размышляю, согласованно ли ваше решение с внутренними голосами?

Мальчишка наклонился к цилиндрику.

— Эй, там, внутри! Не видишь, у нас проблемы. У тебя мозги есть?

— У меня есть, а у тебя нет. Объект выходит из зоны сигнала.

— Неужели из-за этого вся шпионская рать встала на уши? Вот что двойничок у них утащил! Ну, тёзка! — сказал Шпарин и нажал кнопку на торце цилиндрика.

— Операция прекращена. Для подтверждения повторно нажмите активатор.

Цилиндрик притух зелёным огоньком и замолчал.

— Эй! Ты там не помер? — спросил Стасик.

— Закончили говорить гадости? Если да, то я слушаю, — сказал цилиндрик. — Внимательно. Назовите код доступа!

— Как мне вас называть? — спросил Шпарин.

— RCT-MALGER-333. Regional Cellular Transformer — Региональный Сотовый Трансформер, — ответила «помада». — Будем работать?

— Давайте. Очень хочется работать. Разрешите полюбопытствовать: каков спектр ваших возможностей?

— Приятно пообщаться с интеллигентным объектом. Спектр чрезвычайно широк. Представьте и обозначьте задачи, — потребовал цилиндрик.

— Агент в бегах. Капитан. Попал в какой-то кошмар. Прошу помощи. Мне необходимо отсюда выбраться.

— Приятно иметь дело с интеллигентным военным, но задачи не сформулированы, и вы не представились. Назовите код доступа.

— Понимаете, MALGER... Не всё так однозначно. Провалы в памяти.

— Пытки?

— Пытки, — подтвердил Шпарин.

— Надорвались на работе, понимаю. По окончании идентификации мы вас вывезем. Визуализуюсь и приступим. Опустите меня вниз, я несколько тяжеловат. И обращайтесь ко мне попросту: Малджер. Без этого идиотского грассирования: «малджг... рр-р».

Багровый цилиндрик засветился, окутался лёгкой дымкой. Из цилиндрика выползло синее облако и, достигнув груди Шпарина, поменяло цвет на сиреневый. Яркая вспышка и на песок ступил обтекаемый, без острых углов, матово-лиловый человечек.

— Малджер, — представился человечек. — Вы голый! Почему не в форме?

— Я на нелегальном положении. Маскируюсь. Попал в непростую ситуацию. Не пойму где нахожусь!

— Возможно! — смягчился Малджер. — Идентификация! Стандартная процедура. Номер удостоверения, номер телефона, отпечатки пальцев, сетчатка глаз, группа крови, приметы на теле. Сканирую и отправлю запрос в Центр. Если вы не тот, за кого себя выдаете — вас ликвидируют. Для начала вспомните номер удостоверения и пинкод вашей кредитной карты. Может быть не всё так плохо.

Жёлтые глаза трансформера вспыхнули, над головой засветился голубой нимб, красные лучики из зрачков потянулись к голове Шпарина.

— Хлипковат, но черепок выдержал, — сказал Стасик, опуская карабин.

— Давай посмотрим, что у железного дяденьки внутри. Лазерное шоу меня восхитило. Мальчишка потрогал Малджера пяткой.

— Он не железный. Мягкий. Всё, как у человека — ротик, носик, ушки. Дышит, сопит.

— Неси инструменты.

— Топор?

— И ножовку захвати, — сказал Шпарин. — Распилим роботу голову и посмотрим на шестеренки.

— Не надо ножовки. У меня нет фестеренок. Я фысокоорганизофаный франсформер.

— Фот, как заговорил! А то номер ему скажи. Голофку ему я всё же повредил, — сказал мальчишка и приложил кулаком трансформера по лбу. — Уберём дефект.

Малджер загудел, завибрировал, над головой вновь появился голубой нимб.

— Я вас идентифицировал. Вы предатель, убитый при переходе границы. Если вас ликвидировали, почему вы здесь? Непонятно.

— «На связи Центр! — раздался голос в ясном небе. — Нейтрализуйте предателя, он не должен уйти!».

— Пять... Четыре... Три... — начал отсчёт трансформер. — А как же я? Я отказываюсь!..

— «Мы это сделаем сами, 333-й! Забыли правила? Форс-мажор, Малджер, как ни жаль» — проникновенно произнёс голос с неба.

— Порча казенного имущества преследуется по закону! — закрывая голову маленькими ручками, пропищал трансформер. — Отдайте мой контейнер! Отдайте!..

— Не придуривайся! — угрожающе сказал мальчишка, поднимая карабин над головой. — Нам нужна карта, поройся у себя в башке, пока не поздно. Будешь сотрудничать?

— Буду, — немедленно ответил Малджер. — Отвратительные манеры! Капитан, уберите

своих людей с винтовкой! Они меня нервируют.

— Люди с винтовкой, — попросил Шпарин мальчишку. — Отойдите в сторону, мы с нашим иллюзионистом немного поболтаем, пообщаемся «тет-а-тет».

— Знаете французский?

— В скромных пределах. Ghambrepourdeus... Vous voulez coucher avec moi... Minette... И тому подобное.

— Номер на двоих. Вы хотите со мной переспать. Французский поцелуй, — тут же перевёл трансформер. — Впечатляет!

— Что вы пытались сказать о внутренних голосах? Вы их тоже слышите?

— Постоянно. Их так много. Невыносимо много, — пожаловался Малджер.

— С ними надо бороться, — назидательно сказал Шпарин. — Голоса — признак грядущего безумия. Они замутили сознание и жаждут поселиться в нём навсегда. Очень плохо жить в коммуналке с неприятными соседями. От таких соседей необходимо избавиться. Вы больны. Перенасыщены информацией. Поделитесь своим недугом, и я возьму часть вашей хвори на себя.

— Вы меня дурачите, капитан? Конечно, дурачите!

— Ни в коем разе, — ласково сказал Шпарин. — Интеллигентные объекты не дурачат друг друга. Я в душе слегка интеллигент с некоторым интеллектом. Плюс парочка хобби, одно из них — лечу заблудшие души. Даром. Из-за своего чуткого хоббизма. Давайте, попробуем и, вот увидите, станет легче.

— Ну разве немного, совсем чуть-чуть. Что бы такое вам выдать, чтобы не было мучительно совестно, и вы меня больше не били.

— Что найдёте нужным, — сочувственно сказал Шпарин. — Самую малость. Когда немного, то и не стыдно. Никто не заметит и душе не противно. У вас же есть душа?

— Должна быть. Я об этом думал. Полагаю, что душа есть у всех.

— В прошлой жизни была у меня одна молоденькая машинка, — сказал Шпарин. — Молоденькая, резвая и ужасно брыкливая. Я тоже был молод и никак не мог нащупать, где находится у неё эта загадочная субстанция. Беседы в формате неконструктивной лексики совершенно не помогали. Мы так и не поладили.

— Где ваша машинка теперь?

— Перешла к новому хозяину. Мы расстались. Я был молод.

— Проблемы надо решать, — сурово произнёс трансформер. — Какой же вывод?

— Забота. Обыкновенная забота о тех, кто рядом. Когда об этом забываешь — всё идёт не так. Дорогая, необходимая ей автокосметика, подарки на корпус, то есть тюнинг и, самое главное, — постоянная профилактика важного внутреннего органа... э-э... агрегата. Теперь я это знаю. По накопленному опыту

— Прошли хорошую школу, — сказал трансформер. — Понимаете основы секса. Вы начинаете мне нравиться.

— Душа может находиться в разных местах. У одного моего друга она в пятках. А где у вас?

— Она где-то тут, — трансформер показал на грудь. — Или вот здесь, пониже.

— И у меня там! — воскликнул Шпарин. — Я давно заметил, когда заболеваю, именно в этом месте она и начинает волноваться. Приступим к лечению. Начинайте изливать душу.

— Даже не знаю. Что-то конкретное?

— Мы говорили о карте, — мягко напомнил Шпарин.

— Не будет ли это предательством? — засомневался Малджер.

— Отчего же? — возмутился Шпарин. — Какое предательство? Это вас предали, лишили радостей жизни, запихали в тесное пространство, в этот малюсенький контейнер, только что хотели взорвать, и вы ещё сомневаетесь. Я отчего-то подозреваю, что вы не просты. Ух, не просты-ы!..

— Уговорили! — смущённо сказал трансформер. — Уговорили, искуситель вы этакий. Над матовой лысиной Маджера вспыхнул голубой нимб.

— «Это «Центр». С кем вы разговариваете?».

— Нет покоя! — сказал трансформер. — Нельзя остаться наедине с приятным объектом и пообщаться.

— Возмутительно, — посочувствовал Шпарин. — С этим надо кончать.

— «Это «Центр». С кем надо кончать?.. Малджер, с кем вы общаетесь?».

— С ... — начал трансформер и пыхнул жёлтыми глазками. — Ах, да! Вы же предатель! Как вам не стыдно! У вас душа совсем не в том месте, куда вы указали.

— Я не предатель. Совсем наоборот. Измученный недоверием обычный человек.

— Недоверие всё портит, — согласился Малджер. — Изматывает душу. Я вас понимаю.

— Кто-то меня подставил. В вашей шпионской организации служит моя знакомая. Она бы подтвердила, что я не тот, за кого меня принимают. К сожалению, теперь она далеко.

— Не катастрофично. Как зовут вашу знакомую?

— Алина.

— Алина? Не густо. Но попробуем. Как фамилия вашей знакомой?

— «Варенина её фамилия! Майор Варенина, — сказали в «Центре». — Прекратите заниматься идиотизмом!».

— Идиотизмом заниматься невозможно, — заметил Шпарин. — Идиотизм — одно из состояний души, но когда его полно у одних, то это здорово помогает другим.

— Вам не откажешь в трезвой оценке ситуации, капитан, — сказал Малджер. — Не психуйте, «Центр»! Я должен докопаться до правды.

— «333-й — это предатель! Нейтрализуйте его неме...».

Голубой нимб поменял цвет на жёлтый.

— Режим ожидания, — сказал трансформер. — Отключил канал. Не хрена мешать искать правду.

— Святые слова.

Шпарин протянул руку и пожал узкую ладошку трансформера. Жёлтый нимб над Малджером стал жиже, поменял цвет на бледно-зелёный и свился в спираль. Послышались щелчки и гудение, как на узле связи в старой аппаратной.

— «На связи», — сказал новый голос.

— Эван! Это я — Малджер. Дай мне номерок некой Алины Варениной. Она проходит по нашему ведомству.

— Для тебя, Малджер, хоть протуберанец!

— Кто это — Эван? Коллега? — спросил Шпарин.

— Коллега... — печально произнёс трансформер. — Одного коллегу недавно пришлось ликвидировать. Не выдержал напряжения. Сегодня утро воскресенья, ваша знакомая должна быть дома.

Щелчки, гудение. В воздухе раздались телефонные трели.

— Алле-е... Кому неймётся в выходной? — спросил недовольный, заспанный, но

знакомый голос. — Если это ты, Татьяна, берегись! Я ещё сплю.

— Говорите, — сказал трансформер, — с вашей знакомой.

— Кто это? — спросила Алина.

— Это я!

— Ну да, — сказала Алина. — Это ты. Конечно ты, кто может быть еще. А кто ты?

— Знакомый незнакомец.

Короткие гудки.

— Не туда попали. Попробуем ещё разок. Джастин! Давай теперь ты. По своей линии.

Повтори вызов.

Длинные гудки. Молчание.

— Алле-е... Кому неймется в выходной? — спросил недовольный, заспанный, но знакомый голос.

— Не бросай трубку, — сказал Шпарин. — Это я!

— Ну да, — сказала Алина. — Это ты. Конечно ты, кто может быть еще. А кто ты?

— Знакомый незнакомец.

— Почему тебя интересует мои кошмары, незнакомец?

— Ты мне нужна!

— Послушайте... — сказала девушка. Голос её был печален. — Если вы мне и снится, то это не повод звонить в восемь часов утра в воскресенье. Кстати, откуда вы знаете, что именно вы мне и снится?

— А откуда вы знаете, что это я вам и снясь?

— Я почему-то в этом уверена, — в воздухе раздался глубокий вздох. — Вы тот ночной нахал, которого я вчера подвезла от казино.

— Бросила трубку. Опять не туда? Даже мне интересно, чем у вас закончится, — сказал трансформер. — Что-то тут не так. Продолжаем? Хенрик, теперь ты, ещё разок!

— Алле-е... Кому неймётся в выходной? — спросил недовольный, усталый, знакомый голос с лёгкой хрипотцой, но не спросонья.

— Надо поговорить, Алина!

— Как ты до меня добрался?

— Девушка! Майор Варенина! — вмешался трансформер. — Прошу внимания! Проясните один момент. Кто из наших подставил капитана?

В воздухе раздался металлический скрежет. Зелёная спираль над головой трансформера пожелтела, выпрямилась и столбиком скакнула вертикально вверх.

— Конец связи, — сказал Малджер, закрывая ушки ладонями. — Отдайте мой контейнер! Отдайте!..

— Мы так хорошо начали понимать друг друга! — возмутился Шпарин.

— Чуть не влип! Вы меня заморочили.

— Морок — это мрак, темень, — сказал Шпарин. — А в вашем случае это туман, электронный, в вашей лиловой голове.

Жёлтый столбик над трансформером дёрнулся, посинел и обратился в круг.

— «Малджер», вы почему отключились? — поинтересовались в «Центре». — Прикончили предателя?».

— Прикончили, — плачущим голосом ответил трансформер, глядя на карабин в руках у мальчишки. — Идите вы все на фиг!

Одна из чаек, летающих над водой, спикировала, вцепилась в голову трансформера и

клянула в лоб.

— Звери-и! — отдирая чайку, завопил трансформер. — Вокруг одни звери! Всё время бьют по голове. И птицы — звери! Лоб кусают!..

— Не кусают, клюют, — сказал Шпарин. — Вернёмся к теме предательства. Сдаётся мне, что и у вас рыльце в пуху, простите, в сильных полях неведомой мне природы. Вы ведь не всегда жили в пробирке? Расскажите, как очутились в «помаде»?

— Из-за них... — трансформер скорчил гримасу. — Из-за женщин. Ведьмы!

— Попахивает мистикой. Множество мужчин, из-за них же, постоянно влипают в неприятные истории. Таковы суровые грабли межполовых отношений. Какая потусторонняя грация вас заколдовала? Поделитесь печальным опытом.

— Адюльтер. Обыкновенный адюльтер. Жена непосредственного начальника.

— Да вы что? — ужаснулся Шпарин.

— Нас застучали. У него дома.

— В таких делах нужна осторожность. Существует народная примета: никакого постороннего секса, ни дома с соседками, ни, тем более, на работе, чтобы не испортить себе жизнь. Ни-ни. Я вам как опытный хоббист говорю, проходил однажды краем. Значит, застучали? И... и что... разложили на атомы и сунули в контейнер?

— Можно и так сказать, — трансформер печально вздохнул. — На более мелкие частицы. Заманили на следующий день в нашу секретную лабораторию. Эта сволочь, мой начальник отдела. Работаю теперь в Субпространстве без права возвращения в личное тело.

— Хорошенькое у вас начальство, — сказал Шпарин. — Чуть что и в пробирку. Где вы сказали, работаете? В каком пространстве?

— В Субпространстве, — досадливо промолвил трансформер. — Спасая, наблюдаю, координирую и ликвидирую. Надзираю за обстановкой и нерадивыми трансформерами. Но это совершенно секретно, сами понимаете. Только между нами.

— Пора показать нам настоящее личико, Малджер. Проявите, наконец, уважение к новым друзьям и проявите настоящую фигуру.

— Может не стоит?

Малджер встрепенулся, перевернулся на живот и куда-то пополз. Мальчишка обежал трансформера и поставил пятку перед лицом.

— Личико, личико. Но мы ещё подумаем — стоит ли с тобой дружить.

— Стоит, — хихикнул трансформер. — Если у вас стоит. Смотрите. Хрен с вами!

— Он то с нами, — сказал Шпарин, — то есть они. Но как-то вы вульгарно выражаетесь... Трансформер поднялся на ножки и окутался сиреневым облаком.

— Женщина!.. — вскрикнул Стасик. — Голая баба!

— А мы так плохо себя вели, — растерянно сказал Шпарин. — При нём... при ней.

— Плохо, — согласилась «голая баба» лет сорока. — Ссали не прячься, выражались матом. Как только не стыдно! Меня, кстати, зовут Желдерма.

Желдерма отбросила оранжевые волосы назад, кокетливо улыбнулась, упала на четвереньки и покачала задом.

— Мечтать не вредно. Мечты сбываются. К вашим услугам. Устроим марафон. Кто первый? Наверное, ты, мальчик. Я вижу у тебя повышенный интерес, да и у вас, капитан, в том месте, где у вас душа, что-то шевелится. Начинайте вы, капитан. По старшинству.

— Я ещё никогда... — застеснялся Стасик. — Не принимал участия в таком марафоне.

— Стоит попробовать, — поощрила Желдерма, делая замысловатые движения телом. —

Не пожалеешь.

Шпарин вырвал у мальчишки карабин и, вращая глазами, свирепо рявкнул:

— Это шоу — последнее шоу в твоей жизни!

Желдерма ойкнула и спряталась в сиреневом облаке.

— Вас не проведешь, капитан.

— Опыт. Я проституток разного пола на раз вычисляю. Зачем вы это сделали, Малджер?

— Проверял новых друзей на вшивость. Можно ли им доверять.

— Проверили?

— Возможно можно, но как-то боязно отдавать душу в ваши цепкие лапы.

— Я отдал и не жалею, — сказал Стасик, — и ты побыстрее давай.

— Сижу здесь в облаке и чувствую, что начинаю вам доверять. А я ведь недоверчивый.

— А я простой, душевный парень. Творю добро, когда не мешают творить.

— А когда мешают — не творите.

— Не творю. Становлюсь злым и недобрым.

Сиреневое облако вздохнуло и рассыпалось блестящими каплями. На песке стоял полненький, с небольшим животиком, невысокий человек лет сорока. По невыразительному лицу гуляла кривая ухмылка. Ладони он держал скрещёнными внизу живота.

— Вполне приличный голый мужик, — сказал Стасик. — А то проститутку из себя строит.

— Это ваше настоящее обличье? Или есть ещё ампула? — спросил Шпарин.

— Есть, капитан. Множество образов. Но другие плохо получаются. Не хватает достоверности. Самые удачные — проститутка и собака. Показать?

— Проститутку мы видели, не стоит беречь душу, а на собаку взглянем.

— Давай, Малджер! — сказал Стасик. — Обратись в пса. Лай негромко, бедные чайки уже опупели.

Сиреневое облако. Собака. Большая. Рыжего цвета.

— Дворняга палёная, — сказал Стасик. — Сука.

— Кобель! — не согласилась собака голосом трансформера. — Самый любимый образ!

Впечатляет?

— Ещё как! Обращайтесь обратно в человека. Псевдофантастика!

— Новое направление в искусстве?

— Новое. За гранью старого, с вычурными элементами шизофрении, помноженной на двояковогнутое состояние души.

— А скажи-ка, Малджер? — спросил Стасик. — Ты с животными часом не того? Не шалил?

— Капитан? — обиделся трансформер. — Доколе?..

— А всё-таки, — не удержался Шпарин, — почему собака?

— Собаки — лучшие друзья мужчин. Лучшие. Особенно одиноких.

— Если тихонечко поразмышлять над тем, что вы сказали, то, наверное, я где-то и соглашусь с вами. Но вы не увлекайтесь этими образами, собачий друг женщин легчайшего поведения.

— Пожалуй, я останусь в лиловом образе, — решил трансформер. — Старый, человеческий, невыносимо быстро, примерно через пять минут, блекнет и распадается. Ужасно нестойкий. Вы не против?

Шпарин разжал ладонь с корпусом «помады» и воткнул цилиндрик в песок.

— С этим как?

— С прошлым покончено, я лезу в новое рабство, — грустно высказался трансформер.

Голубой нимб над головой трансформера дрогнул, притух и пожелтел. Малджер всхлипнул.

— Отключаю связь с начальством. Теперь мой шеф вы. Наконец-то новая жизнь! Надо бы радоваться.

— Не спешите отключать совсем. Старую работу тоже оставим — будете работать двойным агентом. В этом состоянии есть и плюсы. В любое время можете вернуться назад. Контракт подписывать не будем. Так как надеюсь на вашу душу.

— Вы, шеф, душегуб!

— Не правда, Малджер! — возразил Стасик. — А вот и не правда. Кэп бережно их собирает и складывает в укромный уголок души, чтобы в старости было о чём вспомнить.

— В основном душистые, с приятным запахом приятных духов! Карта! Надо сориентироваться. Понять, куда двигаться. Начнём сообща искать правду в этом узком местечке Субпространства.

— Назад пути нет! — строго сказал Стасик. — Мы перескочили фиг знает куда, на какую-то другую сторону. Ты, Малджер, теперь гражданин мира, как мы с Капитаном.

Воздух у берега потемнел и сгустился. В тёмном желе сверкнула молния и над водой появился покрытый воронками серый шар.

— Это Луна? Кратеры. Вот тот здоровый — кратер Тихо, в южной части. Как сейчас помню фото на сайте НАСА. Когда находится в тени, любители ночных глазений на звёздное небо иногда наблюдают внутри сверкающее пятно. А вон тот кратер, почти в середине, Альфонс. Взались за старое, Малджер? Душите в зародыше дружбу? Выскальзываете из дружеских объятий?

— Из ваших объятий выскользнешь. Прошу прощения, шеф! Сейчас...

Шар опутался серебристыми спиралями. Спирали слились в серебристые реки, побежали серебристыми облаками, наплыли массивы облачных фронтов, появились океаны и материки.

— Земля! — выдохнул Стасик. — Уу-х!.. Африка-а!

— Крутите, Малджер, на северо-восток! Ближе к нашим лесным просторам.

Шар закружился и вырос в размерах. Трансформер указал в центр пелены облаков.

— Мы где-то тут.

— Где тут?! — раздражённо поинтересовался Шпарин. — Ничего не видно. Сплошная облачность.

— Приблизительно тут.

— У вас всё приблизительно. И душа, и образ ваш, и вообще вы какой-то весь приблизительноный.

— Сволочное начальство постаралось, — угрюмо сказал трансформер.

— Напрягись, Малджер! — посоветовал Стасик. — Не нервничай Капитана и меня.

— Сенсорное зрение подсело и погода плохая. Циклон, — уныло сказал трансформер.

— Прорывайтесь вниз. Нырять за облака.

— Не могу, — виновато произнёс трансформер. — Помехи. В тропосфере сильные ливни.

— Где ливни? В какой тропосфере? Их там не бывает! Где? У нас тут сухо! Опять не туда попали?

— Может и не туда.

Серая мгла на шаре дрогнула, покрылась рябью, пошла оборванными полосками. На них нахлестом, вкривь и вкось, набежали волнистые линии, подрожав и побегав, исчезли, серая мгла поделилась на квадраты, квадраты разлетелись на треугольники, треугольники вспухли многоцветьем, соединились, вскипели и прикинулись облаками. Шпарин обратил внимание на редкие сверкающие точки.

— Спутники?

— «Летающие тарелки», — ответил трансформер.

— Да иди ты... — сказал Стасик.

— В самом деле? — спросил Шпарин.

— Инопланетяне, — сказал Малджер. — Центавры, Сирианцы, Марсиане и парни с Веги. Сегодня их мало. Обычно шныряют толпами. И боевых платформ Центавров нет. Куда-то попрятались. Джереми? — громко позвал трансформер. — Где гуманоиды? Наблюдаю отдельные неопознанные объекты.

— Привет, Малджер! — сказал густой мужской голос. — Рад за тебя! Решился. Соскочил. Молодец!

— В самом деле, парни! — воскликнул Шпарин. — Подумайте и присоединяйтесь. Этот грёбаный мир надо перевернуть! Всё в наших руках, вернее в наших нетленных душах. А куда подевались боевые платформы Центавров?

— На Плутоне, — ответил густой голос. — Они там. И в поясе Койпера. Готовятся к схватке. Марсиане сосредоточились на орбитах Юпитера и Сатурна.

— Что не поделили гуманоиды? — спросил Шпарин.

— Луну!

— Луну-у?..

— Ну да, — сказал трансформер, — Луну. Внутри Луны древняя База парней с Веги и Сириуса. Центавры и Марсиане собираются их оттуда выкурить. Хотите послушать переговоры?

Визг, треск, шумы различной тональности, скрежет и писки.

— Абракадабра, — сказал Шпарин.

Облака на шаре снова поделились на квадраты. Серая квадратная мгла поволновалась и рассеялась. Появились редкие леса. Просторные поля. Города с островерхими пагодами.

— Национальный колорит, — сказал Шпарин. — В Китай занесло. Растительности нет, весь лес порубили.

— Это Сибирь, здесь живут китайцы. Перестарался, сейчас повернём на запад.

Шар над озером завертелся с бешеной скоростью.

— Опять сплошная облачность. Малджер, я теряю терпение!

— Секундочку.

— А вот тут — стоп! — заинтересованно попросил Шпарин.

Огромный город. Старинные крепостные стены из красного кирпича.

— Ну-ка, ну-ка, Малджер, ближе...

Башни с полумесяцами на шпилях. Минареты. Улицы забиты людьми, стоящими на коленях.

— Их миллионы! Почему они сидят на ковриках? — спросил Стасик.

— У них праздник. Это столица моей родины, — грустно сказал Шпарин. — Кошмар!.. Крутите дальше, Малджер. Скажете, когда будем на месте.

— На месте! — почти без промедления доложил трансформер.

— Уху-ху... — прошептал мальчишка. — Это мы! Точно мы!

У воды, на узкой полоске песчаного пляжа, стояли двое и смотрели в небо.

— Как это возможно? — спросил Стасик. — Видеть самих себя. Да ещё сверху?

— Из глубины Субпространства всё видно, — процедил Малджер. — Это понятно?

— Понятно! Это понятно, — сказал Стасик. — Мне непонятно почему тебя, Малджер, с нами нет?

— Мне вдруг расхотелось участвовать в ваших кошмарах, капитан, — уныло сказал трансформер. — Начинаю сомневаться в ваших чистых помыслах и душевных порывах.

— Странно вы себя ведёте, то устраиваетесь на новую работу, то начинаете капризничать.

— Пожалуй, я вернусь на старую. Заморочили вы мне голову, — сказал трансформер, окутываясь сиреневой дымкой.

Чистое небо щёлкнуло и мужской голос произнёс: «кофе... не буду... не мешайте... раз, два, три, четыре, пять, вышел Малджер-р погулять... идиот... тебе конец... пять... четыре... три... два... один... зеро-о-у!...». К островку протянулся голубой луч и ударил в «помаду». Яркая вспышка и сиреневое облако втянулось в цилиндр. Шпарин поднял «помаду» и протянул мальчишке.

— Спрячь. Отдашь папе.

Зажигалка нашлась в кармане у двойника. Шпарин и Стасик натаскали сухого плавника, разожгли костёр и всю ночь просидели у разбитого вертолёта. Ночь упала неожиданно быстро и так же быстро закончилась, без звёзд, Луны, и новых потрясений. К утру мальчишка уснул, положив голову на колени Шпарина, а он до рассвета вглядывался в оранжевую мглу над поверхностью озера. День растворил туман, вылизал горизонт, придвинул береговую линию и вытянул вдоль берега тёмную полоску сосен. По песку задвигались маленькие фигурки, над головами, мигая огоньками на крыльях, проревел воздушный лайнер и скрылся за лесом.

— На посадку пошёл. Город рядом. Что видишь? То же, что и я?

— Чистая сказка. Ну чистая... — изумлённо сказал Стасик. — Деревня на пригорке. Озеро обмелело!.. Воды по колено. На берегу пацаны таскают воздушного змея.

Разинув рты, мальчишки смотрели на выходящих из воды. Самый старший держал в руке леску от «змея».

— А вы откуда взялись?

— Моряки, — буркнул Стасик. — Кораблекрушение. Шхуна затонула.

— Бреешь! У нас тут не поплаваешь.

— Не твоё дело, пацан! — хмуро сказал Стасик. — Скажи-ка мне лучше, как добраться до города?

— Винтарь заимел. И важничает. Дай стрельнуть.

Шпарин потрепал мальчугана по голове.

— Наверное, лётчиком хочешь стать?

— Хочу, — смутился мальчишка.

— А как зовут будущего лётчика?

— Пашкой зовут.

— Как, Паша, называется город?

— Губернаторск называется. Вы не местные?

Шпарин оставил вопрос без ответа.

— А посёлок... Сонная Горка, у города есть?

— Есть. У меня там дядька живет.

— Это далеко?

Мальчишка кивнул на грунтовку, ныряющую в лес.

— По дороге пешаком к вечеру дойдёте. А напрямки часа два топать. И будет вам ваша Сонная Горка. Что ж вы врётё! Вы с того вертолёта. Ваш не сгорел, почти целый.

— А какой сгорел?

— Красный. Вчера долбанулся на поле. Внутрях две горелые девки и куча палёных денег.

Глава 10. День лязгающей калитки. Коктейль

Глава 10. День лязгающей калитки. Коктейль.

Посёлок. Дома в высоких деревьях. Кукурузное поле. За полем деревенька. В поле редкие ели. У крайнего дома с башенками блестит стеклами чёрный джип. У выхода из чащи за кустами черемухи ещё один джип серого цвета.

— Мы дома? — спросил Стасик.

— Я не дома, а вот где ты, скоро узнаем.

Мальчишка запустил пятерню в копну нечёсанных волос.

— Где же мы всё-таки были? С вами одни неприятности, Михал Иваныч!

— Как-то так получается, что со всеми, кто рядом, я ими расточительно делюсь. Надо признаться. Иди на разведку, Стас. Дом с башенками. Осмотрись, понаблюдай, кто там и что там. Все понял?

— Есть, Капитан!

Стасик отдал Шпарину карабин и, мелькая грязными пятками, помчался к дому, побродил вокруг, забрался на металлическую ограду и, посидев минуту, спрыгнул и вернулся к Шпарину.

— В беседке бородатый старикан в халате, на столе бутылка и два стакана. Один стакан накрыт куском чёрного хлеба. На крыльце сидит девчонка. Блондинка. Красивая. Обалденная. Девчонка в белых шортиках. Ноги длинные. Держит ромашку, зло рвёт лепестки и что-то бормочет.

— Больше никого?

— Конопатый «тормоз» в спортивном костюме возится с жаровней у бассейна, а у ворот идиотская голая собака. Хрипит и пускает слюни. Почуяла меня. Рядом с девчонкой сидит Лёха. Брат блондинки. Прилично бухой. Мой отец дружит с его папашей. А девчонку зовут Генриэтта.

— Имя хорошее, необычное, — сказал Шпарин.

— Кажется, старикан меня заметил.

Из лязгнувшей калитки появился Сергей Николаевич и, путаясь в полах багрового халата в золотистых лилиях, пошёл к ним. Экстрасенс выглядел мрачно, настороженно и, сверля глазами лицо Шпарина, вяло пожал протянутую руку.

— Заявился, наконец. Кто этот перемазанный пацан? Беспризорник?

— Это Стас, сын Древаки.

Сергей Николаевич вздрогнул и часто заморгал.

— Неожиданно... К тебе постоянно прилипают разные интересные личности. Почему вы с берданкой и голые?

Лязгнула калитка. Из калитки вышла брюнетка в белых шортиках, белых кроссовках, с пакетом в руке. Достала из пакета пачку сигарет, залезла в машину и несколько раз нажала на сигнал.

— Э-эй!.. — крикнула девушка, выглядывая из окна автомобиля. — Ты скоро?..

Девушка сунула сигарету в рот, чиркнула зажигалкой и снова яростно посигналила.

— А это кто? Ты сказал: блондинка.

— Генриэтта не курит, — подумав, ответил Стасик. — Эта — психованная Стелка! Всё время дымит, как паровоз. В парике. Хобби у неё — таскать парики.

Девушка, уловив движение у леса, повернула голову и выскочила из машины. Шпарин сунул карабин Сергею Николаевичу, схватил мальчишку за руку и отступил в заросли черемухи.

— Иди к ней, поболтай. Они собрались уезжать, ну и пусть едут.

— Вечно суешь меня наперед, — проворчал Сергей Николаевич. — Я с ними уже так наболтался, так наболтался...

— Вот вы где, Миазмов! Сказали, что пройдёте до магазина, а вы вот куда понеслись!

Девушка пустила дым в лицо Сергею Николаевичу и кивнула на кусты.

— Кто там?

— Охотники, наверно.

— Почему они прячутся, эти охотники?

— Попрытались, увидав вашу необыкновенную красоту, принцесса. Разбежались и попрятались. Даже оружие бросили.

— Врёте, Миазмов! Врёте! Кто там?

— Друга встретил, ваше высочество! Любопытствовал природой и неожиданно встретил.

— Шпарин! Выходи! Я тебя вижу! — сердито сказала девушка.

— Не могу, — ответил Шпарин из кустов. — Я в неглиже. Не одет, так сказать.

Лязгнула калитка. Появилась блондинка. В белых шортиках и белых кроссовках. Брюнетка бросила сигарету, обошла Сергея Николаевича, протянула руку и, схватив Шпарина за нос, вытянула из черемухи.

— Генриэтта, смотри, кого я нашла!

— Твою роту... — сказала блондинка, присоединяясь к живописной группе.

Шпарин потёр нос и, скрестив руки на паху, поклонился.

— Здравствуйте. Приятно познакомиться. Позвольте представиться...

— Гольий!.. Неисправимый кобелина! Какой же ты кобелина! А вы, Миазмов, хам, пьянь и врун. Там ещё кто-то есть. Вот те на!.. Стасик? Выходи! Откуда ты знаешь этого негодяя?

— Никакой он не негодяй, — сказал мальчишка, переминаясь с ноги на ногу.

— Клоуны, — сказала брюнетка. — Отец с ума сходит, а ты вот где. Шпарин, ты зачем ребенка сюда притащил? Узнает генерал...

— Чудовище! — грустно произнесла блондинка, наматывая локон на палец. — Ты, Шпарин, чудовище! В кого ты превратился?

Девушки повернулись и пошли к машине.

— Три сестры! — восхищенно сказал Стасик. — Третьей здесь нет. У той волосы до самой попки. Тоже нехилая кобылка, но прибабахнутая, ещё хуже этих.

— Мегера! И эти так сегодня визжали, так визжали, — пожаловался Сергей Николаевич. — Уморили напрочь. Что с тобой, Миша? Чего это ты взбледнул?

— Темпорально-аморальные связи... — с надрывом сказал Шпарин, качнулся и опёрся на плечо экстрасенса.

— Женщины! Женщины! Тебе их достается огромное количество, — завистливо проворчал Сергей Николаевич.

— Михал Иваныч! Это, мы, ваши друзья, — Стасик помахал ладошкой у лица Шпарина. — Очнитесь.

— Сделаем носилки, — сказал Сергей Николаевич. — Волокушу из ельника, Мише тяжёлый, и оттащим в дом. Позову Додоню.

— Сейчас оживет, — мальчишка приподнялся на пальцах ног и рывкнул в Шпаринское

ухо:

— Смирна-а! Р-равнение на знамя-а!..

— Эти «сёстры»... — вздрагивая, нервно сказал Шпарин. — Эти «сёстры»... Мне скорое мозг вынесут. Это не то место. Не то!

— Берём его под руки, пацан! — скомандовал Сергей Николаевич. — Повели к дому. Что-то Миша ослабел. Заговаривается. Необходимо срочно принять лекарство, сразу станет лучше.

— У тебя одно лекарство. От всех болезней.

— Очень помогает. Тебе тоже поможет. Пойдём лечиться.

— Отпустите меня, братцы. Прояснилось. Пойду сам.

— Обозвала напоследок, — растерянно сказал Сергей Николаевич. — Вот она — современная молодежь!

— Правду сказала. Ты кто есть? Пьянь и врун. Насчет хама погорячилась, а может и нет.

— Таких рассказчиков как ты, Миша, поискать надо. Я тебе в подмётки не гожусь.

Скрипнула и лязгнула калитка. Из калитки вышел Ляхов и замер.

— Ну вы даёте, капитан!

— Лёха! — сказал Стасик. — Лёха? Бухому за руль нельзя.

— Что ты тут делаешь, Стас? Отец поставил на уши всю полицию. Я поехал. Дел невпроворот. Не беспокойтесь, капитан, всё идёт по плану. Платье невесте купили, открытки гостям разослали, ресторан заарендовали.

Сергей Николаевич затянул потуже пояс халата и любовно погладил сверкающий капот джипа.

— Алексей... Ты, это... Не гоняй, не повреди лакокрасочное покрытие. И дверью не хлопай.

Скрипнула и лязгнула калитка.

— Ии-их!.. — увидев Шпарина, растерянно произнёс Додоня. — Здравия желаем, господин капитан. Сергей Николаич, еда стынет.

Шпарин поднялся на второй этаж, походил по коридору, открывая двери и, увидев большое фото в тёмной рамке на светлом комодe, вошёл в пыльную комнату с разбросанными мужскими вещами. На цветной фотографии — он, собственной персоной, в зелёных плавках, и длинноволосая длинноногая красотка в алом бикини на каком-то пляже. Шпарин повернул фотографию: «Лазурное озеро, январь...». «Лазурное озеро» было выведено изящным женским почерком, а ниже приписанные большие буквы X и У, и слово «указатель» нацарапаны явно мужским. Верхняя надпись выглядела полустертой, X, У и «указатель» смотрелись намного свежее. Шпарин бросил фотографию на двуспальную кровать, застеленную жёлтым покрывалом с чёрной пантерой, и открыл нараспашку высокий шкаф. Обозрев висящие на плечиках костюмы, военную форму, рубашки, постельное бельё на полках, стопки маек и трусов, с треском захлопнул. В секретере обнаружили наручные часы при тяжёлом серебряном браслете, пакетик с белым порошком, многочисленные визитки, потёртая записная книжка, заполненная адресами, именами-фамилиями, номерами телефонов, паспорт и бумажник с долларами. В нижнем ящике под ворохом старых бумаг лежала зелёная тетрадь. На обложке было написано: «Дневник Скитальца». Шпарин положил тетрадь на тумбочку у кровати и раскрыл паспорт.

«Шпарин Михаил Иванович... Здравсте, Михал Иваныч! Выдан Усольским уездным

отделением полиции...»).

Он подошёл к зеркалу, прижав паспорт к стеклу, сравнил фото с отражением и поцокал языком: «Аналог... Дубликат». Пересчитал доллары, их оказалось ровно две тысячи, и изучил стодолларовую купюру. Серо-голубая с рыжиной банкнота выглядела настоящей, как в прошлой российской жизни — рельефный шероховатый оттиск по всей поверхности, большая цифра «сто». Если бы не портрет президента. На месте Франклина был изображен индеец в головном уборе из перьев.

— В этом мире коренные жители Америки перебили «бледнолицых», — громко сказал Шпарин, ковырнул ногтём синюю трехмерную ленту, вплетённую в бумагу, и наклонил банкноту.

При наклоне колокольчик поменял цвет с медного на зелёный и прыгнул в чернильницу. Шпарин удовлетворённо кивнул, уложил портмоне во внутренний карман чёрного с отливом костюма и отправился в ванную. Почистил пальцем зубы и сбрил бородку. Приняв горячайший душ, сбросил покрывало с пантерой и, упав на кровать, забылся тяжёлым сном.

Кошмары, всю ночь дикие кошмары, утром Шпарин проснулся в холодном поту, опустил ноги на пол, посидел, приходя в себя, и протянул руку к тетради на тумбочке.

«... пытаемся разобраться в текущей ситуации. Додоня, слушая нас, сказал, что это все от пьянства и если мы не закончим усугублять, то в скором времени свихнёмся, а он нас бросит. Николаич разразился гневной тирадой о непозволительном тоне. Еле успокоил обоих. Роман идет туго. Ночью закончил третью главу. Почитал волшебнику. Николаич сказал, что я потерял хватку и стиль. Насчёт хватки колдун, думаю, поторопился. Никуда она не делась. Карамельке девятнадцать. Девчонка толковая, но закидонистая. Каждый день вяжет новые узлы на головёнке и красит хвостик. Родители в дипломатах за границей. Додоня молодец. Всё готовит на жаровне. С дымком и выдумкой. Наши разговоры о дубликатах слушает внимательно, но пока не поддерживает. Сестричкам по двадцать пять. Перехаживают в невестах. Петя заметил: «Стройны, конечно, фасад отменный, но оторвы отъявленные, потому шансов охомутать капитана нет». Николаич выразился конкретнее: «Вот же дуры!».

Четверг.

Карамелька умотала к тетке в город. Завтракали овсянкой и клубникой, пили кофе и разговаривали о сложной жизни. До обеда гуляли. Вокруг деревни сажают картошку. Ленюсь. Дни ползут. Я вроде как в отпуске и до конца отпуска ещё далеко. Рисовал шифровки двойникам. Смотрел телевизор и читал свежую прессу. Прессой снабжает Ляхов. После обеда приехали будущий тесть, Древака и долговязая девчонка. Инеев готовится к дембелю. Довольный, как слоник. Папаша попенял за медлительность и долгие раздумья. Сделал маневр, успокоил — решение на подходе. Мужчине надо созреть. Медленный дрейф к семейному счастью. Не просто выбрать из таких офигительных красавиц. Инеев расплылся и предложил выпить. Древаке заявил об увольнении из рядов Вооружённых Сил и убытии в эмиграцию. Полковник долго смотрел на меня, потом сказал, что я дурак, но это моё дело. Долговязую звал смешным именем. То ли Кобылка, то ли Рысачка. Я её раньше не видел. Помоему, он с ней спит. Вечером вернулась Карамелька, показала пакетик с белым порошком и предложила нюхнуть. Где взяла, не говорит. Забрал для исследования. Была истерика. Разругались. Неужели сыпала в багровый напиток? Вот отчего в голове туман.

Суббота.

Исследовали порошок. Называется «хеппинол». Западное средство от депрессии. Кристаллы белые и крупные. Вставило. Николаич стал синий и заснул прямо на стуле. Всё не как у людей. Додоня во дворе перекапывает огород. Вода в бассейне мутная. Смотрел на рябь. Там кто-то есть. Бассейн глубокий. Додоня шевелил воду лопатой, тыкал вглубь. Без толку. Привязали к веревке кирпич и опустили. Верёвка дёрнулась, рванулась и выскочила из воды отгрызенной. Пошли пузыри. Додоня порывался сбегать в сарай за спиннингом. Отправил на речку рыбачить. Спустили воду и смотрели в чёрный квадрат на дне. Никого. Наполнили снова. Рябь и пузыри. Николаич вспомнил квадрат Малевича. Ерунда. Хоть чёрный, хоть красный. Додоня изловил в речке на самодельную блесну из ложки метрового сома. Пожарили и немного выпили. Потом ещё. Скучно. Звонила какая-то дура Представилась Татьяной. Я такой не знаю. Спросила: «Где Миша?». Ответил: «Он у аппарата и непременно выслушает, если будет что». Бросила трубку. Дура. «Дубликатная» баба. А кто ещё? Ушли с Карамелькой играть на рояле. Пели и играли. Пили багровое вино. Пришёл Николаич, колотил в дверь и просил пустить. Пустил. Куда деваться? Дружище с нашего света. Колдун сказал, что я вернулся в изменённом состоянии. Исчезла седина с висков и стал выше. Врёт. Пили багровое вино. Развеселились и поехали купаться на новом джипе. Луна ослепительно белая. Большущая. Красота. Половина речки фосфоресцировала, половина замерла и отражала звезды. Мохнатые слоники купались рядом. Карамелька разделась, подплыла к слоникам и забралась на самого маленького. Николаич в красных трусах в белый горошек с разбегу бросился в воду и уплыл на фосфоресцирующую сторону. Слоник хоботом сбросил Карамельку. Карамелька плавала вокруг слоника, плескалась и визжала. Слоники перепугались, заползли под мост и уплыли против течения. На берег выполз светящийся Николаич, за ним на сушу вся в тине вылезла Карамелька. Загнал обратно в воду обмыться. Вылезла и стала искать одежду. Нашлись только трусы. Где лифчик и шорты? Никто не брал. Странно. Наверно, такая приехала. Ходила, наклонялась, подбирала ракушки и бросала в воду. Смешная. Легли втроем на песок и смотрели на звёзды и белую Луну. По Луне шли серые облака. Почему белая и облака? Поехали спать. Не спалось. Сел писать роман. Писал до трёх, потом улёгся.

Четверг. Пятнадцатое?..

После дождичка ближе к обеду приехал Древака. В фуражке с большой кокардой. В центре кокарды скрещенные мечи, по высокой тулье кленовые листья. Живот ещё больше. Кое-что прояснилось. Назначен Начальником Окружной Базы Резерва в Устань. Звал с собой. Майорская должность. Служба не пыльная и доходная. Не стал обострять и молча слушал. Полковник настаивал на немедленном ответе. Обещал дать ответ в понедельник. Древака похлопал по плечу и уехал. Пили с Николаичем коньяк и беседовали о Сотворении Мира и Основах Мироздания. Пришли к выводу: не так всё просто. Что было в начале – Большой Взрыв или Сотворение? Додоня спросил, а что было до того «как»? Отправил остряка смотреть на бассейн. Он меня беспокоит. Приехала то ли Рысачка, то ли Кобылка. Назвалась Ирэн. Стреляла маленькими глазками и делала авансы. Был в хорошем настроении и дружелюбно предложил потрахаться с волшебником. Николаич обрадовался. Кобылица обиделась, разразилась трёхэтажным матом и отбыла в негодовании. Ужинали консервами. Додоня обленился. Сделал выговор. Собака тоже голодная. Накормил батоном и килькой в томате. Карамелька позвала смотреть кино. Выпили багрового вина. Вместо кино играли в ролевые игры. На этот раз озорница нарядилась в полицейскую форму.

Карамелька вернулась из города с татуировкой на попке. Из-за татушки задница казалась больше. Возбуждился необыкновенно. Карамелька принесла линейку и стала измерять. Оказалось, сегодня меньше чем вчера. Расстроился и ушёл. Не спалось. В голове туман. Достал винтовку из тайника, разбудил Петю, велел взять гранатомёт, ножи и фонарь. Пошли на сафари в ночной лес. Темнота, но все видно. Ночной воздух влажный. С краю было тихо, потом стали рычать. Петя храбрился. Вышли к поляне. Вокруг поляны мрачные паучинные сети. Луч фонарного света спугнул стаю обезьян. Мохнатки запрыгали и бросились врассыпную. Одна застряла в паутине. Паук таился на осине. Предложил взять несчастную с собой. Петя согласился. Порубили паучьи сети и завернули. Кусалась и верещала. Это тебе не Голливуд, мохнорылая! Во тьме стали рычать сильнее и громко чавкали. Охотиться расхотелось. Вернулись. Пленную макаку распутали и затолкали в гараж. Спокойной ночи.

Шестнадцатое.

Проснулся от ора. Пошёл смотреть. Вопил Николаич. Кто-то испортил новый джип в гараже. Нацарапал плохое слово из трёх букв на борту. По-моему, гвоздем. Кто там обижает Дарвина? Петя не выдал. Свалили все на чупакабру. Надо бросать пить. Перед побегом макака изрядно попортила Петин огород. Выдергала морковку с грядок, потоптала клубнику и помидоры. Завтракали овсянкой, остатками клубники и пили кофе. Николаич подозревал. Нет нормальной еды. Хочу пельменей и докторской колбасы. После завтрака рассматривал в бинокль сверкающую линзу на Севере. Ещё две на Западе и пять на Востоке. На Юге ничего. Пришельцы. Николаич сказал, что нас облучают, а я скоро сопьюсь от безысходности. Не согласился. Где безысходность?

Восемнадцатое.

Дела идут медленно. Осталось поменять «пол-лимона» и можно эмигрировать. Из осторожности Ляхов мотается по Губерниям. Просит за труды увеличить долю. Как бы не свалил с денежками. Лёша привёз баксы и доложил обстановку. Всё нормально. Никто и ничего. По телевизору тоже тишина. Дал канистру и отправил в город за креветками и бочковым пивом. Вечером считали зелёные деньги и сцепились с колдуном насчёт добра и зла. Николаич попросил пояснить насчёт принципов, в том смысле, если я знал, что сам сюда залез, то где они, принципы? Как принципы вяжутся с ограблением банка? Смутился. Но ведь не знал? Только догадывался и ближе к сегодняшним дням. «По-твоему, если не дома — то можно?». Задавил. Волшебник не успокоился и досаждал нравоучениями. «Если отчаянно не достаёт денег и взять негде, — сказал я ему в сердцах, — а жалованья не хватает на нормальную жизнь, то тогда можно, но без ущерба простому народу». Николаич назвал меня «робингудистым парнем» и замолчал, пока не кончили считать. Прижал Додону. Петя морщился и краснел, но тоже кое-что прояснил. По мнению Додони мы все вместе служили на Базе под Боровском, но только не на той, о какой говорит Ляхов. И я не тот, и он не тот. Придумал новую ролевую игру. Предложу Карамельке нарядиться взрослой Красной Шапочкой, а я буду большим Серым Волком. Но без бабушки, охотников и убийств. Додоня покрасил бок джипа. Получилось не очень. Проступает. От соседей пришел амбал под два метра в тельняшке. Представился ихним зятем. Хотел переговорить насчёт домашней птицы. Какой птицы? Был в плохом настроении. Амбал еле уполз. Мне тоже досталось. Надел чёрные очки. Болит кисть и плечо. Выдал Додоне две бутылки водки и послал к амбалу извиниться. Нам врагов не надо. И так хватает. Петя вернулся пьяный, отдал ответное извинение в виде новой тельняшки и пошёл спать к себе во флигелек. Тельняшку передарил Николаичу.

Девятнадцатое.

День прошел бездарно. Ужинали консервами. Обещал свозить колдуна в бордель. Помирились с Карамелькой. Карамелька сделала компресс и сообщила, что амбал и к ней клеился. Но ко мне не клеился. В чём подвох? Камрад Маралов в новой тельняшке предложил поразмышлять о квантовой запутанности. Поразмышляли. Подумали о судьбах Мира. Стало грустно. Голос в голове приказал идти к мосту. Пошёл тайком от Николаича. На белом столбе указателя появилась блестящая отметина. Вчера не было. За столбом шумела дорога и опять голоса. Всмотривался, заглядывал. Никого. Плюнул и вернулся в посёлок. Думали, как вывозить баксы. Додоня предложил купить золотых цепей и обвешаться. Ещё была идея отовариться бриллиантами. Муть. Смотрели телевизор. Катастрофа! Америку потрянуло. Опустило, подняло и снова потрянуло. И тут же цунами. Европа в панике. Только отошла от саранчи, а тут новая напасть. Доллар улетел и стоит копейку. Все наши баксы превратились в труху. Погоревали, но пол-лимона деревянных тоже деньги.

Вторник.

Решили съездить в город, развезаться. Додоню оставили на хозяйстве. Гранатомёт отобрал и спрятал в тайник. Гранатомёт интересный, у нас таких ещё нет, автоматический, с двумя ручками и шнековым магазином. Магазин на десять выстрелов. Погуляли, сходили в кино. Показывают всякую хрень, как у нас. Обедали в ресторане. Колдун заказал цыпленка-табака с обильным чесноком, но посмотрев на меня, передумал. Ели борщ и телячьи отбивные. Запили морсом. Волшебник опять обожрался — в машине рыгал и ковырял в зубах. Сделал внушение. Где светские манеры? Николаич попросился в бордель «Мужские мурашки» на углу. Дал полчаса. Колдун выторговал час. По-царски выдал пятьсот баксов на расходы. Не жалко, всё равно теперь бумага. Мы с Лёшей не пошли, маялись в машине. Пытал насчёт «Холма». Молчит. Пришельцев тоже не видит. Волшебник опоздал на полчаса и выполз из развратного дома расслабленный.

Двадцать первое.

К вечеру стало легче. Катаклизмы внезапно прекратились, а по телевизору сказали, что Европа пришла к соглашению и вводит универсальную валюту. Называется простенько — «евр». Почти как у нас. Решили замести следы и сжечь баксы. На пробу бросил пару пачек. Горели плохо и дымно. Амбал в тельняшке бродил вдоль забора. Показал бутылку. Додоня бросил в него морковку. Опомнились. Мало ли что! Всё может поменяться в момент. Отнесли баксы обратно и положили в тайник. Понедельник все ближе. Обстановка накаляется. Звонил Древака. Забирает близняшек с собой, на новое место службы. Сказал: «Думаю». Тот спросил: «О чём?». Ответил: «Обо всём». Полковник ругался. По-моему, у него со мной какие-то тёмные дела. Карамелька плачет. Может забрать с собой? Николаич моется по три раза на дню, но в темноте продолжает светиться. Это после речки. Мне нравится. Необычно. Изучал котировки валют. Рубль ничего не стоит. Деревянный торгуют по тысяче за еврик. Как ехать в эмиграцию?

Двадцать второе. Перебор.

Напоил Лёшу и, когда лейтенант дошел до кондиции, дал понюхать «хеппинола». Ну и сам. Последний раз. Вставило хорошо. Опять пытал и выпытал. Оказывается особнячок, в котором торчим, мой, и я сам купил в его прошлом году после налёта на Губбанк. Лейтенант служит на Базе Консервации под Боровском вместе со мной, Николаич там же, вольнонаёмным завскладом, а Супонева выгнали из армии за хищения. Ничего себе! Как всё

запутано! Лёша впал в столбняк, а я пошёл искать документы на дом. В тайнике только баксы и винтовка. Должен быть ещё тайник. Нашел в углу под ковром. Все верно — особнячок мой. Лёша в нирване. Глаза закрыты, бледный, ляскает зубами. Как бы не помер. Лизнул отравы. Озарило. Пошло видео и картинки. Просмотр прервал Додоня и позвал обедать гороховым супом на тушёнке. Велел нести сюда, в зал. Обедали без аппетита. Ехать в изгнание не с чем. Разговор опять зашёл о текущей ситуации. Додоня подал второе — гуляш с макаронами. Очнулся Лёша, поел макарон, послушал и предложил навеститься в банк, поправить положение. Один из вариантов — купить фуру, погрузить танк с Базы и проломить танком стену банка. Надо подключать Балкина, без Балкина танк не вывезти, но Балкин ненадежный. Воодушевились. Стали думать. Сложно и людей нужных нет. Мы же не банда гангстеров. Лёша вспомнил о друзьях-товарищах. А что — нормальная задумка. Николаич идею осудил — в никакую фуру танк не влезет, надо трейлер, а трейлер в центр города не загнать. Вариант с танком отпал.

Вторник.

Тяжело быть в шкуре двойника. Но если разбираться, то не очень и понятно, кто и чей двойник. И где мы всё время скитаемся? Почему не слышно о двойниках Николаича? Исследовал порошок. Видео и картинки. Неужели это было? Пришёл Николаич и присоединился. У него видео то же и те же картинки. Погоревали. Вот жизнь была! Рассказал про столб. Николаич посоветовал не брать в голову. Пусть идёт, как идёт и само пройдёт. Отчасти согласен. Но само не пройдёт, надо подталкивать. Поздней ночью ходили к речке. Изучали столб и местность за столбом. Мост стал горбатый и кривился. Шумели невидимые машины. Николаич шагнул за столб и исчез. Через минуту вернулся взволнованный: «Кротовая нора. Иди, посмотри». Что я, с дурью? Конспективно описал что видел: кукурузное поле, ёлки, голубая Луна. У нас тут тоже кукуруза и ёлки. Почему Луна голубая?

Среда.

Долго выбирали новую среду обитания. Судили, рядили... Рванём в Конфедерацию. Сошлись на Семихолмске. Может он и есть здешняя «Москва». Ни в какую Европу. Ни-ни. Может потом. Когда-нибудь. Насчет Родины... В свете новых открытий решил навеститься на гору и уговорил Ляхова свозить за Боровск, к границе. Николаич ехать отказался наотрез. Завел бабу. Или она его. Миленькая вдовушка из 35 дома. Муж был большим человеком в Департаменте Юстиции. Это заметно по домику. Домик трехэтажный, с колоннами и прудом. За Боровском леса гуще. Опять странность — заблудились в трех соснах, а места вроде знакомые. В унылой деревушке остановились у колодца. Попили водички. Спросил у деда с ведром, что за возвышенность довлеет над местностью? Дедуля глянул косо: «Когда-то военные и «наука» возились, пока однажды не звездануло. На гору не лазьте, опасно для жизни, не вернетесь». Но я то знаю — вернусь. На клеверном поле обломки странных металлических конструкций. Бродят длинношерстные кабаны чёрного цвета. Ляхов сник и засомневался. Предложил ему остаться со старичком. Леша согласился, хотя болтать с дедом ему, понятно, не очень хотелось. Винтовку забыл в тайнике и забрал у Лешки пистолет и часы. Сверил хронометры и поехал. Часок растянулся на три. С собой был двадцатикратный бинокль, пистоло лейтенанта и две запасные обоймы. Должно хватить если что. У подножья горы стрелки на часах замерли, затем удивительным образом понеслись и опять остановились. Часовая стрелка бежала быстрее минутной. На электронных часах Лешки циферки превратились в нули. Гора давила. Состояние тягостное. Звучали голоса в

воздушном пространстве. Или в голове? Но звучали. Проехал под высоковольткой. Духота. Голоса звучали громче. По бетонке забрался на полгоры. Отсюда все видно. Хотел выше, но не смог — сделались ватными ноги и общая слабость. Тошнит. В бетоне трещины, в трещинах высокая трава. Тени от меня нет, а от машины есть. Летали голубые плоские ленты. Волосы искрились. Голоса все громче, голова кружилась. Раскаты грома и шум невидимого ливня. Разглядывал окрестности — ангары, площадка с техникой — бронетранспортеры, танки, левее длинные ряды ящиков. Сел в машину и спустился вниз. Перекресток, указатель, стена сухих ёлочек, пенек, мухоморы. По тропинке прибыл в деревню. Домик точно дедов. Ставни голубые, крыша зелёная и лист жести загнут у трубы. Всё некогда было поправить. В город не поехал, ограничился деревней. Посидел, поговорил со стариками-соседями, посмотрел телевизор. Хватило получаса. Всё то же и так же, уныло, никакого позитива и просвета. Но самое интересное — число двадцать пятое! Это хорошо. Всегда можешь вернуться туда, откуда пришел, причем в тот же день.

Пятница.

Леша привёз друзей-товарищей. Берёзкин и Рябинин. Музыканты. Лабают в ресторане. Рябинин на фортепианах, Берёзкин на контрабасе. Лица вроде знакомые. Сели, поговорили. Ипподром или Главное Казначейство! Видимо, прорабатывали давно. У Рябинина в «Казначействе» свояк. Придётся брать в долю. Я склоняюсь к Ипподрому. Друзья запросили сорок процентов. Счаз-з вам, как говорит Петя. Договорились на двадцать. Доллар полез вверх. Торгуют по десять за деревянный. Терпимо. Ночь выдалась мрачной. Не спалось. Смотрел на белую Луну и наслаждался тихой печалью. Ровно в двенадцать Луна зависла над третьей ёлкой от опушки, мигнула, блеснула и заголубела. Подозрения укрепляются. Еще один портал? Взял фонарь и пошёл смотреть. Пять шагов на Север от ёлки и ты в другом мире. Кротовая нора узкая, еле продрался. Новый мир кинул в лицо охапку снега. Тут зима. Быстренько вернулся назад. Завтра едем в город на рекогносцировку. Брат, если не вернусь, не считай меня гадом...».

На этом записи обрывались.

«Не считай меня гадом... Что за бред? Макаки, пауки, пришельцы... Слоны в средней полосе. Наркоман. Неужели он был дома? Нет, у меня окна без ставен и крыша коричневая».

Шпарин вернул «Дневник Скитальца» в секретер, умылся, надел чёрный спортивный костюм, спустился вниз и вышел во двор.

В беседке на дубовом столе серебряные тарелки: пустые, с хлебом, салатница с салатом из помидоров-огурцов и скворчащая салом чугунная сковородка. Жёлтые салфетки в граненом стакане. Бутылка водки «Глобарёвская», серебряные ложки и вилки, столовые ножи.

— Сало с утра?! — спросил Шпарин и перебросил серебряный нож из руки в руку.

— С утра водка? — спросил Стасик, подбросил вилку, не поймал и полез под стол.

— Не успел вчера борщечка сварить, — проворчал Додоня, — забили голову ваши подружки.

— День-деньской, — недовольно сказал Сергей Николаевич, отбирая у мальчишки вилку.

— Дело к обеду. Двенадцать часов. Только что последний петух у соседей прокукарекал. Долго спишь. Заждались. Петенька, принеси дополнительные столовые приборы. Эти новые, с вензелями. Руки помыл?

— Дополнительные столовые приборы, — весело повторил Шпарин, отбирая вилку у Сергея Николаевича. — С вензелями... На серебре жрём-с?

— Миша, какой-то ты потерянный стал, друг мой незабвенный. Грусть-печаль в глазах твоих невыносимая. Устал, бедный, устал. Доведут тебя тёлки.

Сергей Николаевич колочу глянул в глаза Шпарина, протянул руку и поводил ладонью по щеке. Погладил по спине. Шпарин, отстраняясь, дёрнул плечом.

— Обалдел?! Может поцелуемся?

— Холодильник забит водкой, — доложил Додоня. — Сергей Николаич запасся, вас ожидаючи. Напиток охлажден до нормы.

— Не хватает женского общества, — проворчал Сергей Николаевич. — Не хватает визгов, писков и стенаний. Тьфу!

— Не тьфу, — сказал Стасик. — А очень верная мысль.

Обед прошел в тишине прерываемой стуком вилок. Шпарин разглядывал Сергея Николаевича, Додоню, дом. Экстрасенс ел важно и сосредоточено. Жевал медленно, салат разгребал большой серебряной ложкой, брезгливо отодвигая кольца лука, выуживал помидоры и переносил на тарелку. Куски сала с мясными прожилками со сковородки переносил с помощью ножа и вилки и резал их на совсем мелкие кусочки. Аккуратно подносил ко рту и часто, комкая салфетки, вытирал уголки рта.

— Всё! Насытился. Спасибо, Петя! — поблагодарил Шпарин, съезжая по скамейке вбок от стола.

Мальчишка положил руку на плечо Шпарина, а другой хлопнул Сергея Николаевича по спине.

— Парни! Чем займёмся?

— Иди в дом, Стас, посмотри телевизор. Посуду отнесите, — сказал Шпарин, вытирая губы чистейшим белым полотенцем с красными петухами, поданным Додоней.

Додоня со Стасиком собрали посуду и отнесли в дом. Додоня вернулся, достал из сарая лопату и направился к свежевскопанной полосе чёрной лоснящейся земли, по которой бродили толстые чёрные птицы и клевали толстых червей.

— Грачи прилетели. Самое время картошку сажать.

— Сынка Древаки надо отправить домой, — сказал Сергей Николаевич. — Чем быстрее — тем лучше. Прилип к тебе, как к родному. Где ты его откопал?

— Дружище... — начал Шпарин и замедлился. — О чьей невесте говорил Алексей?

— Как о чьей? О твоей.

— С нетерпением жду подробностей. Я так понимаю, невеста одна из красавиц. А которая?

— Она попозже подъедет. Звонила утром. И Алёна звонила.

— Может Алина? — с надеждой спросил Шпарин.

— Алёна. Замотал девицам головы.

Сергей Николаевич, склонив голову набок, неотрывно изучал лицо Шпарина. Додоня хмыкнул и воткнул лопату в землю.

— Не по мне это. Я бы ни за что на брюхатой не женился.

— Так любовь... — многозначительно сказал Сергей Николаевич. — Никуда не деться.

— Она, сука, такая... — произнёс Додоня задумчиво. — Я до армии тоже гулял с одной девицей. Гуляли, гуляли, за ручки держались, а потом...

— А потом? — поощрил Сергей Николаевич. — Что потом, Петенька?

— Понесла она. Надул кто-то мою Арину. До меня. Один приезжий из города. Наобещал, надул и бросил.

— Ну а ты, Петенька?

— А я в армию. Контракт подписал и в армию. Я капитана не осуждаю, ежели здоровье позволяет и девки дают. Но на брюхатой? Извиняйте!

— На когда намечено бракосочетание? — спросил Шпарин и, нащупывая обувь, задвигал ступнями по деревянному полу беседки.

— На следующую субботу. Я тебе, Миша, крайне удивляюсь.

Указатель «Сонная Горка». Мост. Пляж. Серая лента неспешной речки. Камыши. Жёлтый песок со следами ног.

«Речка, кажется, течет в обратном направлении... Итак. На горизонте событий новые лица. Беременная невеста и сестрички. В шкафу мундир с погонями капитана и костюмы: чёрный, бежевый и кремовый. Я купил их в салоне и где-то оставлял, бросая в мусорные баки, двигаясь от казино к казино. Додоня вроде бы тот же. А Николаич изменился. Раздобрел. Борода отросла. Ванная... Зелёное полотенце, зубная щетка зелёного цвета. Всегда любил зелёный цвет. Пора признать очевидное. И я не тот, и место не то. Другая среда обитания. Я двойник, тройник, четверник... И так далее. С остановками на промежуточных станциях. Живу везде и сразу. Закрадывается крамольная мысль — время не дискретно. Пространство-время. Время-пространство... Что ребята на «Холме» с ним наделали?».

Грузовик вынырнул ниоткуда. Шпарин едва успел отскочить на обочину. Огромная фура, оглушительно сигналив, пролетела мимо.

Шпарин отсчитал десять шагов от указателя «Сонная Горка», разбросал куски щебня и сделал небольшую ямку. Перешёл на другую сторону дороги и выкопал вторую. На белом столбе указателя под табличкой до блестящего металла камнем соскрёб краску и быстрым шагом двинулся в посёлок.

Улица была практически пуста. Редкие прохожие почему-то вымученно улыбались и уступали узкий тротуарчик по которому он передвигался. Из трёх проезжающих мимо машин две приветственно бибикнули. На подходе к дому с башенками за Шпариным увязался рыжий пёс, на ходу тёрся о ногу и вилял куцым хвостом.

— Отстань, собака! — раздраженно сказал Шпарин. — И без тебя тошно.

У трёхэтажного дворца напротив особняка под номером 69 выбивала коврик пухнатая молодуха в белом передничке поверх коричневого платья. Увидев Шпарина, заулыбалась и бросила работу.

— Михал Иваныч! Михал Иваныч?!.. — позвала девушка, оглаживая узел светлых волос. Узел находился сбоку головы, над ушком, и был пришит к волосам серебристой заколкой. Из-под заколки выбивался загнутый вверх веерный хвостик, крашенный в светло-зелёный цвет.

— Куда это вы так встремглав бегали? Остановитесь.

Шпарин приблизился к забору и оперся обеими руками на штакетник. Рыжий пёс, смильно заглядывая ему в глаза, потёрся о ноги и улёгся на Шпаринские сандалеты.

— Остановился. Что надо?

— С приездом, — сказала девушка. — Зайдёте? Давно вас поджидаю, а вы никак не приедете. Я уж отчаялась. Собачка с вами приехала? А страшнюга какая?.. Я всех собак в округе знаю. Странная собачка. Собачки обычно в глаза людям долго не глядят.

— Возможно со мной, — поочередно вытаскивая ноги из-под пса, отстранённо ответил

Шпарин.

— Зайдёте?

Шпарин раздавил одуванчик у забора и обернулся на шум мотора. Из-за поворота показался чёрный джип.

— Зайду, — быстро сказал Шпарин. — Отчего же не зайти.

— Так заходите, — ласково сказала девушка, заправляя завиток волос за ушко.

Додоня вынес из дома кожаное кресло и, отдуваясь, поставил у беседки.

— Вон он, Сергей Николаич, наш капитан. Болтает с Карамелькой. Даст она ему. Вам не дала, а ему даст.

— Она и Лёше не дала, и тебе не дала.

— А ему даст. Садитесь. Михал Иваныч породистый, не чета нам. Белая кость. Гвардеец невидимого фронта.

Шпарин рванул калитку и оказался в ухоженном дворе, засаженном кустами высоких роз.

— А где хозяйева, красавица?

— Так за границей. Одна за хозяйством присматриваю. Скукотища. Меня Карамелия зовут.

«Что тут у них за имена?.. А пухнатая хороша. Чистенькая. Передничек накрахмален. Напрашивается...».

— Ну, конечно, одной тоскливо. Иди в дом, Карамелька. Я сейчас.

Чёрный джип просвистел мимо лязгающей калитки. Сдал назад. Из машины выбралась длинноволосая брюнетка в просторном цветастом платье и, придерживая рукой заметный животик, скрылась за оградой.

— Где этот па-а-длец? — послышался возмущённый голос. — Где он!?

Шпарин не стал слушать продолжения и поспешил скрыться в доме.

— Я наверху-у!.. — послышался голос девушки.

— Согласен! — откликнулся Шпарин, взбегая по лестнице.

Карамелька нашла в первой комнате от лестницы. Девушка стояла у окна и теребила подол передничка.

— Винца домашнего выпьете?

— Давай, — сказал Шпарин. — Выпьем домашнего винца. Для разговора и быстрого сближения.

— Я мигом.

Девушка сверкнула глазами и выскочила из комнаты. Шпарин огляделся. На столе чёрного дерева — толстая тетрадь в светлой клеёночной обложке. Из середины тетради выглядывал кончик ручки. На тумбе у стены панель телевизора и тонкий прямоугольник плеера. На другой тумбе музыкальный центр. У телевизора полки с рядами дисков. Сборники песен, мелодрамы, ужастики. В шкафчике за стеклом романы с говорящими названиями: «Отчаянно ищущ тебя», «Жестокая госпожа Ливербрук», «Господин Ливербрук и несчастная горничная», «Тайные встречи в тёмном парке», «Несчастливая любовь служанки»...

Пока Шпарин перебирал и листал книги, девушка успела переодеться и вернулась в комнату с подносом. На подносе два бокала и графин с содержимым багрового цвета. Карамелька появилась в широкополой соломенной шляпе со свежей алой розой заткнутой за голубую ленту. Салатовый корсет, салатовые кружевные панталончики до колен. Вверху

синих гольф болтались зелёные шарики на жёлтых верёвочках.

Часто дыша, девушка бухнула поднос на стол.

— Вино... Вот...

Шпарин услышал звук лязгнувшей калитки и шагнул к окну. Хромированный гигант стоял у ворот, рыжий пес, вытянув лапы, лежал в тени машины. Сильный порыв ветра снова звонко лязгнул калиткой. Пес встрепенулся, поднялся, отряхнулся, потянулся, поочередно нюхая колеса, обошёл машину и задрал лапу на заднее левое. Из калитки выскочила разъяренная брюнетка и, пнув собаку, забралась в автомобиль.

— Срочное дело. Извини, Карамелька.

Шпарин сбежал вниз, перешёл улицу и открыл лязгающую калитку.

Сергей Николаевич, держась за багровую щеку, раскинулся в кожаном кресле.

— Не поладили?

— Приказано выметаться.

— Напугала. Ну и выметемся.

— Хрен ей, а не выметайтесь! — сказал Сергей Николаевич, поглаживая щеку. — Хрен ей, а не дом.

— Как ты сказал на мою невесту?

— Уже не на твою. Отлуп тебе полный вышел. Знает она всё. А этот дом теперь мой. Петя, ты когда калитку в порядок приведёшь?

— Дом Николаич неделю назад у невестиного папаши выиграл, — сообщил Додоня. — В карты. В карты Николаич мастак. Папаша вашей невесты чуть из штанов не выпрыгнули. Игра была... Все ночь резались.

Сергей Николаевич убрал руку от головы и пальцем начертил в воздухе прямоугольник.

— И документы есть. Инеев человек чести. Сказал: «Проиграл — плати», и на третий день бумаги привез. Отошло приданное твоей невесты ко мне.

— Хотелось бы взглянуть, — попросил Шпарин, играя желваками. — А больше ничего Николаич не выиграл?

— Так, по мелочи. Машину у Алексея. Принеси, Петя.

Додоня сбежал в дом, принёс кожаный портфельчик и подал Шпарину. Шпарин быстро просмотрел светло-жёлтые листы с печатями.

— Филькина грамота. Грамоты... Можешь подтереться. Бумаги на имя Миазмова Эфира Спиритовича. А ты кто? Маралов С.Н., а паспорт у тебя на какое имя?.. На имя Лисярского Сержа Николаевича. Налицо подделка документов и реальный срок. Тут с тобой никто церемониться не станет. Это не у нас. У нас дал пачку денег в зубы и вопрос решён. Прямая тебе теперь дорога в «зиндан». Проникся?

— Проникся. И чего теперь делать?

— Искать лучшей доли. В другом месте, то есть в другой среде обитания.

— Отчего я буду где-то что-то искать. Дай сюда портфельчик.

— Дурень ты, Николаич, дурень. Развел тебя Инеев, как малолетнего щенка.

Сергей Николаевич отобрал портфель у Шпарина и вытянул из него три синие книжицы.

— На! Тебе наши паспорта.

— Так... Додоня Петр Петрович... Лисярский Серж Николаевич... Миазмов Эфир Спиритович... Выдан Налбандинским уездным отделением полиции. Национальность —

налбандинец. Ты — налбандинец!?!..

— Налбандинец, — хихикнул Сергей Николаевич. — Самый что ни на есть налбандинец.

— Национальности определяются по месту рождения, — сказал Додоня. — Вы где родились? Ежели в Усольском уезде — то усалец, а если...

— А если в Долбогрёбском, то — долбогрёбец, — сказал Шпарин.

— Этак вы ничего не добьётесь, — буркнул Додоня. — Надо лаской выпросить или сразу в рыло. По соплям. И бить до посинения. Тогда выдаст. А я то думаю — чего его все разными именами называют... И паспорта разные! Теперь ясно — шпион. Шпионская морда!.. Это он вас невесте сдал! И сестрицы ейные постарались. Очень они вас обсуждали, когда вас не было.

Додоня поднял над головой веснушчатый кулак.

— Я за Михал Иваныча тебе рожу побью!

— Петюня-а?! — взвизгнул Сергей Николаевич. — Миша, я ж не нарочно. Наболтал сдуру. В пьяном виде был.

Додоня почесал подбородок и хитро прищурился.

— В другом вы не бываете. А ежели б вы, Михал Иваныч, ей под руку попались... И вам бы досталось на орехи. Кричала: «Убью!». Лютая. Может оно и хорошо, что так. Вы бы с ней не ужились.

— Может и хорошо. Почему в бассейне вода мутная, как кровяная?

Додоня опустил на колени, с натугой сдвинул решетку и похлопал ладошкой по воде.

— Тут какой-то животный. Лейтенант сказал, что вы с ним и привезли. Вроде как сильно надрались в тот день и поехали в город куролесить. Где-то по дороге поймали. В речке выловили, когда купались. Животное привезли с пастью замотанной ремнём. Ляхов говорит, что и девок каких-то привезли. Гуляли всю ночь. Музыка крутили. Плясали голые. Соседские полицию вызвали. Лейтенант дико веселился, вспоминая. Животный здоровый. Ляхов говорит, что когда привезли — под метр был. Подрос с той поры. И, главное, гад такой, ни разу не вылез, но как бы тесно. Кругами под водой плавает. А котлован здоровый. Я мерял. Двадцать шагов с лишнем будет. И глубокий, метров десять. Зачем такой вырыли?

Мутная вода бассейна взбурлила, запузырилась. На поверхности показался зелёный погон с капитанскими звёздами и жёлтый ботинок с остатками зелёной брючины.

— Видно не переварил. Или переел, ишь — рыгает. Если не кормить, начинает концерты выделывать. Морду кажет из воды, рычит, воеет, аж поджилки трясутся, — добродушно сказал Додоня.

— Кто там? — спросил Шпарин, отскакивая от бассейна.

— Особист. Про вас выпрашивал. Меня, кричал, под суд отдаст. Хотел нас с Николаичем увезти. Ну и...

— Ну вы и решили — концы в воду. Нет, ну что за люди! Прямо живодёры какие-то. Невеста свирепая, друга чуть не убила. Друг своего друга закладывает, натравливает на него его же тёлочку. Непонятно кого в бассейне держат. Но вернемся к «шпионской морде»!

— Кто у нас шпионская морда — так это ты, Миша. Бондаря! — негодуяше сказал Сергей Николаевич.

— А?.. — Шпарин нагнулся и приложил ладонь к уху. — Не расслышал!

— Бонд хренов! Слышал про такого? А ты, Петя, рожи мне не корчь. На кого руку поднял?

— Извиняйте, Сергей Николаевич. Вошел в состояние дикого эффекта от необъяснимых

явлений.

— Аффекта, — поправил Шпарин. — Меня не оставляет желание дать тебе по фейсу, волшебник, и, как советует Петя, бить до посинения, чтобы прояснить твоё изменённое состояние.

— За что меня бить? — с выражением крайней обиды на лице сказал Сергей Николаевич. — Но теперь я думаю, что ты — это всё-таки ты. Наверное.

— Идите скорее! Тут такое!.. — выскакивая на крыльцо, крикнул Стасик и замахал телевизионным пультом.

— «... в пятнадцать часов на военном мемориальном кладбище состоится торжественная церемония водружения памятника на могилу героя, капитана Шпарина Михаила Ивановича...».

— Итить твою мумию, Миша! — сказал Сергей Николаевич, падая на диван.

— У вас глаза стали, как у больной собаки, — сказал Стасик. — Выпейте водки, дядь Миш.

— Что? — обрадованно спросил Сергей Николаевич.

— Неси водку, старый хрен! — прошипел Стасик.

— Обнаглел! Но, в самом деле... Водку, Миша, нести?

— Не нести! — прорычал Шпарин и скрипнул зубами. — Стас, бери трубку и звони отцу.

— Я домой не поеду!

От входной двери покашляли. У двери стоял Древака в генеральской форме. При пушистых баках. Красные лампасы. На золотых погонах по сверкающей звезде. Погоны слепили. Из-за плеча генерала выглядывал испуганный Додоня. Древака, грузно ступая, прошёл к дивану и уселся рядом с Сергеем Николаевичем. За Древакой, оттеснив Додоню, в гостиную вошёл Супонев в гражданском. Жёлтый пиджак, жёлтые брюки в крупной белой клетке, белые туфли, с узкими, сильно загнутыми мысками.

Сергей Николаевич подскочил с дивана и вытянулся.

— Здравия желаю, товарищ генерал!

Древака вяло шевельнул рукой.

— Оставь. Я тебя знаю?

— Слуга, — нашёлся Шпарин. — Камердинер... э-э... мажордом. Три штуки в одной бутылке.

— Почему в халате?

— Донашивает, отдал старенький.

— Не по форме. Пьёт? Роба явно с похмелья.

— Закладывает. Бухарик.

— А тот, конопатый?

— Тот... э-э... повар. Петрушка.

— Морда тоже ненадёжная. Распустил, Михаил Иванович.

— Все под контролем, господин генерал. Гоняю. Но не уследишь за ними.

— Все, кроме Шпарина, вышли вон, — устало сказал Древака, снял фуражку и промокнул лысину носовым платком. — Супонев! Мальчика в машину. Я с тобой, сынок, негодник такой, дома поговорю.

— Прощай, Стас, — сказал Шпарин. — Ты хороший парень.

Стасик, бледнея, втянул голову в плечи, Супонев схватил мальчишку за тонкую шею и

вывел за дверь.

— А ты, Миша, иди сюда, присаживайся.

Генерал, с минуту помолчав, постучал по дивану. В солнечных лучах бьющих из окна, поднялось облачко пыли.

— Спасибо за сына, капитан! Но бардак! Везде бардак. Мусор во дворе, всё засрано. Соседи жалуются. Шум по ночам. Женщин водишь, притон устроил. Инеева до инфаркта довели... Лежит в госпитале.

— Вот что, Миша. Вот что... Засветился ты по полной. Пресса вопит, телевидение мусолит... Мы тебя прикрыли. Похоронили и сегодня памятник поставим, — генерал кивнул на телевизионную стену. — Видел? Так что с командировками пока повременим. Орден Начальник Департамента тебе зарубил. Выхлопотал я должностёнку. Майорскую. После свадьбы отправишься в дальний гарнизон, где меньше кабаков и соблазнов. Нам твои залёты надоели. Ляхову тоже не поздоровится. И дядя не поможет. Отсидишься, пока поутихнет. У капитана Ханеева челюсть сломана, у майора Полоки перелом двух ребер. Зачем было так избивать? Подумаешь — пригласили девчонку в ресторан. У неё на лбу не написано, что твоя. А сейчас марш к невесте! Помиришь, успокой. Скажи: всё — наветы сестриц. Завидуют. Оболгали. Невеста рыдает, не дай бог руки на себя наложит. Или выкидыш. Понял?

Генерал с одышкой встал и потрепал Шпарина по плечу.

— Эх, мне бы твои годы! До свидания, Миша. Поеду на кладбище — поприсутствую.

Хлопнула дверь, лязгнула калитка. Шпарин вышел во двор. Багровый Сергей Николаевич, задыхаясь, отскочил от открытого окна.

— Я бухгалтер, Миша? Слуга? Камердимер? Камардамер?.. Да?..

— Метрдотель. Растёшь по службе. Скажи спасибо, что отмазал.

— Это не наш полковник, — сказал Додоня. — Это генерал.

— Конечно генерал, но не наш. Пойду, побеседую с девчонкой из дворца напротив.

Машина с генералом уехала. Девушка в соседнем особняке отошла от окна, уселась за стол, открыла тетрадь и, пожевав кончик ручки, застрочила:

«После звонка Миранды, Изабелла упала на кровать и, свернувшись комочком, долго и горько плакала. «Негодяй! — думала она, кусая розовый платочек. — Негодяй! Изменил с лучшей подругой. Пусть только заявится... Пусть...». Успокоившись, накрасившись, Изабелла нарядилась, надела толстые бриллиантовые бусы, вызвала такси и поехала в город. В многолюдном парке она свернула на узкую тропинку вьющуюся среди магнолий. За магнолиями слышались разговоры и смех людей. «А я одна, совсем одна, — думала Изабелла. — Ну и пусть. Отдамся назло Родриго первому встречному мужчине. Назло... первому встречному!»».

— Настоящая скотина этот Родриго, — сказал Шпарин, наклоняясь к плечу девушки.

— Ой!.. Подкрались, Михал Иваныч. Напугали.

— Родриго Изабеллин муж?

— Муж!

— Я бы не так написал. А если первый встречный старый плешивый урод? Или ещё хуже — грязный маньяк?

— И впрямь... А как?

Шпарин припал носом к узлу светлых волос сооруженному теперь на затылке. Новый веерный хвостик, выкрашенный в розовый цвет, подрагивал и манил.

«А запах, а запах?.. Молочком парным пахнет».

— Пиши: «Свернув на узкую тропинку, выходящую среди магнолий, Изабелла столкнулась с молодым кудрявым мужчиной в красных штанах и длинном бархатном плаще жёлтого цвета, с саблей...».

— Мущиной... — Карамелька, высунув кончик языка, усердно записывала. — Или мущиной?

— Как хочешь. Но, по-моему, мужчиной мужественней.

— Не, — сказала Карамелька. — Мущиной правильной. Надо в книжках подсмотреть.

— Мущина был высок и красив. Его голубые глаза смотрели...

— Лучше серые, как у вас.

— ... серые глаза смотрели печально. Изабелле показалось, что и он одинок, как она. Молодой кудрявый мужчина уступил Изабелле тропинку и, обернувшись ей вслед, вздохнул. «Он! — подумала Изабелла, тоже обернувшись. — Это он!». Мужчина остановился и снял широкополую шляпу с разноцветными перьями. «Михаэль», — представился он, протянув ей навстречу ладонь без признаков кольца.

— Лучше Габриэль, — сказала Карамелька.

— Пусть будет Габриэль. «А я Изабелла», — сказала Изабелла, сделала книксен и пожала сильную ладонь Габриэля. Раздался внезапный раскат грома и дождь полил землю с первобытной страстью. Габриэль накрыл Изабеллину голову своей широкополой шляпой. Но Изабелла вмиг измокла и тогда кудрявый Габриэль увлёк её к беседке в глубине парка и, откинув ветвь зелёного плюща...

— Плющ ядовитый, лучше ветвь лианы.

— ... ветвь лианы, пригласил внутрь.

— А зачем?

— Догадайся.

— А, — сказала Карамелька. — Понятно.

— В беседке было спокойно и сухо. А за беседкой дождь лил со всё умножающейся первобытной страстью. Мокрая Изабелла захотела тепла и прильнула к Михал Иванычу.

Девушка задумалась и сунула кончик ручки в рот.

— Откуда взялся Михал Иваныч? Он уже был в беседке?

— Он везде, — сказал Шпарин. — И тут, и там.

— Издеваетесь?

— Если мы введём в твой роман новое лицо...

— Называется: «Пятьдесят оттенков тёмной страсти».

— Хорошо. Сейчас случится настоящая интрига.

— Интрига... — с придыханием прошептала Карамелька.

— Ты записывай, записывай. Михал Иваныч обнял дрожащую Карамельку всиреневом платье с рюшечками...

— У меня такого нет, — сказала Карамелька. — У меня моё лучшее, синее, с белыми оборочками.

— ... с белыми оборочками. Габриэль хотел возмутиться, но Михал Иваныч достал из саквояжа бутылку шампанского, сделал широкий жест и мягко предложил: «Присоединяйтесь, молодой человек, присоединяйтесь». Кудрявый Габриэль, недолго думая, сбросил плащ, отстегнул саблю и снял красные шта...

— Ай!.. — сказала Карамелька, нахмурив брови. — Однако! Этак вы меня уделаете.

— С новой строки: «В этот момент к беседке приблизился господин Ливербрук, прогуливавшийся неподалеку вместе с жестокой госпожой Ливербручихой. Заслышав звуки, господин Ливербрук усадил госпожу Ливербручиху на скамейку, встемглав бросился к беседке и, откинув ветвь лианы, залез внутрь. Его взору предстала умопомрачительная картина...».

Карамелька осуждающе покачала головкой.

— Я думаю!

— А в это время Родриго, муж Изабеллы, подкрался к скамейке, где тосковала госпожа Ливербручиха и тихо сказал...

— Вот сволочь! — воскликнула Карамелька. — Я так и знала!

— ... наконец мы встретились, наконец, мы одни.

— А что Ливербручиха?

— Не здесь, Родриго, есть тут одно тихое местечко. Я постоянно туда сворачиваю, когда гуляю по парку.

— Старая курва! — сказала Карамелька.

— Дальше сама додумаешь. Главное финал. Концовка. В этот вся фишка.

— Фишка, фишка... мой парнишка... — задумчиво произнесла Карамелька. — А не глотнуть ли нам шампанского? Принесли, Михал Иваныч, шампанского?

— Нет, не принёс. В вашем магазине только водка и тухлый портвейн.

— Ладно, — сказала девушка. — Выпьем моего домашнего винца и поиграем на рояле. Когда ваш брат приезжал, мы частенько на нём занимались и пели различные песни.

Боевой запал у Шпарина тут же пропал.

— Брат, — сказал он, делая печальное лицо. — Брат... Давненько о нём ни слуху, ни духу.

— Ещё бы, вы с ним по командировкам. Он тоже жалел, что никак не встретитесь.

Шпарин уселся на стул и стиснул ладошку девушки.

— Брат, брат, брат... Как давно я его не видел! Как давно... Брат сильно изменился?

— Да такой же, — печально сказала Карамелька. — Только не седенький, как вы. А психованный ста-ал?.. А так тот. Я ему говорю...

— Постой, — Шпарин всмотрелся в глаза девушки. Он понял, что означает «занимались». — Постой... Ты с ним?

— Отчего нет? В нашей глуши ни одного приличного мужчины. Только вы с братом. Все старые, седые, лысые, толстые. Ваш Петя? Фи!..

— Додоня тоже с братом приезжал? — осторожно спросил Шпарин. — А Сергей Николаевич?

— Петя приезжал и Сергей Николаевич приезжал. Козёл чернявый! Слушайте, Михал Иваныч, а чегой-то у вас с братом имена одинаковые?

— Мы... братья... сводно-двоюродные, — запинаясь, ответил Шпарин. — Папы очень похожи были, как две капли.

— А!.. Понятно. Да-а... Чуть не забыла.

Карамелька бросилась к полкам с дисками, шевеля губками, постукала по коробкам пальцем, вытащила коробку под названием «Печальная любовь» с красавицей брюнеткой и страшенькой блондинкой на обложке, раскрыла и протянула Шпарину тонкий конверт.

— Во! Брат просил передать. Когда объявитесь.

— Что там?

Шпарин принял конверт и посмотрел на свет.

— А я знаю? Просил не открывать.

Шпарин вытряс из надорванного конверта листок бумаги в клеточку, развернул и впился глазами в рисунок.

«Еще один привет от двойника. Что за чертовщина?».

На листке в клеточку были изображены два квадрата. В большом квадрате находились большие буквы X и Y и еще один маленький квадрат с окружностями и треугольником между ними. От верхнего правого угла маленького квадрата уходила пунктирная линия и упиралась во внутренний правый угол большого. В центре линии, на одном из пунктиров, стоял знак вопроса. Такой же вопрос был нарисован и в правом углу.

Карамелька подтащила стул к одёжному шкафу, пошарила наверху и стянула свёрток в пыльной простыне.

— Гляньте, — сказала девушка, протягивая свёрток Шпарину. — Гляньте, гляньте. Вашего братца.

Шпарин размотал простыню и в руках оказалась короткоствольная винтовка с оптическим прицелом. Шпарин отстегнул магазин, лязгнув затвором, нажал курок, и навёл ствол на окно. Из окна отлично просматривался кусок двора дома под номером 69. Часть лужайки, бассейн, крыша беседки. Остальное было скрыто густой листвой. Додоня, давясь от смеха, стоял на решётке бассейна, качал её ногами, подпрыгивал и дразнил водяное животное куском колбасы. Животное повизгивало и хватало клыками прутья решётки. Сергей Николаевич стоял рядом и лил водку в пасть зверю, спохватился и, прекратив травить животное, хватил пустой бутылкой о землю.

«Налбандинец и долбогрёбец».

— Просил припрятать — мол брату пригодится.

— Своя ешь. Положи на место.

Шпарин протянул винтовку девушке и засобирился.

— Обрати внимание на Додоню. Он, кажись, даже очень неплохой парень. Даром что конопатый. Спокойный, работающий, руки откуда надо растут.

— Да уж, растут. Как ни встречусь — всё норовит ухватить за...

— Так любовь, — многозначительно произнёс Шпарин. — Она...

— Знаю, знаю — полюбишь и...

— Кого надо, того и полюбишь, — строго сказал Шпарин. — Лишь бы человек был хороший.

— И руки не волосатые, — добавила Карамелька. — Страсть, как не люблю волосатых мужчин. У Пети волосатые.

— Передавай брату привет, — сказал Шпарин, берясь за ручку двери. — Когда опять приедет.

— Обязательно, — девушка бросила на Шпарина лукавый взгляд. — А вы побойчей брата будете.

— Это хорошо или плохо?

— Да как вам сказать...

— Вот и не говори.

— А невеста ваша... Невеста ваша, пока вы по командировкам, гуляет напропалую! — выпалила Карамелька. — Заезжает каждый раз с новым мужчиной. Эх, вы, Михал Иванычи. Только я опять чегой-то не пойму — у вас и невеста одна на двоих? А?..

— Одна, — сказал Шпарин. — Отчего нет.

«Находит же невестушек двойничок. Эту, кстати, до сих пор не знаю как и зовут».

— Понятно, — сказала Карамелька. — Так экономней. Не надо наряды вдвойне покупать.

— И не обидно. Брат всё-таки.

— Я понимаю. Я понятливая.

— Вот за это мы тебя и любим, — сказал Шпарин.

— А женитесь на другой, на гулящей. Я бы задумалась.

— Такова наша злодейская судьба, — опечаленно произнёс Шпарин. — Не знаю, как брат, но я, при вновь открывшихся обстоятельствах, скорее всего передумаю жениться.

— Было бы здорово!

— Когда брат вернётся, если вернётся, передай — я настоятельно советую жениться на тебе. Пока, кареглазая!

— Чёрт!.. — сказала Карамелька, свешиваясь из окна. — Чёрт, чёрт, чёрт!.. Уходит. Остановлю!.. Какой мужчина! Какой!.. Как Петя говорит: гвардеец с фронта. А где фронт-то? Михал Иваныч! Михал Иваныч, может останетесь?!

Шпарин поднял голову.

— Не могу. Дел много. Собираюсь в командировку опять. На днях. Ты не скучай. Смотри кино, пиши роман и жди брата.

— Врёт, коза, врёт, — сказал Сергей Николаевич.

— А шифровки? Криптограммы с другой стороны света.

Шпарин изучил почерк на листке в клеточку и обратной стороне пляжного фото, перевернул и показал Сергею Николаевичу.

— Одна рука! Что за X и Y? Дописать букву и получится слово популярное у народа. Они меня туда посылают?

— Подсказка.

— Не могли подойдчивей. Похоже двойники...

— То есть ты.

— То есть я. Похоже «тоестья» — неплохие парни.

— Подсуропил тебе двойничок невесту, подсуропил. Я бы, на твоём месте, всё-таки позвонил.

— Ты не на моём месте.

— А на каком?

— На своём.

Шпарин полистал записную книжку, останавливая взгляд на женских именах.

— София, Стелла... Виолет-та...

— А Вендет-ты нету? — хихикнул Сергей Николаевич. — А будет тебе вендетта. Будет. Приедет Анетта и устроит тебе вендетту.

— Не мешай выяснять имя новой невесты. А-а!.. Её зовут Анетта. Экстрасенсапарапсихолог бородатолопатообразный!

— Как всё просто, — сказал Сергей Николаевич. — Стоит только спросить у друга.

Шпарин подчеркнул ногтём номер, снял телефонную трубку, подумал, и положил на рычажки.

— Нас не запугать. Петя!.. Долбогрёбец, блин! Иди сюда, будем прояснять обстановку.

— Только без насилия, — предупредил Сергей Николаевич. — Без рукоприкладства.

Прояснение обстановки прошло в спокойной и деловой атмосфере. Выяснилось, что в

ночь Большой Игры, «Буратины», как Сергей Николаевич назвал лейтенантов, доставив его до дома номер 69 на «Сонной Горке», отбыли закапывать деньги в город, в дом Инеева. Особняк на «Сонной горке» сразу показался Сергею Николаевичу несколько иным. Заподозрив неладное и «накатив для храбрости», он тут же ночью устроил тщательный обыск, в результате коего обнаружили парики, трости, костюмы, очки и прочий инвентарь «для набега на ожиревшую деньгобазу». А также документы. При этой фразе Сергей Николаевич многозначительно приподнял левую густую бровь. Обнаружились также план города, план какого-то стадиона и рукописная схема с загадочными разноцветными линиями, значками и цифрами. При слове схема бровь Сергея Николаевича поднялась ещё выше.

— Где схема и планы? — немедленно поинтересовался Шпарин.

— Пожёт! Ты слушай, слушай...

При выдвижениях Сергея Николаевича к магазину любопытные соседи горячо интересовались, куда это мог запропасться Михал Иваныч: «Не в командировке ли опять?», или, с ехидными выражениями лиц, осведомлялись: «Снова загулял? Ая-яй... Невестушка все слезки выплакала...». Соседи также жаловались на пропажи петухов и кур, совершенно обосновано подозревая в исчезновении домашней птицы Додоню. Соседей Додоня быстро укротил, заявив: «Жлобьё! Дождётесь — приедет капитан, он вас жизни научит, родину любить научит, зажрались, горлопаны, жалко пары петушков». После жёсткого отпора соседи притихли, и постояльцы дома № 69 жалоб больше не слышали и при встречах на улице ловили ненавидящие взгляды.

— Так что, Миша, ты и тут всех достал, — сделал вывод Сергей Николаевич. — Зашугал.

Ляхов появился после «операции по изъятию денег» через два дня, в сопровождении трёх незнакомых девиц, одна из которых имела на себе приличный животик. На вопрос Сергея Николаевича: «Как прошло погребение?», лейтенантом был дан идиотский ответ: «Пока никто не умер» и задан встречный, не менее идиотский вопрос: «Где капитан? Папаша рвёт и мечет!». Девушки оказались сестрицами. Побегав по дому, уселись рядком на диване, закурили и зачирикали на своём женском языке: «Пустился во все тяжкие. Горбатого могилка исправит. У кого он может быть? Па-адлец... Хоть бы позвонил!». Потрёпанный Додоня прибыл утром первого дня с помпой — на синем такси.

— Где деньги, Петя? — спросил Шпарин. — Пакет?

— Потерял. В такси, кажись, оставил. Таксиста Славик зовут, он вас знает.

— Пропали денежки, — сказал Сергей Николаевич. — Не ругай его. Приехал в крови бледный, как эскимо без шоколада.

— Дальше.

— А что дальше? Сидим, как два «цуцика» и ждём тебя. В ужасной тревоге и сомнениях. А вообще, Миша, я думаю, что... что-то они обчистили.

— То есть мы.

— То есть мы.

Пузатая невеста по имени Анетта приезжала каждый день, названивала, ревела белухой, и обещала Сергею Николаевичу, что если Шпарин не вернётся, то вернётся она. К доктору Лихоркину.

— Во как! — хихикнул Додоня. — Во как!.. Вот кто её надул. Настоящая приשמальга, ваша Анетта.

— Оставим приשמальгу в покое, — сказал Шпарин. — Она нам не понадобится.

Продолжим.

Вечером того же дня приехал папаша Инеев. Поматерился в адрес жениха и присел за стол, за которым Сергей Николаевич и Додоня играли в карты, и где стояла початая бутылка водки с нехитрой закуской.

— Напоил и обобрал.

— Никто невестиному папаше в руки карты не пихал и водку в глотку не заливал. Сам лакал, как сивый мерин.

— Не знаю, как лакает сивый мерин, а вы подливали, подливали, я знаю, — сказал Шпарин. — Усиленно.

— Папаша прибыл в расстроенных чувствах. Жаловался, что видимо скоро со службы попрут.

Через четыре дня приехал особист Супонев, съездил Додоне по зубам, достал из кобуры пистолет и тут же был убит лопатой, которой сержант копал землю.

— Это какой по счёту? Третий?

Этот особист оказался первым, второй был брошен утром в бассейн к таинственному водяному зверю, а третий прибыл после обеда с генералом.

— Убийца! — сказал Шпарин Сергею Николаевичу. — Соучастник. Но не переживай, они не настоящие.

— А блевал по-настоящему. Побелел до синевы. Потом напился до чёртушек и плакал. Первого я закопал в огороде, — счастливо доложил Додоня. — Надо землицы подсыпать, грунт валится.

— Откуда они берутся? Эти сёстры, эти особисты? И всё время по три штуки. Странная нумерология.

— Я, Николаич, знаю откуда, — сказал Шпарин. — Не отчётливо, но догадываюсь. Сколько было Древак?

— Сегодняшний — первый.

— Ещё не вечер, — пообещал Шпарин. — Чей джип на опушке?

— Особиста. Триста лошадок. Красавец!..

— А каково это, Петя? Лопатой по лбу? Какие ощущения при акте вандализма и убийства ты испытал?

— Я его по темечку. А чего такого? Они тут все ненастоящие, нечеловеки. Кроме вас и нас с Сергеем Николаичем.

— Может ты и прав, сержант. Если смотреть с индивидуальной, субъективной точки. Номера у джипа приметные — «ДБ7070ДБ». ДБ — Департамент Безопасности. С таким номерами не один полицейский не остановит. Джип перепрятать, пока местные не угнали. Поставь к нам в гараж.

— Эти местные такие гады! — сказал Додоня. — Так и рыщут, чтобы что спереть! Я на прошлой охоте оставил раненого лосика на полянке, погнался за вторым, когда вернулся его и след простыл.

— Очапался и ушёл.

— Куда там!.. Я ему в брюхо засадил!

Лицо Сергея Николаевича покривилось, экстрасенс сглотнул и начал давиться.

— Видите, Михал Иваныч? Затошнило! Как жрать — все горазды, — раздражённо сказал Додоня. — А как попросишь шкурку помочь содрать, сразу блевать.

— Под машиной лужа, — сказал Шпарин.

- Есть немного. У топливного насоса штуцерочек ослаб.
- И марочка машинки обозначена. На капоте эмблемка — «ЗиГГ».
- «Завод имени Генерал-Губернатора», — расшифровал Додоня.
- Подтянул штуцерочек?
- Подтянул.

— Уедем завтра утром. Тихо и неторопливо. Пока народ спит. Сейчас продолжим изыскания на местности, потом двинем в город на обзорную экскурсию, последнюю, надеюсь, в этом месте.

- И куда мы завтра? — обеспокоился Сергей Николаевич.
- Вытри слезу, приключения продолжаются. Сержант, ты с нами?
- С вами на край света, — оживлённо ответил Додоня, озаряясь широкой улыбкой.

— Не задумаюсь. А уж если начальство просит...

- Предлагает как проверенному товарищу.
- Тем радостнее. Нам терять нечего!
- Ура-а... — прохрипел Сергей Николаевич. — Ура-а, камрады!

Из дворца напротив дома под номером 69 раздавались аккорды расстроенного рояля.

— У-а... У-а... Ля-ля-а... Я по лестнице бежала, на Михал Иваныча напала. У рояля : сижу-у, на тебя гляжу-у... Кх-кх...

— Карамелька балует, — сказал Додоня. — Притырка!

— Какой у тебя, Петя, замусоренный язык! Гадкая привычка — обзывать девушек нехорошими словами.

— Я помолчу, Сергей Николаевич, про вашу гадкую привычку — лупить водку с утра.

— Дельное замечание, — сказал Шпарин. — Мотай на бороду, волшебник.

Шпарин привёл команду к мосту и прочертил сандалетой от ямки до ямки кривую полосу.

— Появился примерно здесь. Лежал бы сейчас ваш Михал Иваныч, перееханный и раздавлённый неизвестным грузовиком. Отойдите на обочину, подождём, послушаем.

Додоня сошёл с обочины, походил от ямки к ямке, остановился и схватил булыжник. Камень вильнул, пересёк под углом отметину и исчез. Раздался удар, визг шин, захлопали двери невидимой машины.

— Какой гад бросил камень!? — спросил разъярённый мужской голос. — Где ты? Куда ты спрятался?

— Кто-то в восторге, — сказал Сергей Николаевич.

— Это я! — крикнул Додоня. — Не фиг разъезжать впотьмах! Людей давить.

— У нас тут светло! — возмутился мужской голос.

— И у нас пока не стемнело, — крикнул Додоня.

— Поймаем — убьём! — пообещал женский голос. — Ты где, сволочь?

Шпарин зажал Додоне рот. Послышались шаги, шуршание, хруст стекла.

— Под мост нырнул!

— Нету здесь!

— В камыши ушёл, гад. Ну и люди!

Хлопнули двери. Шелест колес. Додоня стал на чёрту и, балансируя на расставленных ногах, повертел головой.

— Кажись, уехали. Итишь ты! Три дороги, четыре... пять... А посёлок вона где.

Шпарин и Сергей Николаевич пристроились рядом с Додоней. Посёлок стал ближе, расцвёл густыми садами. Столбик дорожного указателя находился сразу за мостом и белел нетронутой краской. Асфальтированных дорог было не четыре и не пять, гораздо больше. Они уходили вдаль веером, пересекались, сходились и вновь расходились. По дорогам неслись машины. Мираж подернулся дымкой, заколебался и исчез.

— Другой мир за твоей чертой, — сказал Сергей Николаевич.

— Пространственная трещина. Портал.

— Я бы сказал — щель. Только как в неё попасть?

— В определённое время, в определённый час, в какую-то минуту, в какую-то секунду.

— Геопатогенный разлом, — сказал Сергей Николаевич.

— Здесь везде гео и другие патологические разломы. На всех тутошних территориях. На каждом шагу. Шаг в сторону и ты в другой реальности.

Шпарин походил змейкой, пересекая черту на асфальте, попрыгал. Сергей Николаевич положил ему на плечо руку и усмехнулся.

— Не танцуй. Когда рак на горе свистнет.

Возвращались цепочкой по обочине. Шпарин бодро шёл впереди, Додоня следом, шаг в шаг. Сергей Николаевич отстал и, спотыкаясь, плелся позади.

— Мы дома. Лежим в больнице, после аварии, в коме, вроде растений. Осознанные сновидения и инициация образов, переходящих в реальные ощущения. Питаемся через трубочки и получаем дозы транквилизаторов.

— Ты может и в коме, Николаич, а я в аварию не попадал. Растворили, пересчитали атомы, оцифровали и перетащили. Шарят в астрале и воруют наши души. Больше ничего не лезет в голову. Не хватает воображения. Или так... Мыслеобразы реализуются в реальных людей. Этакая Психосфера. Стоит о чём-то подумать и представить, и пожалуйста вам.

— Красивая баба.

— Ты всё об одном. Не грусти, волшебник, вернёмся домой и я тебя вылечу. Знаю действенный способ. Радикальный. Отобьёт тягу к зелью наглухо. Навсегда. Дома помещу тебя в сарай к соседям. В сарай на проживание с хряком. Замок на дверь. Будешь питаться водкой и закусывать из свинского корыта. Неделька и придёшь в норму. Если не раньше.

Сергей Николаевич зажмурился и представил.

— Какую пакость ты мне уготовил, Миша, — сказал Сергей Николаевич с содроганием.
— Тьфу на тебя!

— Придёшь в норму, поедем в город, навестим твою жену, может всё устаканится. А если не устаканится, будешь жить в деревне, вода, газ, все прелести цивилизации.

— А где ты?

— А я в городе, у себя в квартире.

Высокое небо заволновалось. Голубой свод поделился на блеклые квадраты. Додоня, разглядывая небесную сетку, задрал голову.

— Как эта фигня, так к перемене погоды. Сегодня, к примеру, похолодало к утру и снежок пытался.

— Петя... — сказал Шпарин. — Где твои родители?

— Нету никого. Померли, когда пацаном был. Мне бы свой домик, садик, огородик. Жёнушку, детишек. Штуки три. Мне много не надо. Я спокойный.

— С этим я тебе помогу.

— С детишками? — хихикнул Сергей Николаевич.

— С домиком, — сказал Шпарин, хлопая экстрасенса по затылку.

Перед поездкой в город Сергей Николаевич переделался в коричневый костюм, прихорошился: расчесал на прямой пробор кудлатую голову, спустил бороду и принялся вязать узел аляпистого галстука в белых и красных ромбах. Шпарин, одетый в чёрный с отливом костюм, ожидая, когда друг закончит сборы, прохаживался по залу и, насмешливо посматривая на экстрасенса, остановился у зеркала.

— Петя, вас в казарме кто стриг?

— Сами себя. Ежели сходить на Базе в цурульню — офанзурят так, что завсегда останешься недоволен. Я в доме подстригательную машинку нашёл и ножницы имеются, — ответил Додоня, вода ладонью по ежику светлых волос.

— Неси, Петя, машинку и ножницы.

— Это еще зачем? — настороженно спросил Сергей Николаевич, что-то телепатически подозревая.

— Будем тебя стричь. У нас теперь есть собственный визажист. В нынешнем виде, камрад волшебник, вы представляете опасность для сохранения инкогнито. В городе пропасть, я догадываюсь, наших знакомых. Могут узнать, если опять попадём не в ту среду обитания.

Последний довод подействовал. Сергей Николаевич снял пиджак и уселся на стул.

— Заросли, Сергей Николаевич! Приведём вас в неузнаваемый вид.

— Себя не хочешь привести? Ты личность не менее известная.

— Я достаточно видоизменился с нашей первой встречи — седоват, похудел, загорел.

— Не согласен. Ты, Миша, навсегда в своем наглom виде.

— Офанзури́м Сергея Николаича в лучшем виде, — сказал Додоня, накидывая простынку на плечи экстрасенса.

Шпарин отвернул стул от зеркала.

— Это, чтобы ты не вмешивался в процесс.

— Надеюсь на тебя, Петя, — сказал Сергей Николаевич. — Сними совсем чуть-чуть Поверхностно.

— Вжик-вжик, — зазвенели ножницы. — Вжик-вжик... Хрясь, хрясь, хрясь, — приговаривал Додоня. — Хрясь, хрясь. Так... Вот тут и тут.

— Н-да... — сказал Шпарин. — Как не очень. Неравномерно. Давай по кругу, под «ежа».

Додоня сунул ножницы Шпарину, прижал машинку ко лбу Сергея Николаевича, устремился к макушке, и на голове экстрасенса образовалась белая просека.

— Бли-ин!.. — спохватился Додоня.

— Может и меня офанзурить? За компанию и чтобы Сергею Николаевичу было не обидно.

— Пара лысых приведёт в большое озлобление полицаев, если они вас поймают, — сказал Додоня, разглядывая машинку. — Забыл насадку поменять. Один лысый — не два.

— Э-эх... — сказал Шпарин. — Испортил Сергея Николаича. Неси мыло и бритву. И брей наголо.

— Пойдите, пойдите!.. Какие пара лысых?

Додоня намылil Сергею Николаевичу голову и замахнулся бритвой.

— Один лысый, один не лысый. Не так приметно. Спокойно, Николаич. Могу и чикнуть по-живому.

Шпарин повернул стул к зеркалу.

— Бармалей. Вылитый «бармалей». Примут за террориста. Придется и бородищу отфанзурить. Петя?..

— Вам всеобщая лысость ещё как идёт, — порадовал Додоня Сергея Николаевича, вытирая ему голову полотенцем с красными петухами. — Помолодели. Но за женщинами ухлёстывать в таком виде сложнее.

— И ты! И ты, Брутяра... Изверги! За что, Миша?

— А ты подумай. Придерживаемся старой версии на случай осложнения обстановки. Сергей Николаевич — Серж Лисярский, братец Губернатора Белогорского. Я — шпион-самозванец, скользящий на цыпочках по лезвию бритвы.

— По цыпочкам скользя, — разглядывая себя в зеркало, печально произнёс Сергей Николаевич. — Нет сил с тобой бороться, Миша.

— Советую надеть паричок, Николаич.

Шпарин присел на банкетку у телефона, достал найденную в секретере визитную карточку и набрал номер.

— «Моторная помощь»?.. Славик!? «Сонная Горка», дом номер 69. Машину к подъезду.

Додоня сломал сухую ветку яблони и ткнул в темноту собачьей конуры.

— У нас две собаки. Вылазь, вылазь... Точно говорю: две! Вылазь!..

Из будки послышалось сдавленное рычание, из конуры выполз рыжий пёс и, подняв морду к небу, завыл.

— Неужели это ты, Малджер? Как жизнь в собачьей шкуре?

— Миша, оставь пса в покое, — сказал Сергей Николаевич. — Ну что за натура — доводить всех до истерики. Даже собак. Мы едем или как?

— Едем, едем, выходи. Подождём на улице.

К дому летело синее такси. Автомобиль, оставляя тёмные полосы на асфальте, на тормозах прошел до опушки, лихо развернулся и остановился у ворот. Шпарин придержал калитку.

— Петя! Мы поехали. Остаёшься за старшего. Прибери во дворе. Возможно, будут новые гости.

— Я на охоту, — сказал Додоня. — Видел в полях интересных животных.

— Никакой охоты, — запретил Шпарин. — Наведёшь порядок во дворе и начинай собираться. Осмотри матчасть — подкачай колеса, проверь запаску, домкрат, и не забудь заправиться.

Друзья погрузились в такси, Шпарин уселся на переднее сиденье, Сергей Николаевич устроился сзади.

— Здравствуй, Славик! Поехали. За населённым пунктом, перед мостом, помедленнее.

— Мы знакомы? Что-то вас не припоминаю.

— По дороге вспомнишь.

— Нет, определённо не вспомню. Я всех клиентов запоминаю.

— Славик!? — вкрадчиво сказал Шпарин. — У тебя в машине не так давно пакетик оставили. Надо вернуть.

— Не оставляли. На прошлой неделе один алкан сумку с барахлом оставил, а пакета не было.

— Не было, так не было. Как обстановка? Чем дышит народ? Недовольных хунтой

много?

— Чё?.. Какая обстановка? Какой народ? Какая хунта?

— Славик, ты меня точно не помнишь?

— Определённо не помню. Куда едем?

— В казино «Клуб Любителей Денег».

— Поиграть решили? И не надейтесь. Все казино закрыты.

— Отчего же закрыты? Реформа денежная или наличные кончились?

— Вы с другой планеты? Не знаете, что в городе творится?

— А что творится?

— Полицию ковыряют. Начальника арестовали. Департамент Безопасности шерстят.

Взялись наконец, — радостно поведал таксист. — Многих похватали, будут сажать.

Конфискация и даже высшая мера.

— Конфискация и высшая мера, — повторил Сергей Николаевич. — У нас бы так.

— Где у нас? — спросил таксист.

— За границей, — ответил Шпарин. — Сергей Николаевич, тебя бы у нас наказали за такие речи.

— У нас, Миша, после твоей пламенной речи в вертолёте, ты бы не дожил до следующего утра. Как только не утоп?

— А я и тут не дожил. Кстати, откуда ты знаешь про вертолёт, пламенную речь и озеро?

— Запредельные новости, — отворачиваясь, сказал Сергей Николаевич. — Я телевизор иногда посматривал.

— Что же тогда дурачка валял?

— Откуда, Миша, я знал, что ты это ты? — обидчиво произнёс Сергей Николаевич. — А я, знаешь, кстати, до сих пор не уверен.

— Думаешь, я уверен?

Такси пересекло еле заметную черту на асфальте. Шпарин обернулся. Позади белел указатель с блестящей отметиной.

— Стоп!.. Назад и снова вперед.

Маневр был повторён.

— Когда рак на «Холме», — ехидно сказал Сергей Николаевич, — споёт тебе веселую песню. Или грустную.

— Куда едем? — раздражённо спросил таксист.

— Поехали, Славик, кататься. Повози нас по городу.

Машина неслась по центральным улицам. Мелькали дома, вывески магазинов, рекламные щиты. Такси выехало из центра и покатило по району новостроек.

— Патрулей нет, — сказал Сергей Николаевич, оглядываясь. — Бабы одетые ходят. Можно сказать: наглухо одетые. Не как тогда.

— А как они должны ходить? — язвительно поинтересовался таксист. — Голыми? Ты не из тюрьмы, браток?

— Он из больницы, — сказал Шпарин. — Забрал домой на пару дней, понаблюдать в домашней обстановке. А так перевожу из одной больницы в другую, никак не поддаются лечению. Из дурдома — в дурдом.

— Сколько народу на улице, куда они прут? — удивился Сергей Николаевич.

— Бедняга, совсем память отшибло. На ипподром. Сегодня Губернаторские Скачки.

Каждый год в день рождения Генерал-Губернатора — Большие Скачки. Ставки офигительные. Говорят будет Сам... — таксист показал глазами вверх и, пропуская пассажиров выходящих из автобуса, остановил машину перед «зеброй». Черноволосая девушка в серой курточке на задней площадке мазнула взглядом по машине и отвернулась.

— Ну-ка, ну-ка... — сказал Шпарин. — Поехали... За этим автобусом.

Синее такси помчалось за синим автобусом набирающим скорость. Через три остановки из автобуса выскочила девушка с прижатым к груди тубусом для чертежей, перебежала улицу и пошла к серой высотке.

— Развернись. Быстро!

— Две красные сплошные! — заартачился таксист. — Штрафы сейчас жуткие.

— Разворачивай!

Такси развернулось и бросилось к тротуару. Шпарин выскочил из автомобиля и, расталкивая прохожих, побежал за девушкой. Девушка, не оглядываясь, скрылась в подъезде. Шпарин рванул дверь. Она ждала на площадке перед лифтом. Девушка уронила тубус, схватила Шпарина за лацканы пиджака и ударила коленом между ног. Шпарин согнулся. Тубус, тяжело постукивая, покатился вниз. Девушка схватила Шпарина за подбородок, подняла голову и ногтями провела по щеке. От виска до шеи. Сверху вниз.

— Ещё раз попадёшься — убью! — сказала девушка, засовывая что-то в боковой карман пиджака. — И пусть это будет нашей маленькой тайной.

Девушка толкнула Шпарина. Он полетел по ступенькам и упал перед входной дверью. Загудел лифт, пришедший сверху, раздвинулись двери и из кабины вышел полицейский.

— Это вы тут чего?.. — снимая дубинку с пояса, грозно спросил сержант.

Девушка бросилась вниз, перепрыгнула через Шпарина, схватила тубус и выскочила на улицу.

— Ограбила бедного студента.

— Пройдёте в участок. Напишите заявление.

— Ни к чему, опаздываю на занятия.

— Что-то на студента вы не очень похожи.

— Навещал тётю, она на двенадцатом... — простонал Шпарин. — Этаже живет, а тут эта...

— А, Мария Даниловна, — сказал полицейский. — Знаю, знаю. Помощь нужна?

— Спасибо. Я опять к тётке поднимусь. Перевяжу раны.

Сергей Николаевич, взглянув на серую высотку, оттянул рукав пиджака и посмотрел на часы. Таксист безразлично изучал прохожих.

— Твой друг надолго?

— Не знаю! — сердито ответил Сергей Николаевич. — Минут десять. Но может и больше.

Шпарин вывалился из подъезда, прихрамывая, добрёл до машины, уселся на сиденье и, отвернув солнцезащитный козырек, заглянул в зеркало.

— Новая невеста? Как прошло свидание, мачо? — сочувственно поинтересовался Сергей Николаевич.

— Как тебе сказать... Бурно.

Шпарин полез в карман и достал синюю книжицу.

— Я теперь тоже с двумя паспортами: Шпарин Михаил Иванович and Погонялов Михаил Иванович. И немного баксиков есть, — сказал Шпарин, показывая двадцатидолларовую купюру извлечённую из-под обложки паспорта. — Сюрприз!

— Они никогда кончатся! Миша, давай уедем!

— Давай. Идея носилась в здешнем густом воздухе. На расстоянии вытянутой руки. Попробуем. На вокзал, Славик. Попробуем улизнуть из кошмара наземным транспортом.

— Подожди нас, — попросил Шпарин, вынимая из паспорта двадцатку. — Мы вернёмся, а если не вернёмся вот тебе деньги.

— Это не деньги! Таких «зелёных» денег не бывает. Президент — женщина. А должен быть «индеец».

Таксист возвратил купюру.

— Тогда вот тебе, Славик, другие «зелёные» деньги. С «индейцем», — сказал Шпарин, открывая портмоне. — Та сувенирная банкнота. Случайно завалилась.

— Психи, — пробурчал Славик, высадив пассажиров у центрального входа. — Кругом одни психи. Город заполонили идиоты.

Таксист отрулил на пустую стоянку для такси и уткнулся в газету.

В просторном вокзальном холле бродили, стояли, сидели, не более трёх десятков озабоченных людей. Беглецы бросились к билетным кассам.

— Два билета, — обратился Шпарин к приятной женщине предбальзаковского возраста в голубой униформе, оживлённо беседующей с коллегой за соседней стойкой.

— ... представляешь, Света, какой гад?!

— Ну, а ты?

— А что я? Мне скоро...

— Но это тоже не жизнь!

— Позвольте прервать вашу беседу, — нетерпеливо сказал Шпарин. — Два билета, пожалуйста. Вот документы.

— Куда вам? — спросила кассирша, поворачиваясь с недовольной миной на лице.

— К германцам, — сказал Сергей Николаевич. — У них порядок.

— К немцам, — уточнил Шпарин. — Но порядка и у них уже нет. Но давайте.

— Нет билетов.

— Тогда к франкам и галлам, — сказал Сергей Николаевич.

Кассирша подняла брови.

— К французам, — уточнил Шпарин. — В Париж. Мой клиент давно мечтал посетить «Мулен Руж».

— Нет билетов.

— Тогда куда угодно. На ваше усмотрение, — сказал Сергей Николаевич, подмигивая женщине. — Нам всё равно. Нам безразлично. Куда дадите — туда и поедем. Куда подальше. За границу смысла.

— Полиция... — тихо сказала кассирша и потянулась к кнопке под столом. — Полиция... Здесь сумасшедшие.

— Простите моего клиента, — сказал Шпарин, лучезарно улыбаясь, — Простите. Не надс полиции. Клиент лишился рассудка и только-только выправился. Выписался из клиники. Я его доктор. Доктор психических наук с медиативной специализацией. Везу горемыку в Баден-Баден, на воды.

— Ему минералка не поможет. Ему надо обратно в больницу. И голые бабы не помогут. Таким ничего не поможет.

Женщина держала руку под столом и искала глазами полицейских. Шпарин прочитал

имя кассирши на табличке.

— Татьяна Тимофеевна, когда смена ваша нервная заканчивается?

— В семнадцать часов.

— В семнадцать?.. Хочу пригласить вас в оперу. Передумал уезжать. Сдам клиента его жене. Пустой вечер. Не хочется быть одному! Составите компанию?

— Я вроде бы замужем! — быстро сказала женщина и бросила взгляд в зеркальце на рабочем столе, одновременно поправив прическу и пожевав ярко накрашенные губы.

— Из-за мужа нужно иногда выходить. Чтобы дать ему понять, как он не прав. Такие женщины, как вы... Такие женщины не должны страдать.

— Через недельку. Когда раны на лице заживут. Кто вас так?

— Это я, — сказал Сергей Николаевич, сияя лысиной и длиннозубой улыбкой. — У меня обострение. Мяу!..

— Катарсис, — Шпарин ткнул друга кулаком в бок. — Снова клинит. Но надеемся... А, скажите, Татьяна Тимофеевна, отчего нет билетов и так мало народу на вокзале? Где пассажиры, спешащие по неотложным делам?

— Под Боровском в «176-скорый» врезался неизвестный поезд, — озабоченно сказала кассирша. — На сегодня все направления отменены. Второй раз за месяц чужой поезд.

— Вот оно что... А я то думаю — почему так мало народу на вокзале?

— Загляните через недельку. Залечите раны и загляните. Мне нужна консультация. И муж как раз уедет в командировку.

— Обязательно. Проконсультирую по полной программе. Если не отправлюсь в Баден-Баден другим транспортом. До свидания. У вас тут цветник. Не хочется уходить.

— И почему он подошёл к тебе, а не ко мне? — сказала коллега, приподнимаясь и провожая Шпарина взглядом. — Я бы не стала недельку ждать, пока муж уедет. Какой представительный мужчина. Профессор, наверное.

— Ну да, профессор... — фыркнула Татьяна Тимофеевна. — С расцарапанной физией.

— Хорошо у тебя получается, — удаляясь от билетных касс, сказал Шпарин. — Вошёл в образ. Так и продолжай. Сумасшедший с городских окраин.

Такси на пустой стоянке всё ещё ожидало пассажиров.

— Может другой вокзал?

— И на другом нет билетов. И аэропорт наверняка закрыт. Для нас все закрыто. Мы инородные тела. Не встраиваемся в систему.

— Которой нет, — сказал Сергей Николаевич.

— Куда теперь? — спросил таксист, бросая газету на сиденье.

— На военное кладбище. Мой друг собрался посетить свою могилку, — сказал Сергей Николаевич.

— Ребята! Вы это... Точно ненормальные. Может вам к доктору?

— Он сам некоторым образом доктор, — усмехнулся Сергей Николаевич. — Да и я иногда практикую.

— Я передумал, — сказал Шпарин. — Поехали на улицу «Генерала Липаря».

— А памятник? Ты хотел поглазеть на свой памятник.

— На «Генерала Липаря»! — настаивал Шпарин. — Снимешь порчу. Тебя совесть не гложет?

— Гложет, Миша, гложет, но не так сильно, как тебя.

— Парни, — сказал таксист. — Нет такой улицы.

— Тогда на Синельникова, дом 24.

— И такой нет.

— Я видел достаточно, — решил Шпарин. — Это не тот город. Вези нас, Славик, обратно, на «Сонную горку».

— Если на ту приедем, — сказал Сергей Николаевич.

— На какую-нибудь приедем.

Глава 11. Возвращение

Глава 11. Возвращение.

Додоня всё-таки отправился на охоту. К приезду друзей в ведровом казане булькало аппетитное варево. Обе собаки лежали на лужайке и грызли кости. Живущее в бассейне водяное животное плавало кверху жёлтым пузым, хлопало по поверхности перепончатыми лапами, переворачивалось, тихо взвизгивало и резво уходило в глубину.

Подступали сумерки. Перестали издавать автомобильные звуки редкие машины. Небо темнело дутыми облаками. Оранжевый шарик сбежал за кроны деревьев. Ветер стих. Воздух взялся влагой и неприятно охлаждал носы и кончики пальцев.

— Странно, комаров нет, — сказал Сергей Николаевич, наблюдая за пузырями в бассейне. — Рожа у него — не дай приснится.

— Играется, нажрамшись, — пробурчал Додоня, мешая варево серебряной поварешкой.

— Вы хоть раз воду в бассейне меняли?

— Через день меняю, Михал Иваныч. Костей, правда, много.

— Я думаю. Скоро?

— Не гоните лошадей, Михал Иваныч. Картофан дойдёт и подам. Еще чуток. Хотя... Кажись, готово.

Додоня снял казан, поставил на траву, подхватил серебряной вилкой кусок мяса, вывалил на серебряное блюдо, и отнес в беседку страдающим от голода друзьям.

— Запах странный.

— Чё странный, чё странный? — обеспокоенно спросил Додоня. — Тут и перчик, и лаврушка, и чесночок. Лучку три головки. Морковину закинул. Тимьянчик, розмаринчик, гвоздичка.

— На посошок? По-русски?.. — с надеждой спросил Сергей Николаевич. — Перед дальней дорогой?

Лязгнула калитка. Послышались тихие шаги.

— Вечер добрый! Не помешаю?

Древака был одет в двубортный щегольский серый костюм. Длинные лацканы, накладные карманы и перламутровые пуговицы в два ряда.

— Здравия желаем! — ответил Шпарин, вставая. — Вечерок и впрямь неплох.

— Где напитки? Плесните стаканчик начальству, — полуприказал, полупопросил Древака, снимая фетровую серую шляпу. — Вечерок неплох, как, впрочем, и денёк.

Додоня побежал в дом, принес стаканы и две бутылки водки «Глобарёвская».

— Наливай, капитан.

Древака поднял стакан и качнул в сторону Шпарина.

— Твоё здоровье!

— И вам не хворать, — ответил Шпарин тем же образом.

— Салатику, салатик... — засуетился Додоня. — Картошечки.

— Это у тебя кто?

— Слуга и повар, Фёдор Максимович.

— А тот? В костюме?

— Камердинер, Фёдор Максимович.

— Уху-уху... — рассмеялся Древака, прикрывая ладонью рот. — Не по чину тебе ещё

слуг держать. Отправь их.

— Слуги, гулять! — гаркнул Шпарин.

Додоня прыснул. Сергей Николаевич нехорошо покосился на Шпарина, плюнул на траву и побрёл к воротам.

— Распустились совсем. Видите, как смотрит? Сэ-эрж! — крикнул Шпарин. — Я тебя уволю, если будешь так смотреть. А может и не уволю. Жалко. Старенький уже. Из деревни выписал. Куда ж ему теперь.

Древака обернулся на лязгнувшую калитку и, запрокинув голову, не спеша выцедил водку. Хапнул серебряной ложкой салату из серебряной салатницы и потянулся к мясу.

— Как сын? — спросил Шпарин.

— Сын?.. — Древака выплюнул жилку и пожал плечами. — Учится. Ещё по одной. Наливай. За здоровье!

Древака выпил. Лицо размякло, подобрело.

— На службу собираешься возвращаться?

— Так точно! Но я вроде как в отпуске.

— Я тебя отзываю. Хорошо устроился, Миша. А будущему тестю твоему сейчас несладко. Да ты должно в курсе. Или нет?

— Пока нет, Фёдор Максимович. Просветите. Бухал всё время. Потихоньку прихожу...

Древака вытер рот ладонью и рассмеялся.

— Нелегал! Вижу. На себя не похож. Инеев под следствием. Вчера арестовали. Вменяется крышевание казино и другие противоправные действия. Жаль, что с невестой не срослось. Не понимаю! Да против тебя этот, как его... Лихоркин, мозгляк в очёчках.

Запиликал телефон в кармане Древаки.

— Уже еду, — сказал полковник в трубку и засобирался.

— Как-то вы скоро.

— Жена, Миша, жена. Два дня дома не был.

Древака взял шляпу и показал на дом.

— Хоромы!.. Придется съехать. Не с руки оставаться. Ну ничего, поживёшь на служебной квартире, а там и в командировку. В понедельник в Департамент. К десяти. Начнём работать над «легендой».

— Приятно было повидаться, Фёдор Максимович. Стал и лицо ваше забывать.

— Не провожай.

Древака остановился.

— Особиста видел? Собирался к тебе. Роеет он что-то под тебя. Не видел?

— Не видел, Фёдор Максимович.

— Ну не видел, так не видел. А конинка, хороша. Цены твоему повару нет.

— Это не наш полковник, — сказал Додоня.

Сергей Николаевич опустил вторую бутылку под стол и потихоньку отвинчивал пробку. Шпарин разрешающе кивнул.

— Достань, Николаич. Плесни на два пальца.

— В рот попало, — осудил Додоня. — Понеслось!

— Я тебе сейчас понесусь! Я тебе понесусь! — гневно сказал Шпарин. — Кто там? В казане!

Сергей Николаевич показал на полосатую шкурку висящую на ветке яблони.

— Конь там. Без пальто.

— Додоня!..

— Лошадка. Полосатая, маленькая.

— Зебра что-ли?

— По зебрам из гранатомёта, — сказал Сергей Николаевич. — Наш парень.

— А чего такого? За лосиком в лес не решился. Ревели там что-то громко.

— На себе тащил? Геморрой не вылез?

— Волоком. К рыжему привязал. Так и дотащили. Без башки. Отстрелил я ей головёнку.

— У-у-у-у... — простонал Сергей Николаевич, делая губы колечком.

— Игого, игого, игого... — сказал Шпарин. — Игого-о-о...

— Может останемся, Миша? Дом наш. Невест много. А?.. — жалобно попросил Сергей Николаевич. — Может все ещё устаканится? Или напротив переедем, к Карамельке.

— Быстро ты прижился. И как ты это себе представляешь?

— Перейдём дорогу и все дела.

— Перейдём дорогу в другом месте.

Улица осветилась. Послышался шум мотора. Автомобиль остановился у дома. Фары погасли, вразнобой хлопнули двери, лязгнула калитка. Залаяли привязанные собаки.

— Эй, хозяйева!? Псов уймите!

— Быстро за дом... — тихо сказал Шпарин. — Быстро!

Плотная, грузная фигура в длинной куртке остановилась у жаровни.

— Хозяйева!

— Здесь! — откликнулся Шпарин. — Здесь, Фёдор Максимович.

Древака вошёл в беседку. Задел стол. Наощупь нашёл скамейку и чиркнул зажигалкой.

— Здравствуй, Миша. В темноте сидишь. В костюме. Собрался куда?

— Думы одолевают. В темноте лучше думается.

— Идём к свету. Один в доме?

Древака осмотрел тёмные окна особняка, вернулся к жаровне, выдернул из казана половник, ручкой половника сбросил решётку и поворошил угли.

— В Белокаменске исчез второй советник. Три дня как. Посольские грешат на их военную разведку. Подозревают... Но трупа нет. Два года вербовал агентуру. Два года насмарку. И половину вновь обращённых не успел передать. Поедешь и выяснишь.

— Слушаюсь. Когда?

— Заканчивай с женой и езжай. Доложили — с женой у тебя проблемы. Вижу по физиономии. Ушла? Отделай этого Лихоркина. Чтобы осознал. Поговори по душам. Ты умеешь. А жену верни! Тылы должны быть крепкими. Понял?

— Есть!

— Любишь?

— Кого?

— Не меня же. Жену.

— Не прощу.

— Тогда разговор с эскулапом отставить. Ещё убьёшь. Сорвёшь задание. Чёрт с ней, с женой. Найдёшь другую. У тебя их с теми, заграничными, три, кажется?

«Может и четыре. Не будем возражать начальству».

— Понял?

— Есть!

— Молодец. В понедельник в Департамент. К девяти.

— Есть!

— Молодец! Что пьёшь?

— Что и все.

— Все не только водку пьют. Лейтена-ант! — крикнул Древака. — Рысачка, блин!..

Топчется у машины... Портфель мой сюда носи!

Калитка не лязгнула. Послышался стук каблуков. На свет костра вышла высокая девушка в чёрном брючном костюме. В жёлтых ботинках. Светлое каре волос. Крючковатый нос. Руки она держала в карманах брюк.

«Ну и дылда».

— Лейтенант Ирэн Шмяк.

— Как?

— Шмяк, — ледяным тоном сказала девушка, протягивая руку. — Ирэн. Что вас так удивило?

«Нескладная какая... А личико, личико?.. Не повезло бабе. А попа ничего».

— Агент Рысачка. Будете работать вместе. Она поедет первой. И там тебя встретит. Знакомьтесь. Где портфель, Ирэн?

— Не расслышала, Фёдор Максимович.

— Ладно, сам схожу.

— Михаил Иванович, — представился Шпарин.

— Наслышана.

— Предупреждаю сразу — никакого сексу, — сказал Шпарин.

— Вы очень самоуверенны, Михаил!

— Как вы сказали?

— Как слышал!

Вернулся Древака с мятым портфелем.

— Приставал?

— Приставал, господин полковник.

— Он невменяемый на эти дела. Идём к столу.

В беседке Древака открыл портфель и выставил бутылку коньяка. Шпарин поднес коньяк к лицу.

— «Губернаторский». Выдержка пятнадцать годков. Не хило.

— Пообщаетесь в неформальной обстановке. Времени нет на притирку. В обрез времени. Думаю, сработаетесь.

— Я тоже думаю, — уныло сказал Шпарин. — Раз в обрез, в процессе притрёмся.

— Какие у тебя низменные мысли, — язвительно проронила «дылда». — Но мечтать не запретишь.

— На тебя мечт нету, — отрезал Шпарин. — И в моих кошмарах не выглядываешь.

— Но-но, — сказал Древака. — Прекратите. Ты, Миша, поосторожней. Она девушка с характером.

На лужайке посветлело. В жаровне весело скакало пламя, бросая сполохи на лица гостей. Древака снял куртку и бросил на скамейку. Подмышками желтели кобуры с тёмными рукоятками пистолетов. Затиликал телефон. Древака посмотрел на Шпарина и быстро пошёл к бассейну.

— Слушаю... Что, что? Повтори... Сам не дожмёшь?

Древака выключил телефон, сунул в карман и вернулся в беседку.

— Мы поехали. Ляхова арестовали. Коллеги из Департамента Безопасности. У тебя с ним дел никаких?

— Выпивали пару раз.

— Ну нет, так нет.

— Скоро увидимся, Михаил, — пообещала агент Рысачка.

Лязгнула калитка. Завёлся двигатель. Улица осветилась.

— Пронесло. Этот, наверно, последний. Если их по три штуки, — сказал Сергей Николаевич, запуская руку в порфель забытый полковником. — Тут ещё пузырек коньяка! Тебе, Миша, всё по фигу. Пофигист-фаталист.

— Оптимист.

К полуночи коньяк был приговорен, доедена маленькая полосатая лошадка и спеты вполголоса все вспомненные песни на конскую тематику. В конце застолья Шпарин встал и исполнил соло на скауз, ливерпульском диалекте, второй куплет из битловской «The fool on the hill» — «Дурак на горе» и, закончив, поклонился и посвятил куплет Сергею Николаевичу. Тот, не зная английского и не поняв, естественно, ни слова, на всякий случай сдержано похлопал. От признания вокальных данных Шпарин разошёлся и предложил исполнить дуэтом всю песню, с припевом, в трагичном миноре, но Сергей Николаевич предложение отклонил и, вспомнив ещё одну «лошадиную пестню», слабым голосом затянул:

— Ой мороз, моро-оз!.. Не морозь меня, моего коня-а-а...

— Давайте собираться, пока ещё кто не приехал, — прервал Додоня вокал Сергея Николаевича.

— Успеем, Петя. На другой свет всегда успеем. Принеси-ка, повар, какую банку консервов. Рыбных. Сайры.

— Уложил в машину, Михал Иванович. И карабин, и консервы, и вещи ваши. Термосок с чайком. С лимончиком. Матчасть в полном порядке.

— Собрался в общем?.. Хвалю.

— Нажрётесь, господин капитан, и никуда не поедем.

— Поедем, Петя, ещё как поедем.

— Рак свистнет и поедем, — поддакнул Сергей Николаевич. — С пестнями поедем. С ветерком. В даль тёмную. Что сам не кушаешь? Накормил, напоил, а сам... Покушай, Петя.

Додоня пошарил по одному из столбов поддерживающих крышу беседки. Раздался щелчок и под крышей вспыхнул белый плафон.

— А «зебру» жаль, — сказал Сергей Николаевич. — Красивый животный, грациозный. Неси ещё «огненной воды».

— Сами несите. Куда в вас лезет?

— Не слушается, — сказал Сергей Николаевич. — Распустил. Вот к чему приводит твоё доброе сердце.

— Невесты разбежались, жены ушли. Как жить без женской ласки? — пожаловался Шпарин, приваливаясь к плечу Сергея Николаевича.

— Не печалься, Миша. Щас какая-нибудь заскочит.

— Накаркаешь.

— А эту знаешь: мы поедем, мы помчимся на оленях утром ранним и отчаянно ворвёмся прямо в... — вспомнил Сергей Николаевич.

— Ворвёмся, Николаич, прямо в... Эта не про коней, но все равно споём.

И друзья запели. Додоня психанул, убежал в дом, запер дверь, погасил свет, и, стоя у окна, слушал поющих друзей и тихо матерился.

Душа горела. Шпарин вспомнил о Карамельке, домашнем винце, и повёл Сергея Николаевича в гости к одинокой девушке. Карамелька, услышав стуки в дверь и пьяные голоса гостей, необыкновенно возбудилась, решив, что Михал Иваныч наконец «задумался» и, захватив с собой в сваты «козла чернявого», явился сделать предложение. Девушка одела лучшее синее платье с оборочками и слетела вниз открывать гостям. В комнате наверху Карамелька выставила веселым гостям пятилитровую багровую бутылку домашнего напитка, уселась и, положив ладони на колени, вся сияя, приготовилась слушать. Узнав от Шпарина о цели визита: «мы в хорошем смысле... э-э... побалдеть на прощание», Карамелька расстроилась и разочарование было настолько сильным, что не задумываясь о последствиях, девушка принялась опрокидывать бокал за бокалом. Вскоре Шпарину пришлось отлучиться по малой надобности. Испросив позволения у хозяйки, он отправился на поиски туалета и заблудился в огромном доме. Сергей Николаевич, видя долгое отсутствие собутельника и надеясь, что он уснул, сидя на толчке, вознамерился склонить аппетитную деваху к быстрому сексу и начал коварно подливать Карамельке в бокал с вином коньяк, из спрятанной от Шпарина и принесённой в кармане пиджака ополовиненной бутылки. Девушка напилась быстро. Лысый и безбородый Сергей Николаевич перестал казаться «козлом чернявым» и стал вполне милым мужчиной, пусть и небольшого роста, и совсем в не том тяжёлом возрасте, когда молодые девушки уже и подумать не могут поиграть с такими на рояле. Карамелька включила музыку и, медленно кружась по комнате, стала разоблачаться. Девушка успела раздеться до трусов, когда вошедшему в комнату Шпарину открылась вся правда о коварстве друга. Шпарин поспешил закрыть другу глаза и увел выдирающегося из рук Сергея Николаевича восвояси. После ухода гостей Карамелька, почувствовав себя чрезвычайно дурно, распахнула настежь окно во двор, шатаясь, дошла до кровати и рухнула лицом вниз.

Костер в жаровне притух. Привязанные собаки, сложив морду к морде, спали у конуры. Лопались пузыри в бассейне.

Взошла яркая, в полнеба, красная луна.

Карамельке снился кошмарный сон. Несчастную девушку по имени Изабелла, схваченную под руки братьями Михал Ивановичами, в сопровождении госпожи и господина Ливербрук, лучшей подруги Миранды и изменщика Родриго, куда-то вели в многолюдном парке среди выющихся магнолий. Процессию замыкал рыжий пес с оскаленной пастью. Додоня шёл впереди и расталкивал любопытных своей зелёной трубой. К ужасу Карамельки, Изабеллу привели к беседке в глубине парка и, откинув ветвь ядовитого зелёного плюща, втокнули внутрь. Внутреннее пространство беседки было убрано роскошными коврами и освещено чадящими светильниками. На широкой кровати из спальни госпожи Ливербручихи лежал лысый «козёл чернявый». Завидев Изабеллу, «козёл» вскочил и накинулся на бедную девушку. Сердце Карамельки дрогнуло, забилося... Но тут послышался шум, крики, и в беседку с окровавленной саблей ворвался кудрявый Габриэль в красных штанах и длинном плаще жёлтого цвета. «Идем со мной, любовь моя!», — сказал синеглазый мужчина и вывел Изабеллу наружу. Среди выющихся магнолий лежали мёртвые тела госпожи Ливербручихи и господина Ливербрук. Изменщик Родриго висел голый в петле на дубе. Страшная палёная собака издыхала в агонии. На коленях стояли сероглазые Михал Иванычи, Додоня, лучшая подруга Изабеллы, Миранда, и просили прощения. «А куда мы теперь?», — спросила

Изабелла, обнимая синеглазого Габриэля. «На свадьбу, любимая, мы едем на нашу свадьбу!», — ответил кудрявый Габриэль, увлекая Изабеллу к роскошной карете, запряженной шестёркой маленьких полосатых лошадок. Точно такую, только без головы, конопатый Петя протащил сегодня привязанную к страшнучей собаке мимо Карамелькиного дома. От зависти к счастливой судьбе Изабеллы, Карамелька всхлипнула, крутанулась на кровати, перекадилась к краю и слетела на пол, где свернувшись комочком, продолжила досматривать ужасный сон.

В особняке напротив, в беседке, на скамейке лежал Шпарин, по струнке, в костюме, со сложенными руками на груди. Ему снился кошмар о бедных «зебрах» с головами юных шпионок, до ужаса худых и грациозных, за которыми по кукурузному полю гонялся сержант Додоня с зелёной трубой гранатомёта. Рыжий пёс носился среди редких стеблей и путался у сержанта под ногами.

Сергей Николаевич лежал у скамейки на деревянном полу и храпел. Ему почему-то снились вампирши. Нагие, красивые, с красными кровавыми ртами, но без крыльев и маленькими грудями. Сергей Николаевич подманивал вампирш куском варёной «зебры», хлопал мясом по столу, призывно махал свободной рукой, приглашая присесть, выпить водки и разделить трапезу. В рой летучих красавиц влетела еще одна упыриха, спикировала к столу с криком: «Тёпленький!» и, растопырив ноги, уселась на живот его друга.

— Изыди, гадина! — просыпаясь, сказал Сергей Николаевич. За что получил жёлтым ботинком в висок и отключился.

«Упыриха» надела на Шпарина наручники, выдернула из-под пиджачка пистолет и переместилась на колени.

— Куда тебе? Сюда? Или сюда, пониже? Где деньги, Весельчак?

— Веди его к бассейну! — приказал Древака. — И проверь лысого.

Рысачка сползла со Шпарина, сдёрнула со скамейки и вывела из беседки. Поводила руками по телу, похлопала по карманам, вытащила портмоне и передала полковнику. Древака опустил бумажник в карман куртки и потянулся к поленьям у жаровни.

— Проверила. Чистый. И этот в костюме. Куда-то собрались с нашими деньгами. На Лазурное Озеро, Весельчак?

— На Канары, — сказал Шпарин, падая у бассейна. — На Канары без денег не едят.

— Где Юра? Что-то он долго.

— Здесь я.

На свет костра вынырнул Супонев. На этот раз он был одет в синий костюм. Пылала красная рубашка, блестел серебряный галстук.

— Ну что? Дожал? — спросил Древака.

— Синее с красным не надевать, — сказал Шпарин. — Мудель.

Супонев ударил Шпарина ногой в правый бок, обошёл и ударил в левый.

— Сам мудель. Дожал, господин полковник. Не выдержал, мерзавец. Деньги у Шпарина.

— Осмотрите дом.

Шпарин вытянул ногу и попытался сдвинуть решетку бассейна. Водяное животное всплыло, посмотрело на него красными глазами и тихо погрузилось в тёмную воду.

— Без вариантов, Миша. Говоришь, где деньги — быстро умираешь. Не говоришь — умираешь долго и мучительно. Знаешь, какой у Ирэн любимый фокус? Она сначала отрежет тебе...

— Минуточку, — сказал Шпарин. — Полковник, вы в своём уме? Какие деньги?

Древака снял куртку, бросил на траву, и ударил Шпарина в челюсть. Шпарин успел увернуться, дёрнув головой. Кулак полковника скользнул по скуле. Засочились кровью глубокие борозды от ногтей девушки из подъезда.

— Сопротивляется? — подбегая, весело крикнула Рысачка. — Юра парики нашёл.

Плафон в беседке, фонари на улице, мигнули и погасли. Посёлок погрузился в темноту.

— Вот незадача, — пробурчал Древака.

— Каналья! Сволочь! — выскакивая из мрака, заорал Супонев и ударил Шпарина рукояткой пистолета по голове. — Говори, где деньги?!

— Минуточку... — прохрипел Шпарин, закатывая глаза от боли. — А сколько должно быть денег?

— Наглец! Забыл? Я напомню. Два лимона! — прорычал Супонев и снова ударил. — Два!

— Сдаюсь, — сказал Шпарин. — Деньги в бассейне. В непромокаемых мешках. Все два лимона. В баксах.

— Почему в баксах? — удивился Древака. — Вы взяли на Ипподроме в рублях.

— Поменяли. Поменяли на баксы. Занимают меньше места. И валюта. Валюта, всё же.

— Он прав. Валюта есть валюта. Но напруги нет, воду не спустить, — задумалась Рысачка. — Кто полезет?

— Ну не я же, — сказал Древака, заглядывая в бассейн. — Кто-то из вас. Решайте.

— Вода холодная. Я женщина! — заявила Рысачка. — Мне нельзя.

— Тебе можно, — сказал Шпарин. — Тебя замуж всё равно никто не возьмёт.

— Откуда ты знаешь, гад?

Рысачка хлопнула носом, скривилась и заплакала.

— Я всё про вас знаю. Я дамский угодник. Вы мне про самих себя такие вещи выдавали, что до сих пор стыдно.

— Пусть он лезет, — сказал Супонев. — У кого ключи от наручников?

Рысачка похлопала по карману брюк.

— У меня. Снимать?

— Снимай, — сказал Шпарин. — Снимай. Глянем, как смотришься без штанов.

— Наручники снимать нельзя. Я его знаю. Уйдёт, опомниться не успеешь. Зря такой коньяк отдали. Вот что значат тренировки и здоровье. Хватит болтать, Супонев! Раздевайся и ныряй, — приказал Древака.

— Решётку совсем сдвигайте, — посоветовал Шпарин, — совсем. Я не помню в какой стороне.

Супонев отдал пистолет Рысачке, разделся до розовых трусов и аккуратно сложил одежду на траву.

— Как не было пиписьки, так и нет, — заметил Шпарин, — так и не выросла.

Супонев подошёл к краю бассейна, поднял руки над головой и прыгнул «солдатиком». Воды над ним сомкнулись и забурлили.

— Что это, что это?.. — заволновалась Рысачка.

— До дну рыщет, — сказал Шпарин. — И в трусы суёт, чтоб вам меньше досталось.

— Ну что он там? — забеспокоился Древака. — Утонул? Давай, Ирэн. Больше некому.

— Покажи класс. Винтом в два оборота. У тебя получится, — подбодрил Шпарин Рысачку и отчаянно замотал головой. Стоящий за яблоней Додоня кивнул и опустил карабин.

Девушка бросила пистолет на одежду Супоневы и, передёрнув плечами, рванула пояс

брюк.

— Обсохну — убью!

— Сначала обсохни. А ты нагишом ничего.

— Заткнись, Шпарин! — приказал полковник, протягивая руку. — Давай помогу, Ирэн.

— Целлюлит. И дырка в трусах. Позор какой! — сказал Шпарин.

— Где? Врёшь, гад!

Древака растянул цветные трусики и сунул палец в дырку.

— Вот! В самом деле, Ирэн, не можешь на работу новые трусы одеть?

— У тебя все в волосах, — сказал Шпарин. — Современные девушки там теперь бреют.

— Вылезу и убью! Немедля убью. Козёл!

Рысачка зажала ноздри и шагнула в воду. Древака походил вдоль бассейна и, тяжело дыша, присел на корточки.

— Как там База, господин полковник? — поинтересовался Шпарин. — Как девчонки? Таня с Катей? Как поживают?

— Какая База? Какие девчонки? Не мешай.

Вынырнула Рысачка и схватилась за кафельный бортик.

— Глубоко. Дна не доста...

Лицо девушки исказилось болезненной гримасой, длинные ногти, ломаясь, заскребли белую плитку. Рысачка взвизгнула и ушла под воду. Древака вскочил и крикнув: «Ё-о!..», выхватил пистолет и начал стрелять во всплывшее чудовище, пока не кончились патроны и не вылез ствол. Полковник уронил пистолет, выхватил второй, повернулся и прицелился в Шпарина. Раздались выстрелы. Голова Древаки лопнула и разлетелась на куски.

— Извиняйте за задержку, Михал Иванович, — сказал Додоня, выходя из темноты с карабином в руках. — Всё время болтались перед вами. Боялся зацепить.

— Подай мне, Петя, вон те чёрные брючки и посмотри что там с Николаичем.

— Вот он я, — выходя из беседки и держась за висок, сказал Сергей Николаевич. — Что тут было?

— Много чего, — сказал Шпарин, снимая наручники. — А дело было так — приехали, проверили обстановку. Выдали пойла, хорошего, кстати. Удостоверились — я один, и уехали к Супоневу, поприсутствовать при допросе, лейтенант, видимо, не сдавался. Потом полковник забеспокоился — не ушёл ли я с деньгами, оставил Супоневу допытывать Ляхова и вернулся.

— Покажи «шифровку»! — попросил Сергей Николаевич. — Она у тебя во внутреннем кармане. Доставай, доставай.

Маралов потыкал пальцем в квадрат на листке в клеточку.

— Не допёр, Михаил Иванович! Это план поместья. Простенький. Маленький квадрат с кружками — наш дом с башенками... — палец Сергея Николаевича поехал по пунктирной линии и упёрся во внутренний угол большого квадрата. — А деньги где-то здесь. Они там. Там они! Петя, лопату!..

— Были они там. Если свербит — иди, посмотри.

— Кого закапывать будем? — спросил Додоня. — Полковника? Так это опять не наш полковник.

В соседнем доме хлопали двери и слышались возбуждённые голоса. Перепачканный Сергей Николаевич вернулся, бухнулся на колени и, толкнув тушу мёртвого водяного животного, стал мыть грязные руки.

— Яма... Сверху куски дёрна... Еле вылез. Были они там, были!

— Это я яму вырыл, — доложил Додоня. — Особист там.

— Гад ты, Петя! — сказал Сергей Николаевич.

— Зря признался, — укорил Додоню Шпарин. — Теперь человеку плохо.

Шпарин вытащил бумажник из куртки Древаки и похлопал экстрасенса по плечу.

— Заканчивай! Соседи проснулись. Стрельба на всю округу. Уносим ноги.

За посёлком джип съехал на обочину и остановился перед указателем. На стёкла машины прыгали длинноусые кузнечики. Мохнатые слоники вылезли из кукурузы, гурьбой перешли дорогу, залезли в реку и поплыли вниз по течению.

На заднем сиденье завозился Сергей Николаевич. Раздался булькающий звук. Шпарин перегнулся через спинку сиденья, нащупал руку, выдернул бутылку и, открыв дверь, бросил в кукурузное поле. Дорога осветилась. Из-за поворота, мигая огнями спецсигналов, выскочил полицейский автомобиль. За ним, почти сразу, завывая сиренами, вылетели ещё два. Проехали тентованный грузовик и светлый джип.

— Ну скажи, Миша. Скажи... — попросил Сергей Николаевич, рассматривая белый столб указателя без блестящей отметины. — Твои волшебные слова.

— Какие, Николаич?

— «Твою мать» или «мать ихнюю». На выбор.

— Mother fuck, — сказал Шпарин.

Утро застало серый джип на лугу у пустынной дороги. Металлические опоры ЛЭП прыгали через серую бетонку и ныряли в широкую просеку. Просека вела к горе, вершину которой скрывала плотная чёрная туча.

В машине спала троица беглецов. Додоня, подложив под щёку ладони, сладко посапывал на переднем сиденье. Шпарин, согнув ноги, скрестив руки на груди, спал на заднем, положив голову экстрасенсу на колени. Сергей Николаевич в перепачканном костюме сидел, привалясь к двери автомобиля, и чутко дремал. Изредка всхрапывал и, вздрагивая от собственного храпа, с негодованием смотрел на голову Шпарина.

— Привал закончен, — проворчал Шпарин, просыпаясь от очередной горловой трели, выданной Сергеем Николаевичем. — Подъём! Оправляемся, споласкиваем физиономию, коротко перекусываем, и в путь. По кустам, парни. Друг друга из вида не выпускать.

— Все ноги, Миша, отсидел!

— Как я их мог отсидеть, если я на них лежал?

Додоня достал из багажника пакет с рулоном туалетной бумаги, мылом в зелёной мыльнице и махровым зелёным полотенцем. Поочередно беглецы сбегали до леса.

Додоня вытащил из багажника канистру, плеснул в протянутые ладони Сергей Николаевича и обильно полил голую спину Шпарина.

— У тебя кроме старых дырок в спине, шрамчик как от ножа, — сказал Сергей Николаевич, рассматривая живот Шпарина. — Гвардеец ты наш невидимого фронта.

— А царапки?

— Царапки на месте. А каково это, Миша, ощущать себя разными людьми?

— А я не ощущаю. Больше того — никакой неприязни ни к себе, ни к «дубликатам». И предвосхищу возможный следующий вопрос. О женщинах... Моих и не моих. Никаких угрызений. Не осознал ещё. Слишком все быстро движется. Дай полотенце!

— Не побрезгуйте, Сергей Николаич, на слугу побрызгать, — попросил Додоня.

— Да и не побрезгую, — сказал Маралов, принимая канистру. — Миша, ты заметил — утро раннее, а росы нет?

Закончив обмывку, Додоня снова полез в багажник, расстелил на траве уже не белое полотенце с красными петухами, открыл банки с тушенкой, вывалил содержимое на серебряное блюдо, нарезал батон и выдал друзьям серебряные ложки.

— На этой скатерти-самобранке питаться не буду, — заявил Сергей Николаевич. — Ты бы еще портянки постелил.

— У нас в армии портянок нету, — с обидой произнёс Додоня. — Мы носки носим.

— Не хотите, как хотите, — сказал Шпарин. — Нам больше достанется. Отдай ложку, Николаич.

— Двумя будешь есть? — злобно спросил Сергей Николаевич, быстро проникая ложкой вглубь горки тушенки на блюде.

— Хотите, расскажу историю? Про случай на Базе. Настоящий ужас, — предложил Додоня безразличным тоном.

— После завтрака. А сейчас кушаем и кушаем молча. Потом Петя поделится ужасом.

Завтрак прошел в сосредоточенном молчании и завершился горячим чаем из термоса разлитым в гранёные стаканы.

— Приступим к ужасу, — объявил Шпарин после завтрака и кивнул Додоне. — Начинай.

— Значит, про случай...

Додоня сделал важное лицо и поведал о возникшей однажды над лесом невероятно высокой чёрной пирамиде. При появлении пирамиды раздался тошнотворный хруст, затем гул, перешедший в свист. Свист сбил листву с деревьев, поразбивал множество окон и повалил всех наблюдающих за пирамидой на землю. Пирамида раскалилась докрасна, разбухла, лопнула, и разлетелась на мелкие кусочки.

— Пирамиду я ни разу не видел, — с сомнением произнёс Сергей Николаевич. — Чёрте что.

— Все корчились, как умалишённые, из ушей кровиха текла...

Додоня поднёс к лицу пустое серебряное блюдо и, вглядываясь в него, рассказал, как сбежал из Боровска, куда они на грузовиках с хозяйственным взводом под начальством замкомандира Базы капитана Балкина отправились за продуктами для офицерской и солдатской столовых. Додоня постучал по блюду и, перевернув, постучал по днищу.

— Пока они грузились на складах, таскали ящики, я угнал машину Балкина.

— Про пирамиду всё же интереснее. Оставим дезертирство на твоей совести. Давай дальше.

— Дальше самый ужас.

Самый ужас заключался в собирании пирамиды из кусочков в первоначальное состояние и скручивании пирамиды в оранжевый жгут с отлетающими во все стороны красными брызгами, и последующим превращением жгута в «большущую чёрно-чёрную» перевёрнутую воронку, которая напозла на Базу и принялась втягивать в себя личный состав.

— Все побежали, бросились кто куда, прыгали в машины, неслись со всех ног, хватались за деревья, столбы... Но мало кого не засосало.

— Как тебя на засосало? — недоверчиво спросил Сергей Николаевич. — Почему тебя не втянуло?

— В подвале спрятался. До утра прятался в подвале под штабом. А потом жахнуло. Так

жахнуло, так жажнуло, что уши заложило, — сказал Додоня и замолчал, всматриваясь в лицо Шпарина. — И когда мы вылезли с вашей девушкой...

— Не понял, — хмуро сказал Шпарин.

— Она тоже пряталась в подвале. Потом приехали вы с лейтенантом Ляховым...

— Я уже нервничаю, — сказал бледный Шпарин. — Нервничаю... Хватит, Петя. Не над больше ужасов.

Додоня залился смехом и упал лицом на «скатерть самобранку».

— Развелись?.. Наврал я про девушку. А про воронку не наврал. После этого случая ещё раз воронка была. Вдалеке прошла. После неё все чихали и сопли неделю текли. Вот такие дела.

Додоня спрятал посуду в мешок, поставил мешок в багажник, достал из багажника лопату, сделал ямку и закопал пустые банки.

— Меняешься на глазах. Молодец, Петя.

— Ещё про кубы и линзы не рассказал, — вспомнил Петя.

— Про кубы и линзы тоже интересно. Ты рассказывай, рассказывай.

— Тоже ещё та история.

— Где вещи, которые ты «погрузил»? — раздражённо спросил Шпарин, выбрасывая мешок с серебряной посудой на траву.

— В кожаной сумке возле заправки.

— Нет здесь кожаной сумки! Заправка есть, а сумки нет. И карабина нет! И твоей базуки нет!

— Бузюку я в доме оставил. Боекомплект кончился.

— Петя? Обещай, что больше никогда не будешь охотиться. Там, где скоро будешь жить. Обещаешь?

— Ну-у... Не знаю, — сказал Додоня, надувая щёки.

— Будешь жить в деревне. Домов брошенных уйма. Устрою на работу в лесхоз. На пилораму. Или на свиноферму, большая у нас свиноферма. Женишься, детишек заведешь.

— А тебе не интересно, как звали девушку за которой ты приехал? — спросил Сергей Николаевич. — А ещё интереснее то, что мы с тобой сегодня трезвы как стеклышки. После вчерашнего случая.

— Не доставай!

— Змея на опоре! Змеища-а! Длиннющая... — с отвращением произнёс Додоня. — Ужас, как не люблю этих гадов. В прошлом годе одна такая куснула Петрова, когда он на неё наступил. Помер на месте. Мигом опух, пена-а из глотки... Жёлтая. Через минуту помер. Потом я его в городе встретил. Петров меня на работу пристроил, в казино, охранником. Тот толстяк, хозяин казино, его дядя.

Чёрная змея переползла с опоры на провод, миновала стеклянные гирлянды изоляторов, сползла с них и, обвив провод хвостом, перетекла на провод идущий ниже.

— ЛЭП — киловольт двести двадцать, судя по диаметру проводов. Раз змейка целая, то линия, похоже, обесточена, — сказал Сергей Николаевич. — И сто пудов — на «Холме» реактор.

— Михал Иваныч? Слышите? — спросил Додоня. — Вроде как машины едут.

Из-за поворота, натужно воя моторами, на бетонку выехали грузовики и остановились напротив джипа. Из кузовов горохом сыпанули солдатики в пилотках. Из кабины первой машины вышли двое — офицер и рядовой. Водитель забрался на бампер и открыл капот.

— Это зампотылу капитан Балкин, — сказал Додоня пустым голосом, — и Петров...

— ... который помер в прошлом годе, — ехидно договорил Сергей Николаевич.

Офицер достал сигареты, похлопал по карманам, сбежал с дороги и приблизился к джипу.

— Здорово, Шпарин! Дай зажигалку. Додоня-а?..

— Подвожу до Базы, — быстро сказал Шпарин. — Сержант осознал проступок и возвращается в часть.

— Додоня, где моя машина? — багровея, спросил капитан и смял сигарету в кулаке.

— Моя вина, — сказал Шпарин, вынимая бумажник. — Покататься решил Додоня. А я врезался на перекрёстке в твою машину. Восстановлению не подлежит. Моя тоже в хлам. Тысяча баксов.

— Две.

— Тысяча. Твой драндулет больше не стоил.

— Ладно. Додоня, в машину! Где твоя форма? Я тебя на кухне до дембеля пропишу. Пять нарядов вне очереди для начала. Людей не хватает, пополнение не везут, а он покататься решил! — грозно рыкнул капитан, повернулся к грузовикам и крикнул: — Петро-ов?.. Закончил?

— Как же, Михал Иваныч?

— Иди, дезертир, — прошептал Шпарин. — Ничего не поделать. Не бить же его лопатой по голове. Да и не за что.

— Может так оно и лучше. А про девушку я тоже не наврал!

Додоня пожал Шпарину и экстрасенсу руки, побежал к машинам, его тут же окружили солдатики и раздались приветственные возгласы.

— Миша, как жена? Родила? — спросил капитан, пряча деньги в нагрудный карман.

— Вот-вот.

— Передавай привет. Миазмов, почему ты лысый? Миша, у тебя же отпуск еще не кончился. Что вы тут делаете? Грязные, как свиньи. Хочешь, обрадую? Тебя переводят. В Устань, на Окружную Базу Резерва. Приказ пришёл. Ты везунчик. Ну, мы поехали. Увидимся!

Капитан хлопнул Шпарина по плечу и побежал к машинам.

— Пристроил пацана, — сказал Сергей Николаевич. — Только куда?

— В нормальную среду обитания.

— Никто не знает в какую.

— В нормальную.

Додоня выглянул из-под тента, улыбнулся и помахал. Грузовики тронулись и скрылись за поворотом. Вой моторов резко стих. Шпарин увлек Сергея Николаевича к машине.

— Было у меня видение на днях, — сказал Шпарин, включая передачу. — Вроде бы погрузились мы с тобой в этот джип, отбыли в направлении Базы, и видим, как по бетонке носится белый микроавтобус с московскими номерами...

— Да ладно тебе.

— Начинает движение от круга со стрелками, разгоняется, долетает до поворота, тормозит, разворачивается и снова разгоняется. На боку «бусика» чёрный круг, в круге жёлтые буквы: «Космопоиск».

— Ну надо же, ну надо же... — пробормотал Сергей Николаевич. — Земляки?

— Ребята из нашей среды обитания. «Аномальщики». Из «бусика» выползают

озабоченные пассажиры в количестве трёх человек. «Давно ёрзаете?», — спрашиваю я. «С утра, — отвечают мне. — На этом участке шоссе аномальная зона. За два года семь человек пропали вместе с машинами. Проводим измерения...». «Здесь всё и везде аномальная зона», — говорю я им и предлагаю другое решение по перемещению в пространстве из-за возможного столкновения на той стороне, то есть на нашей, с фурой, асфальтоукладчиком или автобусом.

— И что?

— Не поверили, сказали, что я бомж с дикого похмелья и несусветную чушь.

— А кто? Бомж и есть.

— Залезли «аномальщики» в «бусик» и продолжили бороздить пространство над серой бетонкой. В один из заездов «бусик» пронесся мимо, растворился, как твои мечты, а к столбу со ржавым щитом, на котором ничего было не разобрать, подкатился блестящий колесный колпак. От старых «жигулей».

— Как в сказке!

— Мы в ней давно, а они выскочили. С минимальными потерями. Слышал их голоса. Но «бусик», как я и предполагал, конечно, раздолбался.

— Повезло. А дальше?

— Дальше я нырнул в «портал», пока он не схлопнулся, и пошёл домой. А ты остался, сказал, что тебе и тут хорошо.

— Я тебе больше не друг.

— Ещё какой друг. С большой буквы. Вот тот перекрёсток, вот тот указатель, — сказал Шпарин, останавливая машину. — Ты что же, мой друг, домой не хочешь? Выходи, экстрасенсапарапсихолог!

— Духота. Воздух спёртый, весь вспотел, — недовольно сказал Сергей Николаевич, усаживаясь в тень. — Ты сначала в разведку сходи. В твой портал. Мало ли что.

— В самом деле — «мало ли что». Не скучай без меня.

Шпарин походил вдоль ёлочной стены, бормоча под нос: «здесь, не здесь, здесь, не здесь, тут, кажется...», остановился, шагнул вперед и исчез. Сергей Николаевич обеспокоено смотрел на часы, стрелки которых бежали в обратную сторону, вставал, садился на траву, снова вставал и бродил по опушке.

— Миша... Ну, где ты... Неужели опять бросил?

Обе стрелки остановились на цифре «двенадцать», красный и потный Шпарин вывалился из ёлок и, показывая за спину, сделал приглашающий жест.

— Вход он же выход. Всё на месте — пенёк, тропинка, и даже мухоморы, того же роста и цвета. И Авдеевка на месте. Как говорится: удивительное рядом и как всё просто. Вставай.

— Ты знал?

— Догадывался, но...

— Я тебя сейчас убью! — ожесточённо сказал Сергей Николаевич. — Что но, что но...

— Ты тогда в подземелье на Базе так не спросил, как я сюда попал.

Лесная тропинка вывела их к картофельному полю, друзья перешли его и остановились у дома с коричневой крышей.

— Валера, какой сегодня день? — спросил Шпарин у мужчины вытирающего лобовое стекло серого «Форда».

— Воскресенье с утра, — буркнул Валера, бросая тряпку в ведро.

— А число?

— И число то же, двадцать пятое. Не смешно, Миша. В город поедешь?

— Не сегодня, — ответил Шпарин, открывая калитку. — Хеппи его в энд, Николаич. Наконец, мы дома. Заходи.

Сергей Николаевич обнял Шпарина и заплакал.

— Ну-ну, Николаич, ты это, не раскисай... — растрогано сказал Шпарин, поглаживая друга по лысой голове. — Жизнь не кончилась, жизнь продолжается, и волосёнки опять отрастут.

Они приняли душ и после борща, которым накормила Евдокия Семёновна, почему-то совсем не удивившись скорому возвращению, приятелю, другой одежде и ранам на лице, разомлевшие друзья вернулись к Шпарину в дом и улеглись спать. Сергей Николаевич, как гость, почётно разместился на деревянной скрипучей кровати, Шпарин улегся на потёртый диван, долго ворочался, вздыхал и мучался сомнениями. Крыша дома казалась немного светлее, Евдокия Семёновна моложе, Тимофей Анатольевич ниже ростом, а у Валеры «Форд» вроде был белого цвета и без тонировки. Мысли Шпарина потихоньку перебрались к феномену «дубликатов» на территориях дежавю. Двойников в том или ином исполнении по самым скромным прикидкам выходило не менее десяти. «Но могут быть и неучтённые, моим пытливым умом, двойники, кто нас вездесущих считал». В этом месте ему вспомнилась давно придуманная другими пытливыми умами, а может и коллективным сознанием «дубликатов», эгоцентрическая модель устройства Вселенной, отравленная невероятным солипсизмом, — множество Миров, квадрильоны Миров, в каждом из которых был он. В его тяжелом случае эта модель называлась: Я «пуп» Земли. Но и эта модель Вселенной не объясняла необыкновенных приключений, пока Шпарин не подкрался ещё к одной версии — о существовании во всех Мирах подобных «Холмов» вошедших в Резонанс... И породивших ХроноШторм. Со всеми вытекающими чудесами, хронозавихрениями и пространственными трещинами. Все ещё в сомнениях по поводу такой эгоцентрической Вселенной с бесчисленными «Холмами», Шпарин закрыл дверь в комнату, где начал похрапывать Сергей Николаевич, улегся обратно на диван и подумал: «А что я беспокоюсь? Даже если это и не моя среда обитания, то, во всяком случае, очень похожа. Брошу писать про любовь и займусь фэнтези. Материала на пару толстых книжек». Здесь ему в голову пришли мысли о киберсциентической модели Вселенной, МетаВселенной из бесконечно вложенных в друг друга Подобных Миров с неограниченной вариабельностью. Решив поразмышлять над этим завтра — «утро вечера мудренее» — он, наконец, успокоился и уснул.

Мысли Сергея Николаевича двигались в том же направлении, он даже додумался о существовании незатухающего искажённого ХроноЭха, значительно усложняющего жизнь попаданцам в Подобных Мирах и делающего её иногда просто невыносимой. «Мы с тобой хроники, Миша, хронавты, а ты бы сказал, что я ещё и хроналконавт, — засыпая, думал Сергей Николаевич. — Поэтому я про Эхо тебе ни за что не скажу, а если ты считаешь, что мы дома, то я в этом не очень уверен».

Сонные мысли ворочались, ворочались, ворочались, и просыпаться не хотелось.

Он разогнал сладкую дремоту, опустил ноги на пол, позевал, потянулся и посмотрел на часы, будильник, стоящий на телевизоре, на сервант с чайной посудой, на занавески на окнах...

Это было похоже на наивный тест — изучение картинок, когда на двух почти одинаковых изображениях нужно определить лишние детали. Одна картинка была в памяти,

другая перед глазами. Привычные, скромная мебель и вещи, лежали и стояли на своих местах. Но что-то было не так, и зазвенели, зазвенели в голове тревожные звоночки, зазвенели.

Старинный громко тикающий будильник 2-го московского часового завода «Слава» подозрений не вызывал, а вот занавески... Белые, чистые, не холостяцкие оконные занавески. На полке с книгами, справа от тумбы с телевизором, не хватало подборки книг Пикуля, которую он когда-то купил и подарил деду. Деньги, записка, на всякий непредвиденный случай, нашлись на старом месте, под ковром у дивана, но сейчас в бумажнике находилось на три тысячи больше, ровно десять тысяч рублей тысячными купюрами...

Огромный шмель влетел в дом через открытую дверь и загудел, зажужжал над головой, напоминая звуки, издаваемые красным вертолетом Марины Сенокос.

Появиться перед женой в перепачканном костюме Сергей Николаевич, естественно, не мог, и Шпарин предложил другу примерить вещи, оставшиеся после деда.

Экстрасенс выбрал выходной дедовский светло-синий костюм и торжественную белую рубашку. Пиджак подошел и сидел на Маралове как нельзя лучше.

— Брючки малость великоваты. Ну, ничего, ничего, — сказал Шпарин. — А так настоящий пижон. И на тебе чистый платок, положи в карман, галстук повяжи. Вот этот синий.

— Не надо мне галстук! А когда я пижонил по молодости лет, ты под стол пешком ходил, — раздраженно отозвался Сергей Николаевич, пребывая в понятном возбуждении перед встречей с родным городом и женой.

— А все-таки, сколько тебе?

— Пятьдесят восемь, — ответил Сергей Николаевич. — Было. А сейчас не знаю.

— Слегка пожилой мужчина с налетом шика. И не скажешь, что недавно бомжевал.

— А ты не бомжевал?

— Я и мои двойники занимались всякими интересными делами.

— Оно заметно по вашим физиономиям.

Маршрутка и они у пятиэтажки, у дома на 2-й Строительной улице. Второй подъезд, квартира номер 27. Сергей Николаевич, волнуясь, попросил Шпарина разведать обстановку и, не дыша, притих этажом выше.

Шпарин нажал кнопку звонка и, не услышав звуков за деревянной дверью, энергично постучал.

— Кто? — спросил из-за двери грубый мужской голос.

— Мне Людмилу Степановну, — сказал Шпарин.

— А не пойти ли тебе на ... — предложили за дверью.

Шпарин разозлился и заколотил кулаком по драному дерматину. Дверь открылась, из-за небритого субъекта в грязной майке вышла неприятная тетка непонятного возраста. Нечесанные космы, красное лицо, сальный халат и папироска между двух пальцев.

Женщина затаилась, с шумом выдохнула дым и измерила его мутным взглядом с головы до ног.

— Опять ты? Нету Сереги, нету. И не будет. Сдох давно под забором, — дыша перегаром, сказала тетка и захлопнула дверь.

На улице Сергей Николаевич смахнул слезинку, достал из кармана платок, высморкался

и грустно произнес:

— Это не моя Люда. Моя Люда не выпивала. Если бокал шампанского в день рождения, на Новый Год... Большое сердце у нее. Было.

Это был очередной тревожный звоночек. Последний, оглушительный, прозвенел, когда они приехали к серому панельному дому на улице Комарова.

К друзьям, шагающим через детскую площадку, подбежал мальчишка и, обращаясь именно к Шпарину, выпалил:

— Дядь Миш, ваш Ванька опять дерется, а Колька в супермаркете три шоколадки стащил и мне ни одной не дал.

— Детки в папку, — ехидно сказал Сергей Николаевич.

Шпарин потер вспотевший лоб, уселся на скамейку у песочницы и пересчитал этажи дома.

— Было десять — стало двенадцать... У автобусной остановки исчезли газетный и цветочный киоски, испарилась парикмахерская, но появились аптека и продуктовый на первом этаже. Как думаешь, Николаич, джип еще на месте? Тот серый, который мы бросили вчера на перекрестке.

— А с чего это ты вдруг про него вспомнил? — спросил Сергей Николаевич, присаживаясь рядом. — Ты просто так ничего не говоришь.

— Что ты все время язвись? Еще ничего не понял?

— Я все понял в подъезде «моего» дома, — ответил Сергей Николаевич.

— Но еще одна Россия?

— Да сколько хочешь... Неограниченнейшая вариабельность, согласно твоей все объясняющей новейшей теории. Мы все еще «там», по-прежнему, в «темной» комнате, в лабиринте, помнишь, на Базе я говорил?

Шпарин достал бумажник, вытянул тысячную купюру, повертел, помял.

— Одна в одну. Непостижимо.

— Съезди в редакцию. Позвони друзьям, — предложил Сергей Николаевич.

— На хрена?.. На хрена! — выругался Шпарин.

Из подъезда вышла полная, миловидная блондинка и, заметив Шпарина, решительно направилась к песочнице.

— Опять с кем-то подрался? Быстро домой! После обеда придет сантехник. Кран не можешь починить! Я побежала, на работу вызвали, — сказала женщина и сунула Шпарину связку ключей, которые тот машинально взял.

Толстуха, тяжело ступая, вернулась на тротуар и понеслась к автобусной остановке.

— «Вот эта улица, вот этот дом, вот эта барышня, что я влюблен...», — тихо пропел Сергей Николаевич.

Шпарин поиграл желваками, плюнул под ноги, подбросил ключи на ладони и подозвал сероглазого мальчишку, пинающего мяч у песочницы.

— Мальчик... Мальчик, ты меня знаешь?

— Конечно, знаю, — ответил тот.

— А давно ты меня знаешь?

— С самого рождения, — ответил мальчишка. — Ты мой папа. И мой папа снова напился!

— Отдай маме, — тихо сказал Шпарин, протягивая ключи. — Сынок...

Сергей Николаевич, вздохнул и потрепал Шпарина по плечу.

— «... увидеться с женой, со своей, согласно теории о двойниках, посмотреть на своих

детишек, сделанных двойником». Увиделся?

— Николаич, я тебя еще никогда никуда не посылал! Послать?

— Пошли, Миша, пошли. И пойду я туда, пойду. Вместе с тобой.

На следующее утро они стояли на развилке у замшелого пня и всматривались в стену елок. Моросил мелкий дождь. Любой другой человек на петляющей тропинке вряд ли заметил то, что видели друзья, но они знали, где и что искать, и куда смотреть. Вход в другие Подобные Миры обозначали капли дождя и неяркое свечение в конце узкого прохода. Капли падали в «трещину» и, приникая внутрь, переливались, мерцали и искрились.

На друзьях новые джинсы, новые маскировочные куртки с множеством карманов, прочные ботинки, рюкзаки на спинах. В карманах и рюкзаках находились две фляжки с водой, два алюминиевых котелка, две алюминиевые кружки, две ложки, складные ножи, зажигалки, фонари, батарейки, спички, мыло, полотенца, смена белья, таблетки для обеззараживания воды, стерильные бинты, йод, и запас провизии: сало, сырокопченая колбаса, рыбные консервы и тушенка, три буханки ржаного хлеба, сухари, две пачки кускового сахара, четыре плитки шоколада, сухофрукты, соль и чай в герметичных коробках. Все, о чем не забыли и на что хватило денег из «зачапки» под ковром.

— Куда столько набрали? — недовольно спросил Сергей Николаевич, поправляя лямки рюкзака. — Не хватало мне радикулита на старости лет.

— На всякий пожарный случай. Как говорится, запас задницу не...

Шпарин затянул на талии конец капронового шнура, протянул моток Сергею Николаевичу и шагнул с тропинки.

— Держи. Дерну три раза «нить Ариадны» — внимание, четыре — можешь идти. До встречи в другой среде обитания, «экстрасенсапарапсихолог».

Конец первой книги.

Больше книг на сайте - Knigoed.net